

Мотовиловы – от Тимофея Мотвила

Приведем для зачина забавный сюжет из письма киевской С.Н. Мотовиловой своему московскому корреспонденту И.Р. Классону:

К нам, еще при жизни мамы, однажды позвонил [в дверь] какой-то типичный еврей. И спросил: «Кто тут Мотовиловы?». Мама отвечает: «Это я». А он заявляет: «Я тоже Мотовилов». Мама с изумлением: «Этого быть не может!». А он показывает свой паспорт. Когда-то на даче аптекарь-еврей спросил меня: «Почему у вас такая еврейская фамилия?» (?!). Евреи часто получали фамилии по месту жительства, а тут недалеко от Киева есть станция [у местечко] Мотовиловка. (здесь и ниже подобные цитаты – из писем, хранящихся в ф. 9508 РГАЭ)

Так что далеко не все Мотовиловы царской России (и, тем более, СССР – см. ниже) принадлежали к древнему дворянскому роду.

Через пару лет после того как С.Н. Мотовилова стала переписываться с И.Р. Классоном, она, в ответ на его запросы об их общих корнях, привела такие смутные сведения:

В каком-то веке, не помню, пришли из Германии (?) два брата Ивана (?). Один назывался Иван Калита, и [он] был родоначальником рода Романовых, другой, Иван Кобыла – родоначальник рода Мотовиловых. <...> Один мой знакомый вечно дразнил меня: «Вы, с Вашим кобыльим происхождением».

Однако после знакомства автора этих строк, да и самой С.Н. Мотовиловой, с энциклопедическими справками оказалось, что конструкция из «двух германских Иванов» достаточно далека от «исторической правды». Да и И.Р. Классон еще при жизни начал искать «первоисточники». Некоторые из них мы процитируем, весьма существенно дополнив собственными розысками.

Итак, как излагал известный историк Н.М. Карамзин, великий князь Владимирский Иван Данилович, по прозванию Калита (конец XIII – начало XIV века), был сыном Московского князя Даниила Александровича и внуком великого князя Владимирского Александра Ярославовича, по прозванию Невский. И все они вели род от варяга-русича Рюрика (Рёрика), который по просьбе славян принял власть над ними вместе со своими братьями Синеусом и Трувором в 862 году. Правление Рюриковичей закончилось со смертью в 1598-м бездетного Федора Ивановича, сына Ивана Грозного.

Династия же Романовых вела свое начало от царствования Михаила Федоровича (с 1613 года), дальнего родственника (точнее, свойственника) Рюриковичей: он был сыном Федора Никитича Романова, племянника первой жены Ивана Грозного – Анастасии Романовой (дочери Романа Захарьевича Захарьина-Юрьева). По утверждению Н.М. Карамзина, их «неизвестные предки приехали из Пруссии». В то же время Большая энциклопедия под ред. С.Н. Южакова (1904 г.) давала такие сведения по родоначальникам царского рода (дальними родственниками которого были и Мотовиловы):

Род бояр Романовых ведется с XIII века от литовского выходца Дивиновича (Дивоновича), по преданию, потомка прусско-литовских туземных князей. Дивинович принял на Руси христианство под именем Ивана и поступил на службу к московскому князю. Сын же его, Андрей Иванович, по прозванию Кобыла, служил Ивану Калите и его сыну Симеону Гордому и в летописи упоминается как боярин (под 1347 г.) <...>.

А Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1897 г.) приводил, уже по Мотовиловым, следующую статью:

Дворянский род, происходящий, по сказаниям древних родословцев, от Федора Ивановича Шевляги, родного брата Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника царствующего рода Романовых, Шереметевых и других.

Один из сыновей Федора Шевляги, Тимофей Мотовило, был родоначальником Мотовиловых и Грабежевых. Никита Мотовилов был дьяком (1566). В XVII в. многие Мотовиловы были стольниками и стряпчими. Род Мотовиловых разделился на две ветви, внесенные в VI и II части родословных книг Ярославской, Саратовской и Симбирской губерний.

Поясним здесь, что в VI часть губернских родословных книг вносились наиболее древние дворянские роды. Существовала еще «общероссийская» «Бархатная книга» с фамилиями самых знатных дворян – князей, графов, баронов и т.д. Мотовиловы, никогда не гнавшиеся за титулами, в ней не значились. Анонимный автор*, опубликовавший свой опус «Об аристократии, в особенности русской» (в издаваемых А.И. Герценом и Н.П. Огаревым «Голосах из России» – Лондон, 1857), весьма скептически относился к родовитым дворянам из «Бархатной книги» и к самому этому институту:

В 1682 г. [царь] Федор Алексеевич торжественным актом уничтожил местничество и велел сжечь разрядные книги. Вместо их была заведена родословная книга, ныне называемая бархатною, единственно для сохранения памяти о предках. Она составила чисто случайным образом – множество древних родов сюда не вошло, неизвестно по каким причинам, вероятно, большею частью по небрежности, ибо государственного значения она не имела.

Но из ее содержания мы можем составить себе понятие о составе древнего русского дворянства. Разбирая национальность отдельных родов, мы находим, что за исключением 164 родов Рюриковичей, потомков князей варяжских, и 96 родов неизвестно откуда пришедших, – в родословной книге только 36 родов русских и [аж] 551 [род] выехавших в Россию из разных стран, как то: из Франции, Англии, Цесарии, Венгрии и проч., из Пруссии – 65, из Польши и Литвы – 215, из немцев и Варяг – 56, из Греков, Сербов и проч. – 17, из разных татарских орд, Сарацин, Персии, Кафы, Грузии – 143.

Мудрено ли после этого, что бояре и слуги не знали отечества, что они не имели никакой связи с народом? Они съехались в Россию для личных целей, чтобы нажиться, где можно, и этот характер они передали потомкам. В продолжение всей истории бояре остались старыми дружинниками, т.е. сбродом людей разных племен и пород, но одинако имеющих в виду только частные свои выгоды и личные свои притязания. <...>

Зато Мотовиловы вместо «Бархатной книги» попали в список «Фамилий, существовавших в России прежде 1600 года», который был приведен в «Российской Родословной книге, издаваемой Князем Петром Долгоруковым» (ч. I, СПб, 1855). Замысел составителя состоял в описании 3 тыс. дворянских фамилий, однако в отмеченном списке он успел добраться только до «Д-Е» и отдельно – до «Стрешневых» (части III-IV, 1857 г.).

* Специалисты приписывают авторство этой критической статьи профессору права Московского университета Борису Николаевичу Чичерину. А вот какой достойный ответ последнему прозвучал через полтора века:

Разве можно свести всю историю русского дворянства к раболепству перед верховной властью? И неужели за многовековой период существования в нем не проявилось «и тени государственных начал»? Наконец, с какой целью Чичерин подвергал всесокрушающей критике дворянское сословие? Оказывается, ему важно было доказать, что «наисамодержавнейший государь в миллион раз лучше корыстной и надменной олигархии, ищущей только собственной выгоды». Чичерин смотрел на русское дворянство глазами иной, чиновничьей олигархии, ниспровергающей историю своего народа с высоты бюрократического самосознания. Герцен заметил, что гражданской религией Чичерина является апологетика государства – идола с царем наверху и палачом внизу. Тургенев убедился в правоте суждений Герцена о Чичерине, когда уже здесь, в Риме, в четвертой книжке «Голосов из России» познакомился с другой статьей либерального профессора – «Современные задачи русской жизни». – Юрий Лебедев. Тургенев. «Молодая гвардия», 1990

В 1859-м князь Петр Владимирович Долгоруков был вынужден эмигрировать за границу, затем не явился в Россию по вызову правительства, вследствие чего его лишили всех прав состояния и признали изгнанным из оной.

В то же время многие «князья» и «графья» выскочили, можно сказать, в прямом смысле этого слова «из грязи»:

Кичащиеся своим происхождением графы Гендриковы вели свой род от ямщика и конюха Гендрикова, Скавронские – от сапожника Скавронского, родственника «солдатской женки» Екатерины I. Светлейший князь Меншиков был из денщиков. Несколько графских родов создала Екатерина II по линии своих любовников. (Михаил Зощенко. Голубая книга)

Да и упомянутые выше губернские родословные книги издавались зачастую, не имея под собой серьезной документальной базы. Вот подходящий пример:

В старые времена жило себе русское дворянство и пользовалось дарованными правами на основании своих незатейливых грамот, выдававшихся за подписью нескольких других дворян. Теперь, как будто, дело идет о поддержании чистоты и сомкнутости древних аристократических родов, как будто на очереди вопрос о спасении престола и отечества, – теперь требуют от наших дворян, едва помнящих родство, чтоб они отыскивали в семейных архивах, которых ни у кого нет, свидетельства о крещении дедов и прадедов, которые, если и были, то давным-давно затеряны; и требуют, как бы ты думал для чего? Чтоб правительство знало, к какой книге принадлежит такой или иной господин, к 5-й, к 6-й, или к 4-й! И этим серьезно занимаются шестьдесят депутатских собраний и целый департамент Правительствующего сената! (Приятельский разговор. «Голоса из России». Лондон, 1856)

Объективности ради стоит отметить, что «диссидент» П.В. Долгоруков (1817-1868), вынужденно покинув родину, опубликовал за границей немало горьких слов об отечественном дворянстве. Например, такие:

Вот в настоящее время положение политическое и социальное русского дворянина:

1) он имеет право вступить на государственную службу, если благоугодно будет его принять;

2) он имеет право покинуть службу, если благоугодно будет дать ему отставку (к этому надо прибавить, что бывали часто случаи, когда дворяне бывали принуждены правительством без всякого суда и следствия к службе рядовыми);

3) он имеет право путешествовать, если ему не откажут в заграничном паспорте;

4) он имеет право высказывать свои суждения в губернских и уездных дворянских собраниях, но, если суждения его не понравятся правительству, он рискует быть высланным или заключенным в тюрьму без суда и следствия;

5) он имеет право переезжать с места на места, куда ему заблагорассудится, если он только не сидит в тюрьме без суда и следствия.

<...> И кто же виноват во всем этом? Мы сами, русские дворяне. Отделились мы от народа: вместо того, чтобы требовать от царей законных прав и для народа и для нас, помогали мы царям давить народ, приняли, а может быть и выпросили, ную власть над сельским сословием и по справедливому возмездию истории, по заслуженному наказанию от Бога, попали мы сами в крепостное состояние. Захотели мы иметь холопов: приобрели их, обратили в холопство большую часть своих соотечественников и сами соделались холопами. И это справедливо. Поделом нам. (цитируется по пространному предисловию С.В. Бахрушина к «Петербуржским очеркам» П. Долгорукова)

Великий князь Александр Михайлович (1866-1933), можно сказать, подхватил «эстафетную палочку» у своего родовитого собрата:

Трон Романовых пал не под напором предтеч Советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в VI книгу русского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

<...> Описания противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могло бы составить толстый том, который следовало бы посвятить русским эмигрантам, оплакивающим на улицах европейских городов «доброе старое время». <...> В очаровательной пьесе, которая называется «Революция и интеллигенция» и была написана сейчас же после прихода большевиков к власти, философ В.В. Розанов описывает положение российских либералов следующим образом: «Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеть свои мехом подбитые шубы и возвратиться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены». (А.М. Романов. Книга воспоминаний)

Последний сюжет, правда, относился к более поздним поколениям Мотовиловых, живших в конце XIX – начале XX века. Оставим, кроме того, определение исторической ответственности дворян за насаждение крепостного права, укоренение абсолютной монархии в России, а затем – за ее идеологический развал специалистам и продолжим разбираться в роду Мотовиловых.

Приведем заодно упоминание об еще одном заметном историческом персонаже Мотовилове из книги Игоря Андреева «Алексей Михайлович» («Молодая гвардия, серия ЖЗЛ, 2003), относящееся к середине XVII века и славному городу Зарайску:

Для взыскания недоимок на Руси испокон веков существовало универсальное средство – правеж. На правеже деньги выколачивали из злого должника в прямом смысле палками. Однако на этот раз колоссальные размеры недоимок заставили правительство [боярина Бориса Ивановича Морозова] усомниться в действенности привычных мер. Давление было усилено и доведено до формулы «править нещадно», без отступлений и поблажек.

Вот образчик подобного восполнения казны с недоимщиков. В Зарайске 27 октября 1647 года воевода Феоктист Мотовилов за час до рассвета разослал стрельцов по дворам посадских. Сознав их с постели, «загнали в город и начали бить на правежи нещадно». Кряхтя, горожане недоимки собрали, но Мотовилову этого показалось недостаточно. «То де вы принесли песку, а не деньги, а хотя де и деньги де ваши лежат», – объявил он и пригрозил на правеже за упорство ноги переломать. И в самом деле принялся ломать, приказав начать правеж заново. При этом, по рассказу посадских людей, били всех без разбора, долго, закрыв предварительно ворота, чтобы не разбежались. (Российский государственный архив древних актов. Фонд 210. Владимирский стол. Дело №138, листы 49-50)

И подобных упоминаний в разных исторических документах о разнообразных Мотовиловых можно найти немало. Но мы вынужденно сосредоточимся лишь на «сибирских Мотовиловых».



Герб дворянского рода Мотовиловых
(источник: Симбирско-Ульяновская энциклопедия, Ульяновск, 2000 г.)

В «Материалах исторических и юридических района бывшего приказа Казанского дворца», разобранных и приготовленных к изданию Павлом Митрофановичем Мартыновым, товарищем председателя Симбирского окружного суда, и изданных в Симбирске в 1882-1912 годах, можно найти такую «променную запись»:

Се аз, арзамасец Семен Кириллов сын Мотовилов, в нынешнем во [7]202-м году [от Сотворения Мира], марта в 21 день, дал я сию на себя запись Ивану Осипову Мертваго в том, что променял я, Семен, ему, Ивану, Великих Государей жалованье, а свою поместную землю, в Алаторском уезде, в Низсурском стану, в селе Мурзицах да в пустоше Стрелке, 75 четвертей в поле, а в дву потому ж, со всеми угоды, по писцовым книгам и по дачам. А против той своей променной поместной земли выменил я, Семен, у него, Ивана, в Алаторском уезде, в пустоше Атужевской (?) поместной его земли осми-ну. А меняемся мы теми своими поместными землями пусто на пусто, без крестьян и с переходими четвертями. А за переходя четверти взял я, Семен, у него, Ивана, семьдесят рублей денег.

<...> А буде я, Семен, и жена моя и дети, впредь о повороте той своей поместной земли Великим Государям бить будем челом или у допросу не скажем, и ему, Ивану, и жене его и детям, взять на мне, Семене, и на жене моей и на детях, по сей записи, сто рублей денег. А сия запись и впредь в запись. У сей записи послухи: Афонасий Прасолов, Федор Васильев. А запись писал Ивановской площади подъячий, стольника и полковника Стремятнаго Сергеева полку Григорьевича Сергеева десятник, Варфоломейка Сизов, лета 7202 году, марта в 21 день. К сей записи Семен Мотовилов руку приложил. Послух Афонька руку приложил. Послух Федька руку приложил.

Выходит, Семен Кириллович Мотовилов грамоте обучен не был, потому и «руку приложил», вместе с послухами (в древнерусском судебном праве – свидетелями, обладающими «доброй славой», т.е. достойными доверия) Афонасием Прасоловым и Федором Васильевым. Составитель «Материалов...» П.М. Мартынов поставил вопрос после упоминания «пустоши Атужевской», потому что в список географических наименований он вынес более распространенное название – «пустошь Атучевская». Но пусть в этом разбираются опять же специалисты – историки, филологи и топонимики. Уездный город Алатор находился примерно в 150 верстах на северо-запад от Симбирска, на р. Сура. Четверть земли составляла около полдесятины, осьмина – четвертую часть.

Попробуем теперь протянуть, хотя бы пунктиром, «связь времен» от Андрея Кобылы (упоминание в летописи в 1347 г.) с его племянником Тимофеем Мотовилом, дьяка Никиты Мотовилова (1566 г.) и арзамасца Семена Кирилловича (7202 г. от Сотворения Мира, или 1694 г. от Р.Х.) до XIX века. И поможет нам в этом внимание исследователей к славному представителю рода Мотовиловых – Николаю Александровичу, «Серафимову службе». Он стал, как известно, сотаинником преподобного Серафима Саровского в Дивеевской обители.

В 1999-м вышла книга «Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель» (издания Свято-Троице-Серафимо-Дивеевского монастыря), где отмечалось:

В середине XVI века известны Мотовиловы, вотчинники Переяславль-Залесского уезда. В начале XVII века известны Мотовиловы, вотчинники Холмогорского и Ярославского уездов. Связь Переяславских, Холмогорских и Ярославских Мотовиловых с Арзамасскими пока не прослежена.

В данном труде описывается Арзамасско-Симбирская ветвь этого славного рода (хотя и с явными ошибками, особенно в части хронологии). В XVII веке этим Мотовиловым за службу государю было пожаловано около 200 десятин, в поместье, а затем и в вотчину. Как известно, поместье, условное земельное владение, предоставлялось дворянам за несение военной и государственной службы, не подлежало продаже, обмену и наследованию.

В XVI-XVII веках поместье постепенно сближалось с вотчиной и слилось с ней по указу 1714 года. Оказывается, у Егора Николаевича (прямого предка С.Н. Мотовиловой) и Николая Александровича («Серафимова службы») был один и тот же дед – Иван Михайлович. Отметим также, что в свою очередь дедом Ивана Михайловича был как раз тот самый арзамасец Семен Кириллович, который к «променной записи» за 1694 год «руку приложил» и который менялся землями под нынешним чувашским городом Алатырем.

Иван Михайлович Мотовилов был женат на дочери симбирского помещика Ивана Мироновича Репьева Крестине (Христиныне), в 1747 г. его произвели в подпоручики, а в 1767-м – в поручики. Как видно, продвижение по военной службе в XVIII веке не всегда шло быстро. Иван Михайлович владел половиной Арзамасского имения деда Семена Кирилловича (а жена в качества приданого принесла часть имения Цыльна, которое постепенно стало родовым именем Мотовиловых в Симбирском уезде). Иван Михайлович с Крестиной Ивановной произвели на свет сыновей Николая, Александра и Евграфа, а также четырех дочерей.

Приведем здесь фрагмент истории приобретения и наследования имений Мотовиловыми и их судебной тяжбы с татарами в деревне Цыльна (получившей позже приставку «Русская») из фундаментального труда того же Павла Мартынова «Селения Симбирского уезда (материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде)». Симбирск, 1903 г.:

<...> Именье же Селиверста Шишелова [в с. Русская Цыльна] перешло в род Мотовиловых следующим порядком: внук Селиверста Шишелова, драгун Иван Шишелов, продал в 1726 году капитану Василию и поручику Ивану Мироновым Репьевым всю дедовскую землю по реке Цыльне по другим урочищам.

В 1730 году капитан Василий Репьев продал свою долю брату Ивану, по смерти которого, в 1764 году, указную часть получила вдова его Авдотья <...>, а остальное (352 дес. 600 саж. пашни, да на усадьбу и выгон 88 дес. 1950 саж.) наследовала дочь Христиныя, вышедшая замуж за подпоручика Ивана Михайлова Мотовилова. <...>Но должно быть еще ранее этого у Мотовиловых была здесь земля, потому что в 1844 году сыновья Христины Мотовиловой говорят, что «при Цыльне земля предкам их жалована», хотя при этом никаких документов не представляют.

<...> В 1791 году Христиныя Мотовилова умерла, оставив при селе Рождественском, Цыльна тож, и в других местах 318 четвертей пашни и 150 десятин сенных покосов. Ей наследовали сыновья Николай, Александр и Евграф Ивановы Мотовиловы.

<...> Помянутые Николай и Александр Ивановичи Мотовиловы судились, с 1794 г. по 1818 г., из за земли с татарами соседних деревень Большой и Малой Цыльны. Татары жаловались, что Мотовиловы «завсегда чинят им во владении земли и сенных покосов крайнее стеснение и обиды, и ныне оные господа Мотовиловы, взяв верх над обиженными, завладели, усильством своим, почти последнюю их землю: запахали и засеяли хлебов до 600 десятин, да подкошено ими же в татарских дачах сена до 200 дес., коего и свезено ими в свое селение до 500 возов». Однако этот спор разрешен в 1818 году Симбирскою Палатою Гражданского Суда в пользу Мотовиловых.

Николай Иванович родился в 1756 г., женился на Вере Максимовне (урожд. Ружевской или Ржевской), тоже из дворян. Н.И. Мотовилов служил в гвардии Измайловском полку, в 1777-м «уволился за болезнями» в отставку в чине подпоручика.

Имения его были: наследственные – Симбирской округи село Рождественское, или Цыльна, Саратовского наместничества Аткарской округи деревня Ивановка, или Мотовиловка (по-видимому, получила второе название по одноименному роду), приданные за женою – Саратовского наместничества Корсунской округи село Озимки, Сызранской округи село Режевка (Репьевка). Н.И. и В.М. Мотовиловы проживали в селе Цыльна, в 1781-м произвели на свет сына Егора.

Брат же Н.И. Мотовилова Александр Иванович был женат на Марии Александровне Дурасовой. Начал службу при дворе Екатерины II, в 1809-м получил звание подпоручика. Но потом, по болезни, уволился в чине поручика и скончался в 1816 году. Владел рядом сел и деревень в Симбирской губернии. Главное имение располагалось в селе Рождественском, или Цыльна и насчитывало 450 десятин земли.*

* Мотовилова Мария Александровна, урожд. Дурасова, супруга подпоручика Александра Ивановича Мотовилова, р. 17 июля <без указания года> браком сочеталась 23 января 1806, † 20 июля 1826. С сыном Н.А. Мотовиловым (с. Конкино Буинского у.)

Источник: Река времен (Книга четвертая). Русский провинциальный Некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996

Его сын Николай Александрович («Серафимов служба») родился в 1809-м. Он с 1829 года владел землями и крепостными душами в селе Рождественское, или Цыльна и деревне Мокрая Бугурна* в Симбирской губернии и уезде, селе Никольском, или Ермоловке в Карсунском уезде, в сельцах Соврасово, Бритвино и Рожново в Лукояновском уезде.

Отметим здесь, что административное устройство Российской империи неоднократно перекраивалось. Поэтому, по данным упомянутого выше источника, в 1859 году Карсунская округа уже была Карсунским уездом и относилась к Симбирской губернии.

Широко известно письмо Н.А. Мотовилова императору Николаю I:

<...> Предки мои – славянские властители, равные в правах нынешних дворян, удостоились участвовать вместе с Гостомыслом в призвании Рюрика, Синеуса и Трувора на княженье землю Русскою, что хотя известно только мне по семейным нашим преданиям, однако никакому сомнению не подлежит.

А с Пожарским и Мининым были тоже двое Мотовиловских предка мои при избавлении Москвы и России от поляков и потом при возведении на Всероссийский престол Всеавгустейшего дома Романовых.

*Из них от Евсевия Семеновича Смирного-Мотовилова, воеводы иркутского или тобольского**, по прямой линии происходит прадед мой, надворный советник Михаил Семенович Мотовилов, трудившийся вместе с фельдмаршалом Минихом в свержении Бирона и открывший в Саровской пустыни тот акт, который нужен был Государыне Цесаревне Елисавете Петровне при восшествии ее на престол Всероссийский. И во все время почти тысячелетнего дворянства своего в государстве Российском Мотовиловы, служа стольниками и полковниками, сотниками стрелецких полков и в областных городах, что ныне губернские, ни разу не изменяли ни Богу, ни Государю, ни Отечеству, служба и Тому, и другому, и третьему всегда верою и правдою.*

А с материнской стороны я осмелюсь, указав на покойного бригадира Николая Алексеевича Дурасова и всех от сестер его происходящих, заключить, что она из одного и того же рода и, в доме его быв воспитана, имела счастье неоднократно пользоваться высоким благоволением и Всеавгустейшим вниманием великой бабки Вашей Государыни Императрицы Екатерины Великой, каковым удостоен был и родитель мой, начавший службу свою при Высочайшем дворе Ее Величества и только по тяжким болезням своим, и во всю потом жизнь удручавшим его, принужденный выйти в отставку. (ф. 109 ГАРФ)

Итак, серьезным исследователям-историкам (если им это, конечно, интересно) остается лишь увязать между собой, со всеми подробностями, разные ветви Мотовиловых и «соединить» соседние века – XIV, XV, XVI и XVII. Мы же за эту многотрудную задачу, конечно, не беремся, а потому продолжим раскапывать подробности по «нашим, симбирским Мотовиловым» в XIX веке.

* В начале XX века эту деревню, как и другую – Сухую Бугурну, а также давшую им имя речку стали именовать через «о» – Богурна. См., например, «Селения Симбирского уезда», Симбирск, 1904. Село [Русская] Цыльна (Рождественское тож) – см. ниже – находилось в 55 верстах от Симбирска (село Мокрая Бугурна – в 47 верстах, а Сухая Бугурна – в 45-ти).

** Тобольск был основан в 1587 г. и стал центром русской колонизации Сибири, а в XVII веке – местом пребывания первенствующих сибирских воевод, этот статус закрепила петровская реформа 1708 г., когда Тобольск был назначен административным центром Сибирской губернии. А Иркутскую губернию выделили из последней лишь в 1764 г., но к тому времени Е.С. Смирной-Мотовилов давно умер (до 1628 года). Поэтому мы поставили бы как минимум запятую в определении его должности по Н.А. Мотовилову – «воевода иркутский, или тобольский».

И начнем мы с Егора Николаевича, сына Николая Ивановича Мотовилова и Веры Максимовны Ружевской (Ржевской), родившегося в 1780-м. Как сына дворянина в 1792 году его записали в гвардии Преображенский полк, а в 1793-м в чине артиллерии подпрапорщика он «был отпущен из оного полка для окончания наук». После недолгой службы в кавказских гарнизонах и выхода в отставку в 1801-м в звании поручика артиллерии исполнял должность сенатора Кассационного департамента Симбирской губернии. Егор Николаевич стал богатым помещиком (имел более тысячи душ, отлично устроенных и незаложенных) и значился дворянином VI части родословной книги по Симбирской губернии.

После женитьбы на Прасковье Федосеевне Ахматовой он продлил многочисленный род Мотовиловых, произведя на свет сыновей Николая, Андрея и Ивана, а также дочерей Варвару, Александру и Анну. Варвара, скорее всего, умерла в детстве.

Жил Е.Н. Мотовилов, как уже упоминалось, под Симбирском в своем имении в селе Цыльна. Оно стало вскоре именоваться Русской Цыльной из-за того, что невдалеке появились татарские деревни Большая и Малая Цыльна.

Марья Михайловна Володина (урожд. Гельшерт) из Тамбова в письме С.Н. Мотовиловой в Киев за апрель 1964 г. так вспоминала о родственниках:

Я слышала про двух братьев Ивана Егоровича: Андрея Егоровича и Николая Егоровича. Про сестер я тоже слышала – про двух: одна, Александра Егоровна, вышла замуж за моего прадеда Федора Федоровича Гельшерта. У нее было два сына: один – мой дедушка Дмитрий Федорович, а другой – жадный и развратный Александр Федорович. Другую сестру, Анну Егоровну, братья выдали за жандармского офицера Стогова.

У них было несколько дочек, я помню – Ия, Алла, Анна и один сын Илиодор. Стогов был очень неприятный человек, сына выгнал из дома, и он где-то пропал бродягой, дочек всех повыдавал замуж. Одна из них, Анна Вакар, жила в Киеве, и моя мама [(Анна Ивановна)] как-то встретила с ней там. А когда моя мама и [ее сестра,] тетя Соня учились в Киеве, то эта Вакар по выходным дням брала их к себе домой.

Николай Егорович был беднее других, так как его отец за что-то не любил и все свое состояние разделил между Иваном Егоровичем и Андреем Егоровичем (дочкам он, наверное, дал приданое). Когда умерла их мать [(Прасковья Федосеевна)] – наша прабабка, то ее имение досталось всем трем братьям поровну, но Иван Егорович свою долю материнского наследства отдал Николаю, а то бы у него вовсе ничего не было бы. Андрей Егорович был самый богатый и нечестный. Когда Иван Егорович решил уйти в монастырь, он поручил Андрею присматривать за его имуществом. Но когда передумал и вместо монастыря решил жениться, то вернулся домой, а Андрей Егорович уже вывез из его дома все серебро и вещи.

Иван Егорович сперва предлагал хозяйствовать моему прадеду Федору Федоровичу. Тот согласился за вознаграждение, Иван Егорович обиделся за это на него. А Андрей Егорович сказал: «Какая плата может быть между родными!» А сам все поворовал. Наверное, мой прадед был честнее.

Последнее письмо С.Н. Мотовилова («семейная связь», как она сама себя характеризовала) переслала из Киева И.Р. Класону в Москву (но с возвратом). Добавим здесь, что дочь Анну «неприятный человек» Э.И. Стогов выдал за Виктора Модестовича Вакара, как и остальных дочерей – за соседей по имению. Мы еще сможем оценить объективность М.М. Гельшерт-Володиной в части характеристик предков.

А сейчас попытаемся проверить достоверность информации М.М. Володиной о «пропавшем сыне» Э.И. Стогова Илиодоре.

Исследователь биографии Анны Ахматовой В.А. Черных установил, что Илиодор – это не «ошибка памяти» М.М. Володиной:

Единственного своего сына – Илиодора – Э.И. Стогов, по семейным преданиям, проклял за непослушание, выгнал из дома и лишил наследства. В 1882 г. Илиодор Эразмович Стогов занимал скромную должность учителя немецкого языка в Полтавском реальном училище. Всех дочерей Э.И. Стогов выдал замуж за соседей по имению: Анну – за Виктора Модестовича Вакара, Аллу – за Владимира Тимофеевича, Юю [(Ираиду)] – за Александра Григорьевича Змунчиллу, Зою – за Льва Демьяновского.

Согласно семейному преданию, младшая из сестер – Инна Эразмовна – также была выдана за Змунчиллу, по-видимому, брата или племянника Александра Григорьевича – мужа ее старшей сестры Ии.*

Оставим на совести М.М. Володиной негативную оценку достаточно здравых поступков Э.И. Стогова: «дочек всех повыдавал замуж». В то же время ее информация о «пропащем сыне» Э.И. Стогова Илиодоре вполне достоверна.

А И.Р. Классон, потомок Мотовиловых по своей матери Софье Ивановне, так подытоживал информацию о предках в неоконченной главе воспоминаний:

Отец нашей матери Иван Егорович Мотовилов, будучи корнетом в гусарском полку, проиграл в карты крупную сумму, уплату которой он считал долгом чести. Хотя полковой командир, предполагая игру выигравшего нечестной, велел Мотовилову не платить проигрыша, последний продал одно из своих имений, проигрыш заплатил, ушел в отставку с военной службы и [от сильных переживаний в мирской жизни] решил постричься в монахи.

*Но, навещая свою сестру в Харькове**, влюбился в очень молодую дочь врача, по происхождению итальянца, Франца Флориани, вдовца в браке со швейцаркой (из немецкой Швейцарии) – Луизу и женился на ней. Ему было 30 лет (письмо М.М. Володиной из Тамбова от 10 мая 1964 года), а ей 18 (по тому же письму) или 16 (по письму Н.С. Мотовиловой из Ленинграда мне 16 января 1975 года и по словам нашей мамы, то же – по памяти С.Н. Мотовиловой из Киева).*

Наш прадед Егор Мотовилов почему-то невзлюбил своего старшего сына [Николая] и не оставил ему наследства. Он поделил его между Андреем Егоровичем и нашим дедом Иваном Егоровичем. Когда умерла их мать, то ее имение досталось поровну всем трем сыновьям, но Иван Егорович отдал свою долю брату Николаю.

Когда Иван Егорович еще собирался в монастырь, он поручил Андрею присматривать за его имуществом, тот многое из серебра и вещей присвоил (по письму М.М. Володиной из Тамбова от 13 апреля 1964 года С.Н. Мотовиловой в Киев) и распустил слух, что брат Иван женился на еврейке (по тому же письму М.М. Володиной из Тамбова, я тоже слышал от сестры Сони, что сыновья Андрея Ивановича говорили ей это в 1910-х годах!).

Помню рассказы матери в моем детстве о симбирских имениях ее отца – [Русской] Цыльне и [Мокрой] Бугурне. Она в детстве росла в Цыльне, а позже ее отец (наш дед) с семьей жил преимущественно в Бугурне и в самом Симбирске. Наша мама с нами тремя (Соня, Таня, Ваня) весной 1900-го по дороге из Москвы в Баку заехали к отцу в Симбирске. От матери я узнал, что у ее родителей было 15 детей, из которых трое или четверо умерли еще в младенчестве.

* Выходит, брак Инны Эразмовны Стоговой с Андреем Антоновичем Горенко был уже вторым? Но подтвердить или опровергнуть это – задача профессиональных историков-биографов.

** Как предположил автор сих очерков, И.Е. Мотовилов навещал свою любимую сестру Анну – уже жену Э.И. Стогова, значит, это происходило в Киеве, а не в Харькове!

Моя сестра Соня в молодости, вероятно в 1911 году, составила родословную нашей семьи на двух листах: Классонов и Мотовиловых. Но у меня почему-то сохранился только лист родословной нашего отца...

Наша мама была ближе со своим отцом, чем с матерью, и о ней рассказывала мало, но как-то вспомнила ее афоризм: «Лучший способ испортить отношения с кем-нибудь – это сделать ему добро». А иногда Луиза Францевна вспоминала: «Ведь я всегда должна позаботиться об очередных двенадцати парах ботинок!».

Дед Иван Егорович был хорошим хозяином. При крепостном праве не допускал эксцессов. Лечил местных крестьян. Завел замечательный конный завод.

К «еврейке», на самом деле итальянке, Луизе и ее любящему мужу Ивану Егоровичу Мотовилову мы обязательно вернемся, так же как и к «нелюбви» Егором Николаевичем сына Андрея, а пока продолжим описывать более дальних предков.

П.Ф. Ахматова, выйдя замуж за Е.Н. Мотовилова, родила ему в 1807-м Николая, в 1808 – Андрея, в 1817 – Анну, в 1820-м Ивана (будущего отца С.И. Мотовиловой-Классон) и примерно в 1821-м – Александру (как мы уже упоминали, третья дочь – Варвара умерла, по-видимому, в детстве). А «неприятный человек» Эразм Иванович Стогов (1797-1880) в своих воспоминаниях оставил, тем не менее, весьма яркие описания Мотовиловых.*

Окончив Морской корпус в Петербурге, он служил на флоте. Однако затем решил кардинально изменить карьеру и в 1834 г. прибыл в Симбирск уже как жандармский штаб-офицер. В 1837 г. по распоряжению А.Х. Бенкендорфа Э.И. Стогов был переведен на должность правителя канцелярии к киевскому генерал-губернатору Д.Г. Бибикову, где и прослужил до 1851 г., сохраняя любовь к волжскому городу: «Симбирск много дал мне счастливых дней, дал мне милую с ангельской душою жену <...>».

Итак, вот первый эпизод, связанный с поиском невест и последующим сватовством Э.И. Стогова к Анне Егоровне Мотовиловой, попутно живописующий ее родителей:

Если обратиться к переходу моему в жандармы, то одною из важных причин было мое желание жениться. Сделавшись членом симбирского общества и чувствуя себя хорошо и твердо стоящим, я, хотя и плясал, но не забывал искать невесты. Симбирск отличается хорошими личиками барышень. Войск в Симбирской губернии никогда не было никаких, молодежь большею частию на службе, невест хоть лопатой гребли. В самом городе составленный мною список показал 126 невест великодушных, т.е. имеющих приданого более 100 душ [крепостных]; за малым исключением, я мог жениться на любой. Жениться – надобно поразмыслить, а как стал размышлять: та – не нравится, другая – имеет дурных братьев, третья – имеет родителей, которых уважать не могу, и т.д. Нет мне невесты в городе.

Была мне другом Марья Петровна Прожек, урожденная Белякова; она постоянно советовала мне жениться. Я решил собрать сведения о девицах по деревням. Нашелся чудака, ни с кем не знакомый, в Симбирске не бывал, поручик артиллерии в отставке; у него жена, три сына и две дочери-невесты, чудака – никому в жизни не поклонился.

[Губернатор] Загряжский попробовал было потребовать его в город, он отвечал, я не мальчик разъезжать, что нужно губернатору, то пусть пишет, я грамотный, и не поехал. Чудака, но ни одно сословие не сказало о нем дурного слова: купцы говорили – честный барин, помещики – чудака, но честный; мужики – называли отцом родным; чиновники – боялись затронуть его; богатые называли его скупцом, бедные – благодетелем. Любви к нему не выражалось, но и не ходило о нем ни одного анекдота.

* Записки Э.И. Стогова, глава VIII. «Русская Старина», июль 1903 г. (см. Приложение).

Чудак этот был Егор Николаевич Мотовилов. О дочерях – ничего нельзя было узнать, их никто не видал, но городовые и горничные говорили, что старшую больно хвалят, дворня вся любит ее. На других деревенских семействах незачем было останавливаться. Однажды я высказал мое любопытство Марии Петровне; она хохотала, говорила, что она соседка в 20-ти верстах, но не знакома, потому что никто не знаком. Я просил ее съездить и посмотреть, не годится ли мне старшая дочь.

Мария Петровна поехала и на другой день писала: «Если судьба назначила тебе иметь жену, то такому тирану нет другой жены, как бедная, кроткая Анюта!» На другой же день я был в Цильне – это 60 верст от Симбирска*.

Приехал я часу в 5-м после обеда. Дом небольшой, деревенский, прост даже для очень небогатого помещика; внутри дома еще проще, стены не оклеены, не крашены, мебель самая простая, домодельная, обтянутая кожей и жесткая, как камень.

В зале, у стены кровать, на которой лежал пожилой человек, посреди комнаты небольшой стол, у которого сидела благообразная старушка и поп. Я отрекомендовался, говоря, что еду на следствие, но заехал напиться чаю. Больной старик встал и сказал, что он поручик Мотовилов, а старушка – жена его. На старике тулупчик и брюки были разорваны.

Никакой церемонии, при встрече со мною никакой суеты не было. Старик сел на кровать и молчал, зато я говорил, как шарманка. Лакей, тут же в зале, начал готовить чай, и он же разливал. Коснулся я хозяйства и насилиу вызвал старика на кой-какой ответ, он говорил неохотно и как-то странно.

– Да, батцка, наше дело хозяйничать, а ваше служить, каждому до своих дел.

Вошли две девицы.

– Это две мои дочери, – сказал старик, – вот старшая Анюта**, а эта младшая Александра.

Девочки в корсетах, в ситцевых поношенных платьях, молча сели. Надобно знать, что владею способностью по голосу женщины, не выдавши ее, заключать об ее характере и почти безошибочно. Не обращая внимания на девиц и поддерживая кое-как разговор со стариком, я хотел слышать голос старшей. Сестры так были не похожи между собою, будто разного семейства: старшая – блондинка, круглого лица, младшая – брюнетка с продолговатым лицом. За чаем что-то девицы отвечали матери; мне было довольно, чтобы заключить все хорошее о старшей.

Наступила темная октябрьская ночь, надобно было ночевать, старик без церемонии сказал:

– А вы ночуйте за рекой, там живет мой брат, да его нет дома, я прикажу вас проводить.

Из всего я увидел, что старик независимый и даже гордый человек. Уехал я ночевать к другому Мотовилову, меня там приняли очень вежливо***. Прощаясь со стариком, я напросился на утренний чай. Этот чудак старик имел более 1 000 душ [крепостных], отлично устроенных и незаложенных. В 5-ть часов утра меня разбудили и звали пить чай к старику. Я нашел все семейство в той же комнате, дочерей в корсетах и причесанных, а старика, сидевшего около стола у окна, в том же костюме. Я уселся по другую сторону стола. Мимо окна прогоняли превосходных лошадей, коров, мериносов, и старик, указывая на стада, рассказывал мне о своем хозяйстве.

* Как мы уже упоминали, это село Русская Цильна (Рождественское тож), которое находилось при одноименной речке на почтовом тракте в Казань в 50 верстах от Симбирска.

** Если сватовство происходило в 1834-м, то невесте было 17, а жениху – 37 лет.

*** «Брат за рекой» был, скорее всего, кузеном Николаем Александровичем («Серафимовым служкой»), который тоже владел землями в Русской Цильне.

– Да, батцка, – сказал он, вздохнув, – слава Богу, все хорошо, только не дает Бог здоровья. Я знаю, что долго не проживу, старуха скоро отправится за мною, сыновья у меня отделены, вот только не подумал я о дочерях, их жалко оставить, – без родителей им будет трудно жить.

– Кто жил для детей, – сказал я, – тот исполнил святую обязанность, и Бог не оставляет такие семейства. Впрочем, что же вам беспокоиться: дочери ваши пользуются прекрасною репутациею, никто не скажет о них ничего кроме хорошего.

– Все оно так, – отвечал старик, – может быть, вы говорите и правду, но ныне времена стали тяжелые, одним молодым девицам жить трудно, есть у меня сын женатый, да сестры мужа не жилицы при невестке. Вот как подумаю о дочерях, так мне и жалко их.

– Я не понимаю, Егор Николаич, почему так тревожит вас положение ваших дочерей, отдайте за меня старшую. Мы все смертны; если Богу угодно, то я вас похороню, тогда младшая будет жить у сестры, а со временем и ее судьба устроится.

Старик серьезно посмотрел на меня и, сделав сердитые глаза, сказал:

– Шутить так неприлично, вам не дано повода к тому.

– Ни ваше положение, ни мое звание, – сказал я, – не дают мне права шутить. Я не из тех людей, чтобы дозволить себе подобную шутку, скажу прямо, я нарочно к вам приехал, чтобы просить руку вашей старшей дочери, и повторяю мою просьбу.

– Да вы не могли знать моей дочери?

– Извините, я жандарм, я обязан все знать и знаю.

– Но я должен вам сказать, что мы вас не знаем.

– Вот это правда: предоставляю вам узнать о мне, а я вам доложу, что я превосходный человек во всех отношениях, и вы не найдете недостатков во мне.

– Ну, батцка, аржаная каша сама себя хвалит, – и старик рассмеялся, что мне и нужно было.

– Ну, так как же, Егор Николаич, какой ваш будет ответ?

– Послушайте, батцка, нам надобно подумать да узнать, что вы за человек.

– Вот и это можно; только если я имею не много ума, то я надую вас отлично, лучше верьте, что я прекрасный человек.

– Правда, нынешний народ хитер, трудно узнать человека, но все же надобно подумать и узнать.

– Итак, прощайте, я еду обратно в Симбирск, а вам хочу сказать: как родители, можете располагать рукою дочери и если откажете, то я, может быть, более буду уважать вас, этому верьте.

Перед отъездом я спросил, когда получу ответ. Старик обещал прислать.

В Симбирске никто и предполагать не мог о моем намерении.

Через четыре дня является ко мне лакей Мотовиловых, Тит.

– Что скажешь? – спросил я.

– Егор Николаевич и Прасковья Федосеевна приказали кланяться и просить вас пожаловать к ним в Цильну.

– Более ничего?

– Ничего-с.

– Ступай.

Это было рано утром, почтовые лошади, тарантас, и я опять к чаю в Цильне. Тот же час, в той же комнате, те же лица (кроме попа) и так же одеты, тот же лакей делал чай. Говорил опять только я почти один. Прошло два часа, старик ни слова не говорит о своем согласии или отказе. Не любя проволочки в делах, я сам начал:

– Егор Николаич, если вы припомните, я просил руки вашей старшей дочери; вы за мной прислали, вот уже два часа я здесь, но не слышу вашего слова.

– Мы с Прасковьей Федосеевной думали, старались узнать о вас, да ведь один Бог вас узнает. Но вот, видите ли, вы в голубом мундире, этого мундира никто не любит, но вас все хвалят, видно, и вправду вы хороший человек, а если так, то Бог вас благословит.

Я подошел к старику, поцеловал его руку и уверял его, что я такой хороший человек, что чем более меня узнает, тем более полюбит. Старик смеялся.

– А ты, батцка, все-таки себя хвалишь, – говорил он.

– Да кто же меня похвалит, если сам не скажу о себе правды.

После этого я подошел к старухе и просил ее дать свое согласие. У этой добродетельнейшей из женщин и лучшей из матерей показались слезы на глазах.

– Мы вас не знаем, – сказала она взволнованным голосом, – я никогда не решилась бы отдать дочь неизвестному мне человеку, но 40 лет говоря моему мужу да, всегда видела в том добро, не хочу и теперь сказать нет, надеясь на Бога, что дочь моя будет счастлива.

– Пожалуйста вашу руку и позвольте назвать вас матерью. А что ваша дочь будет счастлива, в том не сомневайтесь, во-первых, потому, что я превосходный человек, а во-вторых, потому, что я сам хочу быть счастливым, а без счастья жены нет счастья для мужа. Будьте уверены, что вы полюбите меня не менее своих родных детей.

Старуха усмехнулась.

– Ну, батюшка, – сказала она, – хвалить-то себя ты мастер.

Потом подошел я к невесте.

– С родителями вашими уладил, – сказал я, – остается дело за вами.

– Я вас совсем не знаю, – отвечала она.

– Да где же вам и знать; не только молоденькую вас, но я и ваших родителей сумею обмануть. Не в том дело, а вот в чем: я до сих пор был один из счастливых людей, хочу жениться не для того, чтобы быть несчастным; счастье состоит в согласии супругов, а это не всегда от них зависит.

Вы слабые создания, а мы – сила; для уравниения Бог дал вам то, чего мы не имеем – женщина наделена от Бога особым чувством – инстинкта. Ни с того, ни с сего девушке не нравится в мужчине: голос, походка, манера – это называется антипатией; но мужчина, не красивый собою, привлекает внимание девушки каждым своим движением и ей нравится; это называется симпатией.

Я глубоко верую в эти чувства. Мы друг в друга не влюблены, то можем рассудить хладнокровно. Нам не с стариками жить, если в вас есть ко мне малейшее чувство антипатии, заклинаю вас – скажите откровенно, потому что чувство антипатии я не волен изменить, тогда я буду несчастлив, и все несчастье падет на вас, бедную. Вот, пожалуйста, посмотрите, я буду ходить, голос мой вы слышали, наружность видите, подумайте и скажите, нет ли во мне чего-нибудь противного?

И я начал ходить по комнате; старики молчали.

– Скажите, заклинаю вас, – спрашиваю я, остановившись перед невестой, – нет ли во мне чего-либо противного?

– Нет, – отвечала она.

– В таком случае, пойдете к образу, перекреститесь.

И только она перекрестилась, как я быстро поцеловал ее и сказал: теперь и с вами кончено, теперь вы моя невеста.

Ночевал я опять за рекой, поутру в 5 часов пил чай и был уже не чужой в семье. Старик был болен, и я упросил его переехать ко мне в город. Он согласился. Это был такой человек, что, сказавши раз да, слова своего не переменит, а сказавши нет, тоже не изменит до смерти.

После я узнал, что этот по наружности чудак был замечательно умный и даже начитанный человек, но гордый и самостоятельный.

В городе никому и на ум не приходило, что я жених. Скоро старик переехал ко мне, и это обратило общее внимание. Пошли толки по всему Симбирску; предположений, пересудов, догадок и не сосчитать, а я никому ни одного слова.

Странное отношение мое было с обществом, я был знаком со всем городом, бывал в семействах по-старому, спросить меня совестились, а я молчал.

Раз, идя по улице, встречаю своего корпусного товарища – Андрюшу Сомова. Он очень давно оставил флот, был в комиссариате и теперь в отставке. Он был помещик Саратовской губернии, жене его принадлежало 50 душ. Он приехал в Симбирск продать их, нашел плохого покупателя и просил меня помочь ему в этом деле.

– Каково это имение? – спросил я будущего тестя.

Старик знал все имена и сказал: «очень хорошо». Я рассказал старику о желании Сомова продать, а что я хочу его купить.

– На что тебе? – спросил старик.

– Да вот видите ли, есть обычай дарить невесту: шалями, бриллиантами и проч. По-моему, это деньги пропащие, только хвастовство, а я хочу подарить моей невесте – деревню, это будет громко; но когда женюсь, то мой подарок придет к моим рукам без убытка.

– А как ты подаришь деревню невесте, а мы тебе откажем? – сказал старик.

– Тогда скажу, слава Богу, что я развязался с подлецами; потеря денег еще не важное дело, наживу вновь.

Старик рассмеялся и сказал:

– Видно, тебя голой рукой не возьмешь, ты порядочный плут; видно, ты знаешь, когда старик сказал да, то никто этого не переменит. Бог тебя благословит, покупай, о подарках рассуждаешь умно. Что просят за имение?

– Шестьдесят тысяч рублей.

– Покупай, не торгуйся, имение, купленное дорого, выгоднее проданного, вот на продажу нет тебе моего благословения.

Чрез полчаса с Сомовым было дело кончено.

Далее Э.И. Стогов описывал саму свадьбу и начало своей семейной жизни с Анной Егоровной (последний сюжет мы все же опустим):

Между прочим, покупка имения Воецкого у Сомова состоялась, у меня недоставало 10 000 рублей, но я знал, что 10 000 рублей – мои деньги лежат в банке, и билет хранится у отца; пока я написал к отцу о билете и просил благословения на брак, старик [Е.Н. Мотовилов] дал мне 10 000 р. на вексель и все дразнил меня, что он поступит со мною, как с должником, строго. Видимо, старик хотел подарить эти деньги.

Для совершения купчей на имя Анюты потребовалось ее присутствие в Симбирске. В то время казалось неприличным ехать невесте в дом жениха и жить там, но старик приказал, мать и дочь прожили у меня три дня. Старик становился плох, того и гляди, скончается, тогда траур и свадьба затянулись бы. Доктора по просьбе моей, можно сказать, искусственно тянули жизнь старика: ему постоянно делали ванны из бульона с вином, давали сильные возбуждающие средства внутрь.

Наконец, возвратился курьер [из Петербурга] с дозволением на брак. Я в тот же день поскакал в Цильну, посаженной матерью моею была мой друг, Марья Петровна [Прожек], а [посаженым] отцом я схватил в Симбирске отставного лейтенанта, старика Бестужева, шафером – отставного прапорщика Мякишева. Со стороны Анюты был посаженный отец дядя Ахматов, а шаферами братья. Старик благословил меня.

На другой день свадьба была совершена без гостей и без шампанского; мне стоила она 15 руб. ассигнациями.*

Следом судьба послала жениха и Александре Егоровне:

Между тем с Кавказа приехал в годовой отпуск капитан Гельшерт**. Так как в Симбирске я был старший, то все военные приезжие являлись ко мне. После смерти моей тещи*** через три месяца приносит ко мне денщик Гельшерт письмо от него. Как я ни бился, серьезно говоря, всего разобрать не мог, однако понял, что он просит руки Саши, сестры Анюты. Я сказал денщику, чтобы он просил барина ко мне, что письма его прочитать не могу.

На другой день утром явился Гельшерт, а я между прочим собрал о нем кой-какие сведения и все в пользу его. Посадив его, я спросил, что ему угодно? Он долго мялся, конфузился, наконец высказал свое желание жениться на Саше.

<...> Я Сашу очень любил, она вполне была добрая, кроткая и невинная сердцем девочка, тоже была привязана ко мне, часто говорила, что любит меня более всех своих братьев. Я дал слово покойникам устроить ее судьбу. Собирая подробные сведения о Гельшерте, я узнал, что это был простой, но совершенно добрый человек. Он был сын доктора, служил долго на Кавказе, имел много крестов и персидские на шее – Льва и Солнца.

<...> Явился Гельшерт, расфранченный по-армейски, от каждой части тела пахло разными духами. <...> Капитан расцвел, целует руки и болтает. Оказалось, что они несколько раз виделись в монастырской церкви, но не говорили ни слова. Саша после мне призналась, что она очень любила смотреть на него. Братьев на этот раз не было ни одного, траура мы никто не носили, откладывать свадьбу причин не было. Свадьба была такая же скромная, как моя.

Как опекун, я сдал Гельшерту деньги Саши и имение. Впоследствии Гельшерт вышел золотой человек и сделал Сашу совершенно счастливою. Он считается честнейшим человеком в своем уезде, об этом мне говорил губернатор в 1848 году.

Судя по свидетельству Э.И. Стогова, роль братьев в выдаче замуж Анны и Александры была весьма пассивной (выступали шаферами на свадьбе первой и вообще отсутствовали на свадьбе второй). Возможно, он слегка или даже весьма приукрасил свою роль. И даже тогда, с поправкой на красноречие, его свидетельство вступает в противоречие с приведенными выше воспоминаниями М.М. Гельшерт-Володиной.

Здесь остается только посетовать на субъективность человеческой памяти, тем более если сказания изустно передавались из поколения в поколение.

* По-видимому, «посаженым отцом» был Корнет Феодор Федосеев Ахматов, брат Прасковьи Федосеевны и родной дядя Анны Егоровны (в 1853-м он станет крестным Владимира Ивановича Мотовилова – см. ниже). Почему-то даже В.А. Черных, исследователь родословной Анны Андреевны Ахматовой, цитируя воспоминания Э.И. Стогова, не обратил внимания на этого заметного персонажа. – Примеч. М.И. Классона

** Мы позволили себе здесь и далее поправить «Русскую Старину», которая неправильно воспроизвела фамилию капитана как Гельмерт.

*** По данным В.А. Черных, Е.Н. и П.Ф. Мотовиловы умерли в 1837-м, в том же году Э.И. Стогов вместе с женой Анной и дочкой Ией покинул Симбирск.

То же самое касается и упомянутого последней сюжета: «*Николай Егорович был беднее других, так как его отец за что-то не любил и все свое состояние разделил между Иваном Егоровичем и Андреем Егоровичем (дочкам он, наверное, дал приданое). Когда умерла их мать – наша прабабка, то ее имение досталось всем трем братьям поровну, но Иван Егорович свою долю материнского наследства отдал Николаю, а то бы у него вовсе ничего не было бы*».

Э.И. Стогов по поводу «домостроевских замашек» Е.Н. Мотовилова, в отношении детей, вспоминал такой курьезный эпизод:

У него было три сына, старший – Николай, кончил курс в университете. Отец, презирая гражданскую службу, велел сыну поступить в военную; он скоро сделался старшим адъютантом в дивизии генерал-лейтенанта [Александра Андреевича] Дувинга, который был немец, но женат на русской – Обручевой.

У них было много детей, но все были в институтах и корпусах на казенном содержании, а дома была одна дочь Анна. Николай Мотовилов влюбился в дочь генерала; родители Анны были согласны, но отец Николая не давал согласия на том основании, что ненавидел немцев. Николай не ослушался отца, но три года просил позволения жениться. Наконец, мать Николая в добрый час упросила мужа, тот согласился, но с условием – не видеть Дувингов.

Прошел год, у Николая родился сын Георгий. Семейному сыну надобно помогать. Старик Мотовилов приказал сыну выйти в отставку, что Николай и исполнил. Приехал он с женою в Цильну, старик принял сына и невестку ласково и, хотя дом в Цильне тесен, но поместились. Жена Николая, любящая опрятность, по два и по три раза в день купала крошку сына. Это старику надоело.

Он отправился к помещику Бабкину и предложил ему продать свое имение Скорлятку, в котором считалось 100 душ, с условием продать все, что есть.*

Бабкину предлагалось надеть только шинель и шапку и выехать из имения. Не только белье, но одежду и все запасы: чая, сахара, кофе, часы в доме, серебро, посуду – все оставить покупателю.

Бабкин запросил 80 000 рублей; старик не торговался и заплатил. Приехав домой с купчею, старик Мотовилов вручил ее сыну Николаю и дал ему еще 5 000 рублей на первые потребности, а невестке ласково и шутя сказал:

– Ну, матушка, будешь довольна, там воды сколько хочешь, можешь купить своего сына.

Возможно Егор Николаевич, немало потратившись на отселение старшего сына, более не стал учитывать его в своих наследниках.

* Сельцо (селение, в котором есть часовня или господская усадьба) Скорлятка находилось при р. Гуца, на коммерческом тракте из уездного г. Карсун в уездный г. Сызрань, в 104 верстах от уездного г. Сенгилей, а последний, в свою очередь, на правом берегу Волги, при речках Тушенка и Сенгилейка, в 65 верстах от Симбирска.

Более поздний справочник давал такую информацию: деревня Скорлятка находилась в Сенгилеевском уезде, на 91-й версте от Сенгилея, который в свою очередь располагался на 65-й версте от Симбирска (но понятно, что тут простое арифметическое сложение, чтобы определить расстояние от Симбирска до Скорлятки, не годится).

Возможно, что за пару десятков лет коммерческий тракт несколько спрямили, и Скорлятка стала ближе к Сенгилею или же сами помещики переместились из сельца в деревню Скорлятка. В то же время поскольку Карсун располагался в 96 верстах на юго-запад-запад от Симбирска, а деревня Скорлятка находилась на тракте из Карсуна в Сызрань, протянувшегося на юго-юго-восток, то она могла быть расположена не далее чем в 110-120 верстах от Симбирска (если ехать в Карсун, а затем из него в губернский город).

В воспоминаниях Э.И. Стогова упоминается, возможно, тот же Бабкин – во время визита в Симбирск в августе 1836-го Николая I:

Государь остановился перед бодрым стариком Петром Петровичем Бабкиным и сказал:

– Вашего мундира и я не знаю, скажите, какой это мундир?

– Вечной памяти матушки Екатерины, капитана Преображенского полка.

Государь поклонился и сказал:

– Славного вы роста.

– Я, государь, выше был, но осел.

– Как это?

– У меня обе ноги прострелены.

Государь с милостивою улыбкою поклонился.

Как мы уже упоминали, в 1837 г. Э.И. Стогов был назначен начальником канцелярии Киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова. С грустью расставался он с Симбирском:

Прощай, моя лихая деятельность! Я был на своем месте и по способности, и по характеру. Я был любим всем обществом, не делал зла, а прекращал злоупотребления тихо, без шума, и старался исправлять, а не губить.

Однако первая их с Анной Егоровной дочь Ия успела родиться в Симбирске. В духовной ведомости Спасского собора г. Симбирска за 1837 г. имеется запись: «Подполковник и кавалер Геразм Иванов Стогов – 39 лет, жена его Анна Егорова – 21, дочь их Ия – 8 месяцев».

В уже цитировавшемся словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона отдельная статья была посвящена Георгию Николаевичу Мотовилу (1833 – 1879) – внуку Егора Николаевича и сыну Николая Егоровича (именно его заботливая мама купала в нежном возрасте по два-три раза на дню). Как писала С.Н. Мотовилова, Георгий учился на счет своего дяди Ивана Егоровича и, не будучи богатым помещиком, вынужден был служить, потому и выдвинулся.

Приведем поэтому некоторые подробности по Императорскому Училищу Правоведения, в котором учился Г.Н. Мотовилов (из уже цитировавшейся в очерке «Марксизм проник в Технологический» книги В. Альбицкого «Высшие учебные заведения России, мужские и женские»):

Училище правоведения, располагающееся [в С.-Петербурге] по Фонтанке, против Летнего сада, есть высшее закрытое учебное заведение, цель которого дать высшее юридическое образование молодым людям только привилегированных классов, <...> из сословных потомственных дворян, внесенных в V или VI часть родословной книги. Учение разделяется на семь годичных классов, имеется приготовительный класс, который разделяется на три годичных отделения: младшее, среднее и старшее. Занятия только теоретические и состоят в изучении предметов общего образования и специальных юридических.

Учащиеся разделяются на четыре категории: казеннокоштных воспитанников, стипендиатов, своекоштных и экстернов. В приготовительном классе казеннокоштных пансионеров не имеется. Число допускаемых к приему в тот или другой класс зависит от количества свободных мест, о чем публикуется заблаговременно.

Прием в тот или другой класс до IV включительно производится на основании экзаменов по установленным программам, а допущение к экзаменам, помимо сословных прав, определяется возрастом желающих подвергнуться им.*

* В Училище Правоведения I класс был выпускным.

Прошение о допущении к приемному экзамену подается в Совет Училища, к нему должны быть приложены документы: о дворянстве или формулярный список отца; о святом крещении, свидетельство о здоровом состоянии и о привитии оспы. В прошении о помещении воспитанника в приготовительный класс должно быть упомянуто, на собственное или казенное содержание впоследствии желают определить его в Училище. В последнем случае должно быть представлено при прошении свидетельство о недостаточном состоянии его родителей.

<...> Плата годовичная за своекоштного пансионера 600 руб. При Училище имеется 75 мест казеннокоштных пансионеров и 33 стипендии разных лиц и учреждений. Окончившие полный курс разделяются на три разряда: причисленные к 1-му разряду получают чин IX класса (титул советника), ко 2-му разряду – чин X класса (коллежского секретаря) и к 3-му разряду – чин XII класса (губернского секретаря).*

Здесь необходимо пояснить, что воспитанники могли, в зависимости от возраста, поступать не только в приготовительный (от 11 до 14 лет), но и до IV класса (16-18 лет) включительно. Нам неизвестно, в какой класс поступил Георгий, но если сразу в приготовительный, то его дяде пришлось выложить за обучение не менее 4 200 полновесных царских рублей.

Как следует из информации, размещенной на сайте www.genrogge.ru/isj («Императорское Училище Правоведения и Правоведы в годы мира, войны и смуты»), Г.Н. Мотовилов был выпущен 13 мая 1853 г., в чине IX класса («двоечники» и «шалуны» получали при этом самый низкий класс для выпускников – XII). Значит, Георгий учился почти на одни 12 баллов (высшая отметка) и поведения был примерного. Каковы были состав преподавателей, «морально-политическая обстановка», как «бродили умы» воспитанников и тому подобное, можно узнать из Приложения «Судебный деятель Г.Н. Мотовилов».

Итак, в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона сообщается, что Г.Н. Мотовилов происходил из дворян Симбирской губернии и окончил курс в Императорском училище правоведения (как мы теперь понимаем, будучи «своекоштным воспитанником»). Далее он служил председателем Санкт-Петербургской гражданской палаты. Участвовал в составлении Судебных уставов (принятых 20 ноября 1864 г.).

При введении последних в Петербурге в 1866-м Г.Н. Мотовилов был назначен председателем окружного суда и в этом звании «много способствовал правильному приложению к жизни основ судебной деятельности» (т.е. судебной реформе).

Не будучи криминалистом, он сумел, однако, дать надлежащее направление разбору дел с участием присяжных заседателей, первые опыты которого, руководимые одним из его товарищей, велись вяло и неумело. Председательствуя в заседаниях суда по делам гражданским, устраивая канцелярию суда, организуя надзор за подведомственными суду должностными лицами – судебными приставами, нотариусами – Мотовилов в выполнении всех этих задач обнаружил недюжинные познания, большой такт, самообладание и глубокую веру в свое дело. (Русский биографический словарь. М., 1999)

С 1868-го Г.Н. Мотовилов служил прокурором Московской судебной палаты, в 1870-м переведен на ту же должность в Петербург, но скоро был назначен председателем одного из гражданских департаментов Санкт-Петербургской судебной палаты. С 1872-го был сенатором гражданского кассационного департамента.

* III-I классы по своей программе соответствовали юридическому факультету университета.

Он удостоился воспоминаний известного юриста А.Ф. Кони в «Юридической летописи» за №4 от 1892 г. и в его книге «За последние годы», 1896. Позволим здесь привести короткую цитату:

Имя Г.Н. Мотовилова не должно быть забыто историком судебной реформы. Последний может с глубоким уважением остановиться перед его портретом, повешенным после его ранней смерти в зале общих собраний [С.-Петербургского] Окружного суда. Человек еще молодой, с энергичным и красивым лицом, холерик по темпераменту, он всецело отдался новой своей деятельности <...>.

Как отчетливо помнила С.Н. Мотовилова, портрет Георгия Николаевича действительно висел в зале Судебной палаты в Петербурге. А его сын Николай занимал должность прокурора Сената.

А теперь продолжим описание «наших» Мотовиловых, оттолкнувшись от слов М.М. Гельшерт-Володиной: «когда наш дед Иван Егорович решил уйти в монастырь». Что стало толчком к этому судьбоносному решению? Как оказалось, проигрыш им огромных денег – около ста тысяч рублей.

Для начала приведем появившуюся в Киеве, уже в конце XX века, такую «легенду с фантазиями автора» (живописный фрагмент с мошеннической карточной игрой мы все же опустим):

<...> Накануне пострига корнет решил проститься с лучшим другом. У того была семья, маленький сын. Мальчику наняли гувернантку из Венеции, а вместе с ней жила ее шестнадцатилетняя сестра. Приятель пытался отговорить Ивана Егоровича от ухода в монастырь, но тот был неумолим. «Ладно, – согласился друг, – но тогда давай весело проведем прощальный вечер».

После обильного пиршества хозяева с гостем перешли в гостиную и пригласили сестру гувернантки, учившуюся на родине в балетной школе. Вошла юная девушка в голубом шелковом платье, с тонкой талией, перехваченной золотистым парчовым поясом. Сделала реверанс, смутилась, покраснела. И обомлел тут Иван Егорович: такой красавицы он никогда не видывал!

– Луиза! – обратился к ней хозяин. – Станцуй для нашего гостя и спой что-нибудь из твоих любимых песен, пусть отвлечется от своих мрачных мыслей.

Девушка вопрошающе взглянула на хозяйку. Та одобрительно улыбнулась. Жена друга присела к роялю. Зазвучали народные мелодии. Луиза закружилась в танце. За итальянскими последовали испанские, за тарантеллой – хабанера с кастаньетами и вее-ром, из-под которого юная плясунья посылала обворожительные взгляды молодому гостю. А потом пришел черед романсам под гитару. И напрочь забыл корнет о монастыре!

*Вскоре отпраздновали свадьбу Ивана Егоровича Мотовилова, потомственного столбового дворянина, с итальянской «простолюдинкой» – Луизой Францевной Флориани. Брак их был счастливым: Луиза подарила мужу пятнадцать детей! Впоследствии она стала основательницей и директрисой балетной школы в Симбирске. Среди детей Ивана Егоровича Мотовилова был сын Николай – будущий дед Виктора Некрасова.**

И нахреначил это (другое слово здесь трудно подобрать) соученик В.П. Некрасова по Строительному институту и его друг почти четверть века, часто навещавший семью Мотовиловых! Мы по мере возможности исправим неумные фантазии Анания Рохлина (в частности, Луиза была не «простолюдинкой», а дочерью обедневшего венецианского дворянина Флориани).

* Ананий Рохлин. Люди большой души и большого сердца (о четырех поколениях семьи Мотовиловых-Некрасовых). // «Зеркало недели» (Киев), 19-25 ноября 1994 г.

Сама же С.Н. Мотовилова, которая тоже упоминалась в заметке «Люди большой души и большого сердца», давала такой зачин этой трогательной истории:

Сколько имений продал дедушка Иван Егорович, не знаю, и даже точно не знаю, что значит – «имение». У нас не было имения, а была «земля» в Симбирской и Полтавской губерниях. О дедушке Иване Егоровиче и его женитьбе на бабушке Луизе Францевне мне рассказала grande tante Emilie, когда мне было десять лет! Помню, мы сидели в Солоновщине (Полтавской губернии) у пруда. Бабушек наших мы несколько боялись, а с tante Emilie я подружилась. Она, как и я, любила собак.

Далее вырисовывалась такая драматичная история. Иван Егорович, как все дворяне того времени, служил военным, дослужился до корнета. Его будто бы подпоили при игре в карты, и он проиграл в один вечер чуть ли не сто тысяч рублей.

Приведем другое свидетельство Софьи Николаевны:

Уже много после я узнала из рассказов «grande tante Emilie», которая почему-то сочла меня достойной быть посвященной в хронику нашей семьи, о его прошлом. В молодости дедушка, как все дворяне тогда, был военным. Он увлекался и играл в карты. Однажды товарищи подпоили его, и в один вечер он проиграл сто тысяч. Были это тогда громадные деньги, банков не было и достать быстро эти деньги было очень трудно. Узнавший об этом проигрыше командир полка позвал дедушку, тогда еще молодого корнета, и запретил ему платить этот долг. Дедушка сейчас же вышел в отставку, ибо дворянин не мог не платить своих долгов. Долг выплатил в две недели, продав почти задаром несколько своих имений, но, потрясенный этой историей – он был очень религиозен, – решил постричься в монахи. Предание гласит, что его брат и сестра обрадовались и стали делить его имущество, а он поехал проститься с любимой своей сестрой. Здесь он встретил мою бабушку – Луизу Францевну, тогда шестнадцатилетнюю красавицу итальянку, жившую в гувернантках. Дед мой влюбился, женился и имел от нее пятнадцать человек детей. Все они были яркие, талантливые, необычайно гордые, независимые люди, но было что-то трагическое во всех них, было это трагическое и в моем отце...

Лишь менее чем за год до смерти С.Н. Мотовилова при неизменном «pendant» («продолжении, дополнении») описания своих впечатлений о чтении какой-то книги воспоминаний о М.Ю. Лермонтове вдруг написала сестре Вере:

Ты знаешь, это брат того негодяя Мартынова (очень хвастался тем, что убил на дуэли Лермонтова, Мартынов ведь был раньше знаком с Дантесом и знал, что ему ничего не будет за это убийство) был шулером и обыграл дедушку Ивана Егоровича! (здесь и ниже источником таких писем является ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Как известно, с талантливым поэтом стрелялся дворянин Николай Соломонович Мартынов, а его старший брат Михаил (1814-1854), однокурсник М.Ю. Лермонтова по Школе юнкеров, в 1834 г. был выпущен корнетом в лейб-гвардии Его Величества Кирасирский полк. То ли корнет И.Е. Мотовилов служил в том же полку, вместе с М.С. Мартыновым (будучи моложе его на шесть лет), то ли он пересекся с ним в каком-нибудь уездном городке или в губернском городе. А, возможно, даже в Москве или Петербурге.

Этот простой, на первый взгляд, сюжет требует, тем не менее, трудоемкого исследования. В октябре 2010-го автор сих очерков отправил в Российский государственный военно-исторический архив (Москва) запрос о военной службе своего прадеда и лишь в конце декабря получил формальную отписку РГВИА: запрос «принят к исполнению, а ответ по существу будет дан позднее».

При личной встрече в феврале 2011-го сотрудник архива Владимир Юрьевич Кац посетовал на возросший поток запросов за последнее время (с 1 200 до 3 000 в год), на слабую документальную базу архива из-за утраты многих документов царского военного ведомства и полков после Октябрьского переворота 1917-го. Однако пообещал в течение полутора-двух месяцев провести первичный поиск и дать положительный или отрицательный ответ. Заодно В.Ю. Кац посоветовал обратиться в Ульяновский архив (ГАУО) и попробовать там найти следы продажи имений корнетом такого-то полка И.Е. Мотовиловым.

Последний архив, после проведения, по моему запросу, параллельного с РГВИА формального поиска (по Ф. 45 – Симбирское губернское дворянское депутатское собрание, Ф. 477 – Симбирский губернский предводитель дворянства, а также по некоему Ф. 732), прислал счет на 783 руб., в качестве предоплаты за подготовленную им архивную справку на 4-х листах, из которой я мог бы узнать *«отдельные биографические сведения о Егоре Николаевиче Мотовилове, его супруге и двенадцати детях (?!)»*.

Такую, явную халтуру я оплачивать отказался. В апреле 2011-го РГВИА, наконец-то, прислал ответ – формально, по сути темы, а на самом деле – полуиздевательский:

Сообщаем Вам, что в просмотренных документах фонда Инспекторского департамента Военного министерства (Ф. 395) сведения о Мотовилове Иване Егоровиче не обнаружены. В фонде Лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка (Ф. 3546) не сохранились документы 1830–1840-х гг. Для продолжения поиска сведений о интересующем Вас лице необходимо точно знать название воинской части, в которой он служил, и дату его увольнения от службы. Рекомендуем Вам также обратиться в Государственный архив Ульяновской области.

То есть, мне предлагалось, для продолжения поисков в РГВИА, где-то еще узнать, в какой же все-таки части служил И.Е. Мотовилов!!!

А переписка с ГАУО закончилась следующим неутешительным ответом последнего:

Господин Классон, в ранее выявленных архивных документах сведений «по продаже-купле имений в Симбирской губернии, в которых бы выступал продавцом Иван Егорович Мотовилов» не имеется. Дальнейший поиск «купчих» И.Е. Мотовилова невозможен.

Вы и Ваши доверенные лица могут самостоятельно вести поиск интересующих Вас документов в читальном зале государственного архива в установленном порядке.

Директор ОГУ ГАУО Л.А. Сомова

Летом 2012-го я предпринял вторую попытку узнать что-либо о своем прадеде в РГВИА: *Уважаемые господа, прошу передать сие письмо вашему сотруднику В.Ю. Кацу, который уже занимался, правда безуспешно, поисками по моему прадеду в 2011-м.*

Уважаемый Владимир Юрьевич, мне попалась следующая информация:

«Исследователь архивов» Александр Краснолуцкий, не приводя, к сожалению, источник, указывает в своей книге «Охтинская энциклопедия. Большая Охта» с точностью до дня даты жизни Луизы Францевны и ее мужа:

*<...> корнет лейб-гвардии Кирасирского полка Иван Егорович Мотовилов (30 марта 1820 – 10 ноября 1900) и Луиза Францевна Флориани (20 апреля 1832 – 10 июля 1895). <...>**

Как известно, в России существовало 2 Кирасирских полка – Его Величества и Ее Величества. Но все равно, м.б. эта информация поможет вам в дополнительных розысках. Как я уже писал/говорил, И.Е. Мотовилов в шулерской игре проиграл около 100 тысяч царских рублей <...>.

* Вполне возможно, что здесь был анонимно привлечен следующий источник (на него есть ссылка в Интернете по поводу дат рождения и смерти И.Е. Мотовилова и места его захоронения.):

Река времен (Книга четвертая). Русский провинциальный Некрополь. Картоотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996

Может быть, сейчас можно сузить поиск до Его Величества Кирасирского полка? Или же несколько расширить его, подключив и Ее Величества Кирасирский полк (оба они стояли летом в лагерях под Петербургом, хотя и в разных местах)?

И какой же ответ я получил? Опять-таки – формально, по сути темы, а на самом деле – попросту издевательский:

На Ваш запрос повторно сообщаем, что в просмотренных документах фонда Инспекторского департамента Военного министерства (Ф. 395) сведения о Мотовилове Иване Егоровиче не обнаружены. В фонде Лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка (Ф. 3546) не сохранились документы 1830 – 1840-х гг. В фонде Лейб-гвардии 2-го кирасирского полка (ранее именовался Лейб-гвардии Ее Величества полком, Ф. 3547) документы по личному составу (офицерам) за 1830 – 1850 гг. сохранились частично.

Приблизительная стоимость поиска сведений о интересующем Вас лице по вышеуказанным документам составит 6000 рублей, без гарантии положительного результата. В случае положительного результата поиска копирование документов или составление архивной справки оплачивается отдельно.

По вопросу о истории дворянского рода Мотовиловых и их владениях, в т.ч. в Симбирской губернии, рекомендуем Вам также обратиться в Российский государственный исторический архив (РГИА) по адресу: 195112, Санкт-Петербург, Заневский пр., 36 и в Государственный архив Ульяновской области по адресу: 432034, г. Ульяновск, пр. Карганова, 1а.

Заместитель директора архива

Е.Г. Мачикин

Начальник отдела

информационного обеспечения

В.М. Шабанов

Исп. В.Ю. Кац

Итак, ни РГВИА, ни ГАУО автору ничем помочь не смогли, только было потеряно время и силы на переписку, контакты и ожидание результатов поисков.

Не помог и упоминавшийся выше фундаментальный труд Павла Мартынова «Селения Симбирского уезда». В нем отсутствует какое-либо упоминание о продаже И.Е. Мотовиловым своих земель в конце 1830-х – начале 1840-х годов; не имеется, между прочим, и сведений о сельце Скорлятка, где его отец Е.Н. Мотовилов купил у помещика Бабкина имение за 80 тыс. руб. для отселения семьи другого своего сына – Николая.

Но, как мы уже упоминали, сельцо или деревня Скорлятка относилась к другому уезду – не к Симбирскому, а к Сенгилеевскому. Это подтверждает и «Список населенных мест Симбирской губернии (1884 г.)». Имелся, правда, еще и Скорлятский Выселок, в двух верстах от деревни. Перипетии с продажей собственности и другие интересные детали исследователи, которые занимаются, например, изучением «политических умонастроений и морально-бытовой атмосферы в Симбирском дворянстве», по-видимому, могут выяснить в архиве Ульяновской области, где, например, фонд 271 содержит богатую информацию по помещикам Бабкиным (включая и Петра Петровича) с 1620-го по 1869 годы.

И все-таки для нас здесь важно то, что злополучная картежная игра с участием уже искушенного М.С. Мартынова и еще зеленого юнца И.Е. Мотовилова, сопровождавшаяся, понятное дело, неумеренным распитием шампанского, могла случиться как раз в 1839-м (или же годом ранее), возможно, что именно после нее предполагаемому шулеру и пришлось отправиться «волонтером» на горячий Кавказ по настоятельному требованию командира лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка.

Из книги Юрия Беличенко «Лермонтов»:

Михаил Соломонович Мартынов <...> наверняка был много ближе к Лермонтову, чем будущий убийца. Вместе поступали в училище, вместе выпускались. Младший, Николай, выпускался годом позже. Михаил Мартынов, как и Лермонтов, побывал и повоевал на Кавказе. Я постарался отыскать, насколько это было возможно, там его след. В 1839-м старший Мартынов приехал из гвардии «волонтером» в Куринский егерский полк. Участвовал вместе с полком в кровопролитной экспедиции П.Х. Граббе по взятию укрепленного аула Ахульго.

<...> Судя по его рапортам, он предпринимал попытки после завершения срока прикомандирования остаться в полку и дальше, заняв соответствующую его званию капитана должность. Но должности в Куринском полку не нашлось, а от предложения перейти в батальон другого полка он отказался и подал в отставку. Для биографов он остается безвестным, как будто и вовсе не существовавшим, ибо, умерев в 1860 году, никаких записей не оставил.

Что касается разночтений в годе смерти М.С. Мартынова, то мы более доверяем такой информации (к ее источнику мы уже обращались):

<...> О каждом из похороненных здесь персон можно написать новеллу. Но прежде чем ее написать, нужно очень много прочитать. Мемуаров, документов, биографических и исторических материалов. Надо искать, сопоставлять, выуживать правду. Потому что на памятнике мы читаем лишь скупую строку. Например, «Михаил Соломонович Мартынов, ротмистр. 1814-1854». Вспоминаем, что Николай Мартынов убил Лермонтова. Работаем с лермонтовскими материалами и выясняем: да, брат. (Светлана Арро. Полтора века меланхолии и скорби. Русское православное кладбище в Висбадене // Neue Zeiten, №10, 2006)

Тогда, в середине XIX века, сто тысяч рублей были громадными деньгами. Военное начальство И.Е. Мотовилова требовало, чтобы он этих денег не отдавал, поскольку подозревало мошенничество, или шулерство. Но дворянин не мог не оплачивать свои долги. Иван Егорович подал в отставку, затем продал одно или два своих имения и все-таки расплатился с М.С. Мартыновым. Эта история его так потрясла, что он решил постричься в монахи. Но перед этим захотел попрощаться с любимой сестрой.

Но главное в этой истории другое – у сестры, которая, как мы уже упоминали, жила тогда в Киеве со своим мужем Э.И. Стоговым, он познакомился с гувернанткой, итальянкой Луизой Францевной Флориани. Этой красавице было всего шестнадцать лет (если исходить из того, что Луиза родилась в 1832-м, то дело происходило в 1848-м).

Однако А.И. Мотовилова-Гельшерт утверждала, что Луиза Францевна вышла замуж в восемнадцать лет.

Внимательного читателя может, правда, смутить то, что от злополучной карточной игры до женитьбы Ивана Егоровича прошло не менее девяти лет. Но это для бешеного ритма XXI века такой срок кажется огромным, а в XIX веке все описанные события, напротив, с трудом могли бы поместиться в означенный промежуток времени.

Действительно, прошение об отставке могло рассматриваться в военных канцеляриях и императором не один год, хотя на поиск покупателей имений и оформление сделок «за бесценок» ушло «лишь две недели». Ну а то, что подготовка к уходу в монастырь заняла не один месяц, мы уже цитировали:

Когда Иван Егорович решил уйти в монастырь, он поручил Андрею присматривать за его имуществом. Но когда передумал и вместо монастыря решил жениться, то вернулся домой, а Андрей Егорович уже вывез из его дома все серебро и вещи. Иван Егорович сперва предлагал хозяйствовать моему прадеду Федору Федоровичу [Гельшерту]. Тот согласился за вознаграждение, Иван Егорович обиделся за это на него.



Проигравшийся в карты, вышедший в отставку и отчаянно влюбившийся в гувернантку у сестры Анны И.Е. Мотовилов (фотоателье Э. Мюкке в Газетном переулке против телеграфа, Москва)

Далее, поездка к сестре Анне в Киев, знакомство и ухаживание за Луизой Францевной тоже могли быть в XIX веке длительной процедурой и т.д.

Здесь необходимо описать вкратце семейство Флориани, которое, оказывается, тоже имело благородное происхождение. Франц Флориани, отец Луизы происходил из венецианских обедневших дворян, по-видимому, из-за этого ему пришлось выучиться на врача, чтобы зарабатывать на пропитание своего семейства. У С.Н. Мотовиловой хранился докторский диплом Ф. Флориани на латинском языке, на пергаменте с восковой печатью Виленского университета – Franciscus Floriani, Anno MDCCCXXV.

Однако когда И.Р. Классон попросил сделать для него копию этого документа, С.Н. Мотовилова отказалась:

Вы просили меня переписать диплом прадедушки Флориани. Хотела бы Вас отблагодарить за Ваши хлопоты о моих рукописях, но этого сделать не могу. Это громадный сверток на пергаменте, написан по латыни, а я ведь латыни не знаю.



*Луиза Францевна Флориани-Мотовилова, взявшая власть над мужем и именем
(оригинал фото хранится у Натальи Парнах в Чикаго, США)*

Более подробное описание диплома Ф. Флориани обнаруживается в свидетельстве Иона Лазаревича Дегена об отсутствии еврейских корней у своего киевского знакомого и племянника Софьи Николаевны:

С Виктором Некрасовым мы были очень дружны. Я отлично знал его родословную. И в комиссии по расовой чистоте я мог бы под присягой засвидетельствовать, что среди его предков не было евреев. По отцовской линии он стопроцентный русский. А по материнской... Пра[пра]дед его итальянец, житель вольного города Гамбурга, женился на дочери шведского фельдмаршала. Я видел роскошный диплом – пергаментный свиток с массивной сургучной печатью на витых шелковых шнурах – об окончании пра[пра]дедом медицинского факультета Виленского университета. (из Интернета)

Забегая вперед отметим, что судьба диплома Ф. Флориани до сих пор остается неизвестной: после смерти С.Н. Мотовиловой он оказался у племянника, а при высылке последнего за границу этот диплом таможенниками-чекистами не был пропущен туда же – типа, большая культурная ценность!*

* В октябре 2016-го автор сих биографических очерков неожиданно обнаружил на сайте памяти Виктора Некрасова давно искомый диплом Ф. Флориани (nekrassov-viktor.com/Family/Baxareva-Svetlana-Domkomod.aspx). Оказывается, что писатель сумел каким-то тайным образом переправить его через границу (через иностранных дипломатов?), когда покидал Родину, как потом оказалось навсегда. Это было в 1974 г. И почти полвека покойный уже писатель и его пасынок, нынешний «наследник» Виктор Кондырев скрывали от «культурной общественности» сей позорный факт. Позорный – потому, что из России/Советского Союза был тайно вывезен уникальный исторический документ.

В письме И.Р. Классону С.Н. Мотовилова так вспоминала о своем итальянском прадеде: *Жена его была швейцарка, но рано умерла <...>. Он приехал в Россию в качестве домашнего врача с каким-то русским помещиком, и привез с собой пять дочерей: grande tante Emilie, бабушку мою Валерию Францевну, grande tante Xaverine, бабушку нашу общую с Вами Луизу Францевну и Матильду, но она вскоре уехала за границу. Две более красивые вышли замуж за русских помещиков, а две другие до конца жизни остались учительницами французского языка. Tante Emilie жила в Харькове, а tante Xaverine – в Петербурге.**

* Оказывается, сии строки, размещенные в Интернете в 2012-м, удостоились в 2016-м «научного комментария» на сайте памяти Виктора Некрасова (его автор некая Светлана Бахарева почему-то даже не удосужилась дать конкретный адрес ссылки цитируемого текста на ресурсе «Семейные истории» – www.famhist.ru/famhist/klasson/glava6.pdf):

В начале XIX в. обедневший венецианский дворянин Франческо Флориани приехал в Россию и поступил на медицинский факультет Виленского университета. В 1825 г. он был утвержден в звании придворного лекаря. Очевидно, именно трудное материальное положение заставило дворянина получать профессию лекаря. В.Л. Кондырев предоставил [небрежно] отсканированный вариант уникального исторического документа — медицинского диплома Франческо Флориани, развеяв все сомнения относительно того, что он бесследно исчез в советское время.

«Судьба диплома Ф. Флориани до сих пор остается неизвестной: после смерти С.Н. Мотовиловой он оказался у племянника, а при отъезде последнего за границу этот диплом не был пропущен туда же — типа, большая культурная ценность!» — пишет в своем очерке «Мотовиловы: от Тимофея Мотовила» М.И. Классон [источник?! – МК], их потомок. Но В.П. Некрасову все же удалось вывезти диплом с собой в эмиграцию. Перед нами тот самый диплом с гербовой сургучовой печатью, принадлежавший Франческо Флориани и выданный ему знаменитым польским медиком, хирургом, общественным и политическим деятелем, ректором Виленского университета, Вацлавом Вацлавичем Пеликаном в 1825 г.

Тетя писателя, Софья Николаевна Мотовилова, вспоминает: «Жена его [(Франца Флориани)] была швейцарка, но рано умерла <...> Он приехал в Россию в качестве домашнего врача с каким-то русским помещиком, и привез с собой пять дочерей: grande tante Emilie, бабушку мою Валерию Францевну, grande tante Xaverine, бабушку нашу общую с Вами Луизу Францевну и Матильду, но она вскоре уехала за границу. Две более красивые вышли замуж за русских помещиков, а две другие до конца жизни остались учительницами французского языка. Tante Emilie жила в Харькове, а tante Xaverine — в Петербурге».

Это свидетельство требует уточнения: его дочери, как следует из документов, родились в Вильне, входившей в состав Российской империи. В 1825 г. у Франческо Флориани, недавно получившего диплом, родилась дочь Валерия, а несколько лет спустя — дочери Эмилия, Ксаверия, Луиза и Матильда. Таким образом становится ясно, что Франц Флориани не мог привезти с собой дочерей из-за границы, так как родились они в России (Вильна, ныне Вильнюс, входила в состав Российской империи с 1795 по 1915 г.). Отец умер, когда младшие дочери были совсем еще детьми. Тогда двое старших сестер, Валерия и Эмилия, поступили в гувернантки, чтобы дать хорошее образование младшим.

Если любознательный читатель заглянет в сайт памяти Виктора Некрасова по вышеприведенной ссылке (nekrassov-viktor.com/Family/Baxareva-Svetlana-Dom-komod.aspx), то он с изумлением обнаружит нечто малоразборчивое, вместо анонсированного г-жой Бахаревой «отсканированного варианта уникального исторического документа – медицинского диплома Франческо Флориани».

(Здесь и далее мы более не будем, за редким исключением, дифференцировать адресатов нашей «семейной связи»; понятно, что к И.Р. Классону она обращалась на «Вы», а к сестре Вере – на «ты».)

Попутно отметим: будущий отец С.Н. Мотовиловой Николай Иванович женился на АLINE Антоновне фон Эрн, которая была дочерью Антона фон Эрн и Валерии Францевны Флориани. То есть женился на двоюродной сестре. И тем самым «закольцевал» родословную. Но о них мы расскажем подробно в очерке «Софья Мотовилова – «семейная связь»». Кстати Гельшерт тоже «закольцевали» родословную: у Александры Егоровны Мотовиловой и Федора Федоровича Гельшерта был сын Дмитрий. Так его сын Михаил, т.е. правнук Е.Н. и П.Ф. Мотовиловых, женился на Анне Ивановне Мотовиловой, их внучке, или своей двоюродной тетке (хотя и был годом старше ее)!

И потомкам, возможно, зачастую приходилось долго разбираться, кто кем кому приходится. А также, вероятно, испытывать генетические сбои и страдать соответствующими болезнями, из-за близко родственных браков их родителей. Но тогда о подобных «генетических неприятностях» наука и общество ничего не знали.

Нина Соломоновна Камай (дочка Веры Ивановны Мотовиловой, вышедшей замуж за Соломона Львовича Камая, и внучка И.Е. Мотовилова), в советское время присвоившая себе фамилию Мотовилова, приводила дополнительные подробности по семейству Флориани:

Из дочерей Франца Флориани старшей была Валерия, потом родились Эмилия, Ксаверия, Луиза и Юлия [(или Матильда)]. Когда Франц Флориани умер, дочери его остались без копейки и решили, что две старших пойдут в гувернантки и будут платить в Институтах за двух младших, которые еще учились. Валерия взялась содержать Юлию, а Эмилия – Луизу, средней Ксаверии предоставили заботиться самой о себе.

Год рождения [нашей] бабушки [Луизы Францевны] 1832-й, а не 1834-й, а год замужества – 1848-й. Бабушке было шестнадцать лет, это должен быть високосный год <...>. Дедушка был старше бабушки не на четырнадцать лет, как у Вас получается, а только на шесть. Последнего ребенка он родил в пятьдесят один год, а мог ли бы в пятьдесят девять?

Отметим здесь, что пока наиболее достоверным годом рождения И.Е. Мотовилова считается все же 1820-й, в этом случае Иван Егорович был старше Луизы Францевны на двенадцать лет. Но это обстоятельство (разночтения в возрасте) – такая мелочь по сравнению с привалившим ему огромным семейным счастьем!*

С.Н. Мотовилова вспоминала и такие подробности по своим итальянским предкам:

Прадед Флориани <...> остался вдовцом с пятью дочерьми: Эмилия, Валерия, Ксаверина, Матильда и Луиза. Матильда уехала за границу, и я о ней ничего не знаю. В Россию прадед Флориани поехал в качестве домашнего врача к какому-то богатому русскому помещику. [Сестра] Зина говорит, что это был граф Броницкий, которому принадлежало великолепное имение возле Винницы. Прадеду жилось, очевидно, хорошо. Он был очень образован, у него имелась масса книг, полные собрания сочинений Вольтера, Руссо, Гельвеция и т.п. Громадные тома, в кожаных переплетах и с чудесными гравюрами XVIII века.

Предположим, что Прибалтика тогда считалась «заграницей».

* Мотовилов Иван Егорович, р. 30 марта 1820 †10 ноября 1900. С Л.Ф. Мотовиловой (с. Мокрая Бугурна Симбирского у.)

Мотовилова Луиза Францевна, р. 20 апреля 1832 †10 июля 1895. С И.Е. Мотовиловым (с. Мокрая Бугурна Симбирского у.)

Источник: Река времен (Книга четвертая). Русский провинциальный Некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996

В Интернете можно найти следующий эпизод:

Престарелый польский магнат и военачальник граф Франц-Ксаверий Броницкий в польском мундире и с орденом Белого орла встречал хлебом-солью проезжавшего через Белую Церковь в Варшаву Александра I (уже после разгрома Наполеона и после Венского конгресса). И, расплакавшись, говорил, что умрет счастливым, потому что перед смертью снова увидел польского короля [(т.е. Александра I)].

Этот граф умер в 1819-м, по-видимому, Ф. Флориани приехал в имение Броницких под Белой Церковью (между Киевом и Винницей), уже после 1825 г., с одним из потомков Ф.-К. Броницкого.

Все дочери – продолжала С.Н. Мотовилова, – получили очень хорошее образование по тогдашнему времени: хорошо знали музыку, французский, немецкий и польский языки, ну, и имели хорошие манеры. Все стали гувернантками. Бабушке Луизе Францевне было всего шестнадцать лет, когда она уже служила гувернанткой у сестры дедушки Ивана Егоровича. Я помню, что к ней относились как к наемной гувернантке и хвастались ее итальянской красотой, заставляли распустать ее густые волосы. Дедушка влюбился и женился на ней, ну и она стала русской помещицей.

В другом письме сообщалось о «плодах любви»: «Дедушка влюбился, женился на ней, и имел от нее 15 детей. Перечту тех, которых помню, некоторые умерли маленькими. Дядя Володя, Петя, Николай (мой отец), Лидя, Лёля [(Ольга)], Соня, Анюта, дядя Саша, дядя Алеша, дядя Паша, Маня, Вера. Был еще после Веры малый Миша, но он умер в детстве. Ну, 13 детей я вспомнила, другие, очевидно, умерли в детстве».

В общем-то, весьма неплохой для XIX века результат. Сопоставляя судьбы детей Ивана Егоровича и Луизы Францевны по воспоминаниям С.Н. Мотовиловой и Н.С. Камай-Мотовиловой, мы можем предположить, что в детстве умерли Коля (именем которого был назван появившийся позднее ребенок), Зина и «малый Миша».

По воспоминаниям С.Н. Мотовиловой, Ивана Егоровича все внуки очень любили, а властную и молчаливую бабушку боялись. Дедушка имел конный завод, увлекался лошадьми, но и любил ими меняться, сознательно отдавая лучших лошадей за гораздо более худших. А Луиза Францевна была очень честолюбивой. Жила в Симбирске помещица Березникова. И вот Л.Ф. Мотовилова и Березникова начали одаривать друг друга, каждая старалась преподнести лучший подарок. Как рассказывала С.Н. Мотовиловой тетя Вера, сестры В.И. Ульянова-Ленина ездили на танцклассы к Луизе Францевне. Других подробностей, в частности кто был учителем танцев, она не приводила.

В воспоминаниях Софьи Николаевны об этих ярких событиях в размеренной жизни провинциального города имеется такой краткий эпизод:

Сестры Ленина, тогда еще девочки, ездили на танцклассы в дом к моей бабушке. Об этих танцклассах и балах мы, дети, знали потому, что нам в дом присылали в ковровых мешках целые вороха очаровательных шелковых и атласных туфель, самых нежных тонов – бледно-розовых, голубых, белых. Они нам были велики, спадали с ног, но мы все же наряжались в них и стучали их высокими каблуками.

Отметим здесь важное свидетельство С.Н. Мотовиловой: как только дедушка Иван Егорович женился, то все свое имущество перевел на имя Луизы Францевны. А она его затем последовательно завещала своим многочисленным детям. Из довольно путаного переказа расклада наследования земельной собственности можно было понять следующее. Родившимся в 1850-е Владимиру, Николаю и Лидии было завещано только по 200 десятин. Появившимся на свет в 1860-е Софье и Анне – по 400 десятин, а родившимся в 1870-е Марии и Вере – по 600 десятин. С.Н. Мотовилова объясняла это тем, что более поздним детям доставалась доля умерших. Например, еще при жизни Луизы Францевны в 1871-м скончался Петр (в семнадцать лет).



Гимназист Петр Мотовилов, скончавшийся в 17 лет от неудачной операции аппендицита (из альбома С.И. Мотовиловой ин-фолио)

В отношениях Мотовиловых возникали переплетения из-за земельной собственности:

<...> Но вот меня бабушка Луиза Францевна возмущает. Сперва было много детей, и она дала папе, дяде Володе, тете Лиде по 200 десятин [земли]. Ну а [завещала] после [своей] смерти [все оставшееся] богатым: тете Соне и тете Анюте еще по 400 десятин (сверх 200), а тете Мане и т. Вере – по 600. Перед мамой она все-таки извинилась: «Ты извини, что я твоим детям ничего не оставила, но ты же умеешь устраиваться, а они (Маня и Вера) такие беспомощные». А о Пятницких [(т.е. о тете Лиде)], которые были самые бедные, она даже и не вспомнила!

Уже упоминавшийся труд (П. Мартынов. Селения Симбирского уезда. Симбирск. 1903 г.) давал такую мозаику владений Мотовиловых:

<...> Во время генерального межевания, в 1795 году, при с. Мокрой Бугурне была единственная помещица – жена д. с. с. Авдотья Ивановна Белякова <...>; но она недолго владела здесь землю: ее имение перешло, в 1798 году, к бригадиру Николаю Алексеевичу Дурасову, предки которого были местными помещиками еще в 17 столетии; но и он затем продал землю соседям своим, помещикам села Русской Цыльны, Мотовиловым, так что во время специального межевания, в 1851 году, бывшее владение А.И. Беляковой распалось на следующие участки: 1) колл. секр. Николай Александрович Мотовилов – 78 душ крестьян (21 двор) и 1504 дес. 1804 саж. земли; 2) корнет Иван Егорович Мотовилов – 206 душ (53 двора) и 2511 дес. 1360 саж. земли; <...>.

<...> От И.Е. Мотовилова именье перешло его жене Луизе Францовне, а после ее смерти, в 1894 году, вернулось к нему и его дочерям: Анне Ивановне Гельшерт, Софьи Ивановне Классон и девицам Марии и Вере Ивановным Мотовиловым; они продали, в 1896 году, вдове дворянина Алине Антоновне Мотовиловой участок в 292 десятины.

<...> От [девицы] А.А. Городецкой земля перешла к поручику Осипу Алексеевичу Мякишеву, а по его духовному завещанию 325 дес. получила, в 1872 году, вдова штабс-капитана Евпраксия Васильевна Шпицбард и в том же году продала Луизе Францевне Мотовиловой. <...> Помещиком при д. Большой Цыльне числился дворянин Владимир Иванович Мотовилов, имевший хутор в семи верстах от селения и 306 десятин земли, полученной, в 1873 году, в дар от отца, Ивана Егоровича Мотовилова. В 1901 году В.И. Мотовилов умер; именье получили его племянницы: жена потомственного почетного гражданина Зинаида Николаевна Некрасова и девицы София и Вера Николаевны Мотовиловы и в 1903 году продали его крестьянке Марфе Кузьминой Лобановой [(фактической жене В.И. Мотовилова)].

<...> Генеральная дача села Русской Цыльны заключала в себе нынешнее село Мокрую Бугурну, только что перед тем поселенную, почему при специальном межевании, бывшем здесь в 1858 году, эта генеральная дача распалась на несколько участков, из которых причислены некоторые были к другим, соседним селениям, а при с. Русской Цыльне помещики остались: колл. асс. Николай Александрович Мотовилов (248 душ крестьян, усадьба и 1684 дес. 2008 саж. земли), корнет Иван Егорович Мотовилов (185 душ и 1668 дес. 1925 саж.) <...>. Эти же помещики были здесь и во время освобождения крестьян [от крепостного права в 1861 году], почему в с. Русской Цыльне образовалось тогда три крестьянских общества <...>.

Конец этого запутанного расклада в наследовании земель был, тем не менее, типичным для многих российских дворян. В 1906 году при посредничестве Государственного крестьянского поземельного банка имение при селе Мокрая Бугурна Симбирской губернии и уезда (с 1 766 десятинами земли), принадлежавшее господам В.И. и М.И. Мотовиловым, С.И. Классон и А.И. Гельшерт, было продано за 280 900 рублей (согласно документам ф. 592 Российского государственного исторического архива в Петербурге). Т.е. эту огромную сумму разделили сестры Софья, Анна, Мария и Вера. Ну а богатый помещик Николай Федорович Пятницкий и его жена Лидия Ивановна Мотовилова, создавшие семью в конце 1870-х, по словам С.Н. Мотовиловой, «умудрились разориться через десять лет, не выезжая из своего имения Протопопово!», то есть еще в конце 1880-х.

Здесь стоит привести два поразительных по своей откровенности письма от российских дворян-помещиков, которые были опубликованы в 1895 г., в рамках возникшей на ее страницах дискуссии о причинах неуклонного разорения «дворянских гнезд». Они в значительной мере касаются и наших Мотовиловых.

Итак, 20 декабря 1895 г. на страницах «Нового времени» (за №7117) появилось письмо читателя газеты, укрывшегося за инициалами «В-ов», «О дворянах»:

*Вопрос о землевладении вообще и о дворянских землевладениях в частности теперь обсуждается на все лады в обществе, в печати, в правительственных учреждениях.**

* Еще 13 октября того же года «Новое время» опубликовало достаточно типичный фельетон А. Молчанова на эту тему – «О хлебе и дворянах». Поэтому мы его тоже здесь приводим:

Продолжается давно знакомый и старый дуэт – извещают из оренбургских степей, что хлеб продается там [всего лишь] по 12 копеек за пуд, и просят для землевладельца новых финансовых льгот... Пока этот дуэт длится, всякая маленькая новость о хлебе и землевладельце кажется интересна, а потому предоставляю вам две маленькие новости по этой части.

Я сам помещик и дворянин и все, что прямо или косвенно относится к земельной собственности, меня естественно интересует. Поэтому я полагаю, что всякое мнение, могущее чем-либо способствовать разработке тезиса: «отчего дворянское земледелие приходит в упадок?» – должно быть высказано. Чтобы сделать его возможно более известным и вызвать возражения, я обращаюсь в «Новое Время» с просьбой поместить эту заметку.

Отмена [в 1861 г.] крепостного права, выдача на руки выкупных сумм и бесконтрольное их расходование, залоги имений во всевозможных банках, вздорожание рабочих рук, неурожай и перепроизводство хлеба, в совокупности, создали тот хлебно-экономический кризис, на который так жалуются теперь все дворяне-помещики.

Окончание примечания

Даю первое место хлебу насущному. Всякий русский патриот знает, что землевладение стонет или песни поет, смотря по настроению немецкого желудка: голоден немец – мы пляшем, сыт – у нас нос свешивается долу. О таком приятном положении величайшего производителя величайшей из европейских держав знает, конечно, не без конфуза, и министерство земледелия, в котором интерес о степени насыщенности немецкого желудка изображается и графически: длина палочек цветов голубого, красного и пр. представляет, сколько немец скушал нашей ржи, овса, ячменя и пр. и пр.

<далее следовали статистика и рассуждения вокруг оной о вывозе из России ржи с 1885 г., в диапазоне 64-104 млн. пудов в год, при этом вывоз пшеницы, в 2-3 раза более масштабный, почему-то не был упомянут>

Знатки дела предсказывают, что в текущем году мы вывезем до 110 милл. пудов ржи, т.е. больше чем отпускали в самый роскошный по урожаю год – в 1889/90 г. [(104,4 милл. пудов)]. Бесполезно прибавлять, что это пахнет маленьким вздорожанием хлеба, которое пока следовало бы называть «приближением к безубыточности хлебов».

Другая новость порадует меньшее число сердец, зато – сильнее, и чтоб не мучить эти сердца, я стреляю сразу: есть официальное предположение озаботиться об участии тех несчастных [дворян], которых неоплата долга Дворянскому банку выгоняет из родимых деревенских гнезд под небо июльское, сентябрьское и даже декабрьское, ибо, очевидно по недостатку гуманности, продажа с публичного торга заложенных имений совершается не только летом, но и осенью, и зимой.

Новый управляющий Дворянским банком – князь Оболенский, 12 лет сам просидевший в деревне и в качестве губернского предводителя близко видевший стоны и слезы помещичьего дворянства, задумал думу очень симпатичную – сдвинуть, сколько позволительно, Государственный земельный банк с тех рельсов бездушия и формализма, по которым человечеству двигаться вообще зазорно, а государственному учреждению – наипаче.

Он полагает во многих случаях возможным в имениях, уже поступающих в подневольную продажу с публичного торга – не упускать на таковой усадебную землю, которая при таких обстоятельствах будет выделяема в неприкосновенный «семейный участок». Почти всегда, почти везде самая маленькая правительственная забота, без убытка для казны и с прибылью для общественной совести, может спасти разоренного от целой массы лишних страданий и потерь.

И действительно, в девяти десятых случаев невольной продажей дворянских имений, не упуская и копейки, банк мог бы воротить долг отчуждением одной земли, не выгоняя старых, молодых, юных и малых из-под крова, созданного рядом кровных для них поколений, не разрывая в тех той связи с родной землей, которая была, есть и будет даже для самых слабых людей тем, чем она была для богатыря Антея...

Во имя человеколюбия, во имя уважения к отечественной истории, во имя веры, что всякое творимое доброе сеет плодородное семя справедливости – надо пожелать успеха хорошему намерению князя Оболенского. Кроме того, понятно, что тут идет речь не о дворянской привилегии – о том пугале, от которого так плохо живет теперь дворянину. Пусть Дворянский банк заботится исключительно о словии, имя которого он носит, но раз гуманный принцип войдет в его практику, во имя высшей справедливости, несомненно этот принцип будет немедленно применен вообще к практике всех поземельных банков.

Они чуть ли не поголовно запели жалобную песенку об общем своем разорении, ходатайствуя о разнообразных льготах для поддержания своего хозяйства. Между тем, мне кажется, что как причина переживаемых невзгод, так и лекарство от них находятся в самих дворянах – землевладельцах. Условия окружающей жизни изменились до неузнаваемости, а личная жизнь г.г. дворян осталась прежняя.

Достаточно взглянуть на любую усадьбу «средней руки». В каждой имеется [мно-го]людная домашняя челядь: повар, лакей, горничная, прачка, садовник, кучер, конюх; кроме того, староста и нередко конторщик, то есть, в отношении к собственно сельскому хозяйству, 8-9 дармоедов. Им надо платить жалованье, их надо кормить. У каждого помещика из дворян найдутся особые выездные лошади и тому подобные, не вызываемые полевым хозяйством, предметы расхода.

В общем, тратится на все это не менее 1 000 рублей в год, несмотря на откровенно признаваемое безденежье. Домашний обиход так же не соответствует средствам. Предположение, что в деревне многие припасы – даровые, совершенно ошибочно: всякая курица, всякая бутылка молока представляют продажную стоимость.

В собственной семье помещик-хозяин окружен дорого стоящими туеядцами. Я охотно возьму обратно это слово, если мне докажут, что незамужние дочери хозяина или жены его сыновей не в исключительных только случаях занимаются делом, не проводят время за вышивками и чтением, но сами обшивают себя и семью, стряпают, сметают пыль с мебели, доят коров, сбивают масло, непосредственно заведуют птичной [(птичником)], собственноручно работают в огороде, не опасаясь загара и загарубления рук.

Сыновья-подростки обыкновенно по разным заведениям обучаются разным премудростям. Взрослые [сыновья] стараются «служить», по необходимости высасывая некоторую долю домашних соков, в лучшем случае, не нарушая экономического покоя дома, они ничего ему не дают. Я намеренно обхожу вопрос: «не лучше ли им жить в деревне?» – это вопрос слишком сложный и спорный. Я только спрошу, что делают «молодые господа», когда они бывают в деревне. Ответ очень прост: ничего. Ни один не знает никаких ремесел, не в состоянии исполнить простейшую кузнечную или столярную работу, и в случае надобности приходится звать мастера, платить ему деньги, терять дорогое время в страдную пору. Исполнять простую работу: пахать, косить – «не прилично дворянину!».

Все только пальцами указывают на кулаков, скупающих продаваемые с молотка старые дворянские гнезда: на их простой образ жизни, на умение обходиться с одной прислугой, без закусок и вин, на отсутствие у них требований утонченного вкуса или вкоренившейся привычки. Всякая роскошь, несомненно, приятна, но она преступна, когда делается в долг, когда на нее уходят взятые из банков ссуды, продаваемые на сруб рощи, деньги, взятые под вторые закладные.

Если спросить нынешних печальников-дворян, в состоянии ли они продолжать свое хозяйство под условием получения каждым ежегодно по тысяче рублей, более половины в восторге ответит утвердительно (у прочих – только аппетиты больше). Эта тысяча у каждого под руками. Чтобы ее получить, нужно только небольшое гражданское мужество: отказаться быть прихлебателем казны, а в качестве истинного дворянина жить на собственный счет, следуя мудрому народному совету: «по одежке протягивай ножки».

На эту публикацию господина В-ова 24 декабря того же года откликнулся письмом «Еще раз о дворянах» некто Н.А. Бегуславский – тоже дворянин-помещик:

Г-н В-ов в своем письме в редакцию «Нового Времени» (№7117) высказывает довольно распространенную в нашем обществе мысль, что причина всех невзгод помещиков-дворян кроется в их жизни не по средствам, в совершенном неумении и нежелании их исполнять те или другие мастерства, те или другие работы в своих имениях.

Помещики, описываемые автором письма, бесспорно, сторицею тяжелее переживают нынешнее трудное положение. Но есть же помещики, живущие очень скромно, работающие, что называется, не покладая рук с раннего утра до позднего вечера, и которые, несмотря на свой каторжный труд и жизнь с лишениями, находятся в настоящее время так же в крайне затруднительном финансовом положении.

В качестве дворянина-помещика могу смело утверждать, что есть много землевладельцев, не смешивающих расходы на собственную жизнь с расходами на имение, ведущих правильную бухгалтерию, которая приводит их только к досадному исключению, что валовой доход имения почти весь ушел на покрытие издержек производства, страхование, ремонт хозяйственных построек и инвентаря или, еще хуже, что валового дохода даже недостает на покрытие всех этих расходов.

Причина бездоходности имений или малой доходности в переживаемое нами время зависит, главным образом, от низких цен на продукты земледелия на мировых рынках. Изменить эти цены к лучшему уж, конечно, не в силах ни отдельные землевладельцы, ни даже правительство. Теперешние цены могут давать доход лишь в таких имениях, где урожай исключительный, а не средний.

Вторая причина бездоходности имений или малой их доходности кроется в слишком значительных накладных расходах, проистекающих от высокой провозной платы по железным дорогам, от высокой страховой премии, от налогов государственных и земских, взимаемых с десятины, а не с дохода имения, от неурядиц в рабочем вопросе, от нашей таможенной политики, заставляющей платить высокие цены за железо, сельскохозяйственные орудия, машины и другие продукты, ввозимые к нам из заграницы и одновременно с этим содействующей вывозу дешевых отбросов наших хозяйств – жмыхов, отрубей, костей.

Благодаря всем этим и другим причинам валовый доход с имений сильно уменьшается, а для центральных [(нечерноземных)] губерний, думаю мне, это уменьшение определяется в среднем процентов в 50.

Изменить все эти условия, так сказать нашей внутренней политики в благоприятном смысле для земледелия, может одно только правительство, а потому совершенно естественно, что дворяне-помещики молят и просят правительство вникнуть в условия сельскохозяйственной промышленности и оказать свое содействие к уменьшению накладных расходов сельского хозяйства.

Ведь досталось ли вам имение по наследству, купили ли вы его на собственные средства, все равно на имение ваше вы не можете смотреть иначе как на некоторую ценность, некоторый капитал, долженствующий приносить ренту, хотя бы и очень скромную, не превосходящую процента, приносимого государственными процентными бумагами [(3-5%)]. Оказывается же совсем противное: имение, будучи известным капиталом, не дает никакой ренты.

Будьте же, господа, справедливы, не вините дворян-помещиков, что все это стало невозможным, и они взывают к правительству о помощи, не объясняйте трудности теперешнего финансового положения их одним тунеядством, неумелостью и ленью.

Вникайте глубже в дело и своими исследованиями помогите правительству разобраться в этом сложном и серьезном вопросе, чтобы оно могло установить порядки справедливые, безобидные для всех, чтобы благодаря этим порядкам земледельческая Россия не отдавалась на съедение немногим отдельным группам капиталистов.

Детальный анализ тяжелой экономической ситуации в «дворянских гнездах» конца XIX века, конечно же, выходит за рамки данных биографических очерков.

Поэтому отметим лишь вскользь, что убыточность отечественного сельского хозяйства из-за «низких цен на продукты земледелия на мировых рынках» говорит только об одном: Россия проигрывала на этих самых мировых рынках из-за низкой производительности труда, из-за экспорта сырья и даже «дешевых отбросов наших хозяйств – жмыхов, отрубей, костей», вместо вывоза продуктов глубокой переработки (например, мяса и изделий из него, масла и т.п.). Тем не менее цитированные выше письма двух дворян-помещиков позволяют нам взглянуть, в том числе и в политико-экономическом ракурсе, на «жизнь и судьбу» наших Мотовиловых.

Н.С. Камай-Мотовилова так живописала про судьбы своих дядей и тетей:

Старшим сыном дедушки был Владимир (родился в 1849-м [в 1853-м!]). Молодым офицером он проигрался, заразился [венерической болезнью], еще что-то натворил, чем вызвал гнев бабушки [(Луизы Францевны)]. Зина рассказывала, как он приехал домой. Вся дворня выстроилась встречать молодого барина, а он выскочил из коляски и побежал прямо к бабушке, никому не поклонившись. Дворня не смела разойтись и долго стояла на солнцепеке, а те, кто подслушивал, доносили, что барыня гневаются, а молодой барин не уступает. Наконец Владимир Иванович выбежал на крыльцо и, обернувшись в ту сторону, где стояли девушки, крикнул: «Девки, я с матушкой поссорился, я больше не Ваш барин, мне дают (и он назвал имение, которое бабушка ему определила), кроме того я болен дурной болезнью, кто из вас за меня такого пойдет?»*

Он сам, а потом и его сыновья пахали землю наряду с мужиками. У него было три сына и три дочери, все здоровые. От семьи родителей он был отрезанным ломтем. Только после смерти родителей младшие дети (это уже мама [Вера Ивановна] рассказывала) возобновили с ним знакомство, и он приезжал в Бугурну. Он тогда увлекался коллекционированием каких-то греческих кувшинов. Мама с тетей Маней почему-то решили, что он немного помешан.

<...> Второй сын [у бабушки и дедушки] Петр Иванович (не было двух Петров, было два Николая), родившийся в 1851-м, не умер ребенком, а дожил до 17-ти лет и умер в Симбирске от неудачной операции аппендицита, когда готовился поступить в Университет. Третий сын Николай умер совсем маленьким, и его именем назвали [более позднего ребенка,] отца Зины и Сони. После четверых сыновей [(если считать и умершего маленьким Колю)] бабушка родила четырех дочерей: Лидию, Ольгу, Софью и Зинаиду [Вику, умершую ребенком?], а потом уже сына Александра, который был девятым ребенком [(здесь и ниже – если считать двух умерших маленьких детей)].

Ольга Ивановна дожила до тридцати [с чем-то] лет, страдала эпилепсией, к ней была приставлена горничная, которая за ней ходила. Мама с любовью вспоминала сестру Лёлю, которая была ласкова с младшими детьми.

Александр Иванович смолоду убил кого-то на дуэли, проигрался, заразился, заболел манией преследования и умер лет тридцати в сумасшедшем доме в Петербурге, где мама [Вера Ивановна] и тетя Маня его навещали. Десятым ребенком была тетя Анюта, а потом уже шли четверо младших: Алеша, Паша, Маня и Вера. Эти четверо младших до отъезда мальчиков в лицей росли, играли и гуляли вместе. Алеша и Паша учились в одном классе.

Насчет года рождения своего дяди Владимира Н.С. Камай-Мотовилова ошиблась (возможно, из-за того, что запомнила год бракосочетания дедушки и бабушки – високосный 1848-й, значит, через год мог бы появиться и первенец).

* Зинаида Николаевна Мотовилова-Некрасова.



*Владимир Мотовилов в молодости,
в зрелом возрасте заразившийся «дурной болезнью» и вызвавший гнев матери*

В ф. 786 отдела рукописей РГБ хранятся документы, которые уточняют обстоятельства его рождения и смерти. Согласно выписи из метрической книги Симбирского Спасо-Вознесенского Собора Владимир, «сын Корнета Ивана Егорова Мотовилова и законной жены его Людовики Франциски католического вероисповедания», родился в марте 1853-го. При крещении «присутствовали восприемники Корнет Федор Федосеев Ахматов и титулярная советница Анна Федоровна Зимнитская». Как мы понимаем, Федор Федосеевич и Прасковья Федосеевна Ахматовы были братом и сестрой.*

* Согласно архивным документам, выложенным в Интернете, Ф.Ф. Ахматов в Отечественную войну в чине корнета, а затем поручика служил в конном полку Симбирского ополчения. Из списка генералов, штаб и обер офицеров, отличившихся в сражениях бывших при Дрездене в октябре 1813 г.:

Поручик Ахматов. 5 октября, будучи с охотниками впереди, весьма успешно действовал против неприятельской кавалерии; по адъютантскому званию, с особенным мужеством исполнял все возлагаемые на него поручения. Благоволение [(поощрение)].

А согласно выписи из метрической книги Космо-Дамианской церкви села Малое Нагаткино Симбирского уезда (ф. 786 отдела рукописей РГБ) умер В.И. Мотовилов в ноябре 1900-го*. Причина смерти – «от головного паралича», «кто исповедовал и приобщал» – «по тупоумию не напутствован». Кроме того, «дочь старосты Арина, красавица и первая невеста на селе» была, скорее всего, крестьянкой Марфой Кузьминой Лобановой (см. ниже), незаконнорожденные дети которой после смерти отца, путем некоторой комбинации, все-таки получили его наследство. С.Н. Мотовилова так упоминала об этой комбинации:

После смерти дяди Володи все его состояние должно было достаться нам (его брату), так как его брак был нелегальный. Но мама сейчас же начала хлопотать через нотариуса, мы дали дарственную, и все перешло к его детям.

Здесь стоит более подробно остановиться на трагической судьбе Александра Мотовилова: «смолоду убил кого-то на дуэли, проигрался, заразился, заболел манией преследования и умер лет тридцати в сумасшедшем доме в Петербурге, где мама [Вера Ивановна] и тетя Маня его навещали». (из письма ленинградской Н.С. Мотовиловой)

Или: «Наши с Вами предки не привыкли, чтобы с ними были нахальны и грубы. Когда дядя Саша сошел с ума, у него уже не было сдерживающих центров: он убил человека, который ему грубо ответил. Кстати, всю эту историю (мы ее прочли в газете, мы читали тогда у тети Лиды в Протопопове) взяла на себя тетя Соня». (из письма киевской С.Н. Мотовиловой)

Сплошной поиск автора сих очерков по рубрике «Судебная хроника» «Русских ведомостей» не позволил выявить какое-либо упоминание о дуэли дворянина А.И. Мотовилова в период с 1889-го (жил с братом Павлом во флигеле «имения» в Мокрой Бугурне, см. ниже) по 1893 год (когда был уже помещен в одну из питерских лечебниц для душевнобольных). А эта рубрика была достаточно всеохватывающей по городам русским: когда редакция не могла послать на громкий процесс своего корреспондента, она перепечатывала сюжет из другого издания (центрального или же местного).

В весьма подробной и даже временами объемистой «Судебной хронике» публиковались сюжеты с убийствами и членовредительствами, грабежами и кражами, подделкой документов и все такое. Даже пропажа почтовой сумки (с деньгами) в Симбирской губернии, кража духовых инструментов из Университета св. Владимира в Киеве были удостоены внимания. А барон такой-то, будучи в Риге летом на концерте на открытом воздухе, отошел не сильно далеко, чтобы справить малую нужду – на виду у всей публики и в результате получил месяц заключения!

Так что, скорее всего, сестра Софья Ивановна уладила последствия этой дуэли в досудебном порядке – в самом Симбирске? Чего это ей стоило, остается только догадываться... Поэтому автор обратился к местной прессе – к «Симбирским губернским ведомостям». Однако местная пресса практически ничем не порадовала. За 1889-1891 годы номера сего официозного листка в РГБ отсутствуют. А перелистывание его страниц за 1892-93 годы тоже ничего интересного не принесло. Да, здесь имелся неофициальный раздел, однако при редакторах Мальковском и Д. Горчакове из него в 1893 году постепенно исчезает криминальная хроника.

Так, в номере за 12 июня была приведена лишь куца статистика «Число насильственных и случайных смертей в г. Симбирске»: «По имеющимся у нас сведениям, число насильственных и случайных смертей в городе за январь, февраль, март, апрель и май месяцы выражается в следующих цифрах – самоубийства 2, смертоубийств 1 и случайных смертей 20».

* Село Малое Нагаткино находилось в 50 верстах от Симбирска на почтовом тракте в Казань.

Казалось бы, единственное смертоубийство за пять месяцев заслуживало более подробного описания – кто, кого, за что? Ан нет, властям это было уже, по-видимому, совсем неприятно, как и негоже публиковать подобную же статистику в целом по Симбирской губернии. Тогда автор обратился к, казалось бы, весьма осведомленной газете «Новое время», которую в то время издавал А.С. Суворин. Да, она давала краткую информацию из глубинки, но в основном это были перепечатки из местных газет, например, по Поволжью – из «Волжского вестника» и «Волгаря» (последний начал выходить только в 1892-м). Лишь на громкие процессы «Новое время», как и «Русские ведомости», посыла-ло/привлекало собственных корреспондентов.

А вот сплошной поиск в «Волжском вестнике» (издавался в Казани) за 1885-1893 годы позволил узнать много интересного из жизни Симбирска, но опять-таки не привел к иско-мому... В то же время 18 июля 1885 года появилась корреспонденция из Симбирска, кото-рая может послужить некоей аналогией для дальнейшей судьбы Александра Ивановича Мотовилова:

Вчера, 13 июля, из собственного своего имения привезена в Симбирск вдова капитана М.К. Красовская, рожденная Коптева. <...> Красовская прибыла в город не по своей воле, но по распоряжению надлежащей власти. Дело в том, что она в усадьбе своей зарезала кухонным ножом свою кухарку, как говорят, будучи в исступлении ума. Некогда бли-ставшая в обществе красавица, в настоящее время помещена в арестантское отде-ление испытуемых, находящееся при земской больнице, в отдельной комнате.

Родственники несчастной позаботились об ее участи и отделали ей в этом поме-щении комнату, обставив ее мягкой мебелью и всем необходимым комфортом, к ко-торому с детства привыкла Красовская, по воспитанию. При ней находится горничная, привезенная из имения, а также и одна из хожалок больницы, которые не оставляют ее ни на минуту. Впрочем, ей дозволено по вечерам прогуливаться, конечно не одной, по аллеям больничного сада. Медицинское наблюдение над Красовской и судебное след-ствие, по всей вероятности, раскроют истину.

Насколько автор помнит, по дальнейшей судьбе помещицы публикаций не последова-ло, но, скорее всего, барыню Красовскую увезли или обратно в имение или в лечебницу для душевнобольных...

Итак, просмотр «Волжского вестника» с 1885-го по 1893 годы не позволил найти иско-мого сюжета, т.е. факта самой дуэли (конфликта, закончившегося смертью противника) и судебного процесса по ней в Симбирске или Казани.

Похоже, столкновение А.И. Мотовилова с господином, «сказавшим ему грубое слово», произошло не в Симбирской губернии, а, предположим, во время прохождения первым военной службы. То есть возможное место дуэли – чуть ли не вся европейская часть Рос-сийской империи. Хотя имелась и более вероятная диспозиция – летние сборы войск под Петербургом.

Так, 13 мая 1893 года «Новое время» сообщало, что в этом сезоне летние занятия войск гвардии и петербургского военного округа назначены: под Красным Селом, Усть-Ижорой, Ревелем, Ямбургом (нынешним Кингисеппом), Ораниенбаумом, Шимском и подвижные – в районе Гатчины – Ораниенбаума – Ямбурга.

Пришлось опять вернуться к «Новому времени», чтобы просматривать подряд теле-графные новости, собственные корреспонденции, перепечатки из других газет, Высочай-ше утвержденные уголовные приговоры по что-то натворившим офицерам...

Несмотря на то, что дуэли были тогда в Российской империи запрещены, однако про-исходили они с завидной регулярностью. Мы приведем некоторые эксцессы по этому по-воду, чтобы показать, насколько подчас ничтожными были мотивы к оним дуэлям.

Маленькая хроника

Давно что-то не слышно о дуэлях. Только на днях, именно в Одессе, вниманием общества снова завладела дуэль, благодаря одному курьезному делу, которое случилось в уголовном отделении одесского окружного суда. На скамье подсудимых заняли место бывший чиновник особых поручений при бывшем временном одесском губернаторе, барон Р. и штабс-капитан К., обвиняемые: первый – в вызове К. на поединок, а второй – в приеме вызова на поединок, который состоялся [18 февраля 1889 г.], но кончился без кровопролития. Поводом к дуэли послужило вздорное обстоятельство. Во время маскарадного бала французской колонии в одесском благородном собрании минувшей зимой стоявший в дверях из залы в гостиную штабс-капитан К., заметив, что направлявшийся в его сторону барон Р. может его, пожалуй, толкнуть в узком пространстве между дверями, поднял руку и, чтобы избежать толчка, дотронулся до локтя госп. Р.

Последний оглянулся и, обращаясь к госп. К., сказал по-французски: «виноват, вы, кажется, забываетесь». – Я никогда не забываюсь, – возразил на это госп. К., – а вот вы так, кажется, забываетесь. – Ваша фамилия? – спросил госп. фон-Р. – Не скажу!

После такого ответа госп. Р. удалился, но через несколько минут вновь подошел к госп. К., в сопровождении драгунского штабс-ротмистра Ф. и лейтенанта фон-К. – Как ваша фамилия? – обратился госп. [фон-]К. к [штабс-капитану] К. – На каком основании вы спрашиваете мою фамилию? – По поручению барона Р.

Госп. [фон-]К. вынул свою визитную карточку с адресом и вручил ее госп. [штабс-капитану] К. Начались переговоры о поединке. Секунданты попробовали, было, склонить стороны к миру, но их попытки не удалось. Госп. Р. соглашался на примирение в том только случае, если госп. [штабс-капитан] К. первый скажет ему: «извините меня, что я вас беспричинно толкнул», на что госп. Р., в свою очередь, скажет: “я беру свои слова «вы забываетесь» обратно”. Условий этих госп. К. не принял. Секунданты предложили тогда, чтобы в знак примирения обе стороны одновременно подали друг другу руки, но так как и это не было принято, то приступили к обсуждению условий дуэли.

<...> Суд приговорил обоих противников к аресту на военной гауптвахте: госп. Р. на две недели, госп. К. – на два дня.

Петербуржец [(В.С. Лялин)]
«Новое время», 8 октября 1889 г.

А вот как освещался в «Новом времени» судебный процесс не по дуэли, а по причине смертельного ранения «в состоянии необходимой обороны».

25 мая 1889 г. была напечатана телеграмма Северного Телеграфного Агентства:

Харьков, 24-мая. В Павловграде рассматривалось вчера дело поручика кавалерийского запаса Самойлова, обвинявшегося в убийстве на станции Лозовой казачьего офицера Лебедева, вследствие нанесенного им Самойлову тяжкого оскорбления словами и действием. Самойлов оправдан.

Далее, 26 мая появилась корреспонденция «Нового Времени» (по телеграфу):

Павловград, 25-го мая. Вчера окончилось судебное разбирательство по делу поручика запаса Самойлова, обвинявшегося в убийстве, в запальчивости и раздражении вследствие тяжкого оскорбления, подъясаула Лебедева, на станции Лозовая в апреле прошлого года. Защитник Самойлова, профессор Владимиров, доказывал тяжелое оскорбление воинской чести и состояние необходимой обороны.

Присяжные совещались четверть часа. Самойлов оправдан. После резолюции суда профессор Владимиров заявил, что Самойлов вносит 360 рублей ежегодно на обеспечение семьи Лебедева [(вдовы и троих детей)].

И, наконец, 28 мая была опубликована подробная корреспонденция из Павловграда за 24 мая:

В ночь с 10-го на 11-е мая [1888 г.] на ст. «Лозовая-Севастополь», в момент отхода поезда на север, состоявший в запасе кавалерии поручик Михаил Самойлов выстрелом из револьвера убил наповал подъяесаула Оренбургского 1-го казачьего полка Бенедикта Лебедева. Убийство произошло в здании вокзала, после того как Лебедев обозвал Самойлова «подлецом» и «трусом» и, кроме того, нанес ему удар в лицо бутылкой. Катастрофа эта явилась результатом враждебных отношений Лебедева к Самойлову, бывших до того приятелями. Убитый и убийца занимали в харьковском обществе видное место. <...>

<...>

27 апреля 1890 г. в «Новом времени» был напечатан подробный отчет о рассмотрении в петербургской судебной палате апелляционной жалобы обвиняемого, эстляндского дворянина, барона Николая Штакельберга, участвовавшего во все еще запрещенной законом дуэли, которая закончилась смертью второго ее участника, Георгия фон Мюленделя, бывшего его товарища по Дерптскому университету.

Поединок случился 30 сентября 1889 г. в лесу, близ имения Ваткуль, в присутствии двух пар секундантов. Ревельский окружной суд приговорил Николая Штакельберга к заключению в крепости на 4 года; а петербургская судебная палата, рассмотрев его апелляционную жалобу, постановила снизить срок заключения до двух лет.

В своем фельетоне «Маленькая хроника», опубликованном 28 апреля того же года, обозреватель «Петербуржец» (В.С. Лялин) пытался понять психологию дуэлянтов и их «особые понятия» о дворянской чести:

Разбиравшееся на днях в петербургской судебной палате дело о дуэли барона Штакельберга с фон Мюленделем лишний раз доказало всю нелепость большинства наших дуэлей. В громадном большинстве случаев дуэли возникают из-за пустяков. Так было и в этой дуэли.

Сидя в гостинице [(в ресторане, во время ужина)] товарищи заспорили по поводу фамильярного обращения с [ресторанной] прислугой; один из товарищей употребил, в пылу спора, «какое-то выражение», уличающее другого во лжи, причем «самого выражения свидетели припомнить были не в состоянии»; другой товарищ обиделся и угрозил первому товарищу пощечиной; первый вызвал за это второго на дуэль, а на дуэли второй убил первого.

Вот и вся история – конечно, трагическая, но в то же время и глупая. Даже защитник подсудимого, присяжный поверенный Герард, говорил в своей речи, что «в данном случае оскорбление было не таким серьезным, чтобы не могло покрыться извинением, и репарация, которую предлагал барон Штакельберг, вполне должна была удовлетворить Мюленделя».

С этим мы совершенно согласны, но с дальнейшими объяснениями защитника – нет. Присяжный поверенный Герард утверждал, что «дуэль состоялась не по вине барона Штакельберга, а вследствие какого-то особенного, ни для барона Штакельберга, ни для других участвовавших в этом деле лиц, непонятого озлобления со стороны Мюленделя» и что дуэль, этот «суд Божий», как думали ее основатели, «хотя жестоко, но справедливо наказала Мюленделя за его озлобление».

Прошу заметить здесь следующее: люди сошлись драться насмерть вследствие какого-то особенного, непонятого большинству присутствующих озлобления Мюленделя, и когда в результате дуэли оказалась смерть одного из противников, Мюленделя, то, по словам адвоката, «дуэль состоялась все-таки не по вине барона Штакельберга», т.е. не по вине убийцы.

Как же так? Конечно, главный виновник дуэли – убитый, не желавший принимать извинений и «вследствие особенного, непонятого озлобления» настаивавший на поединке, но затем, хотя и не в такой степени, виноват и барон Штакельберг, согласившийся, несмотря на явную нелепость «непонятого озлобления» Мюленделя, разрешить вздорное недоразумение смертным боем.

Кто же обязывал Штакельберга принимать очевидно бессмысленный вызов? Кодекс чести? Но разве может быть такой кодекс чести, который способен заставить человека рисковать своей и чужой жизнью по заведомо вздорному поводу? Такого кодекса быть не может, как не может быть такой чести, ибо честь, правильно понятая, никогда не может быть равнозначна глупости.

И последний сюжет, позволяющий в какой-то степени обозначить возможное наказание для «не совсем нормального» А.И. Мотовилова в результате убийства человека, «сказавшего ему грубое слово».

30 мая 1893 г. в «Новом времени» появилась телеграмма Северного Телеграфного Агентства:

Харьков, 29-го мая. Обвинявшийся в убийстве офицера Вржещ землевладелец Кишинский признан присяжными [Харьковского окружного суда] действовавшим в беспамятстве и умоисступлении. Суд определил отдать Кишинского под присмотр родных. Экспертизу давали три местных городских врача и профессор психиатрии киевского университета Сикорский.

А 3 июня того же года был напечатан подробный отчет о судебном заседании. Оказывается, землевладелец Изюмского уезда, дворянин Адриан Николаев Кишинский, сын одного из российских боевых генералов, ударом кинжала убил своего приятеля, офицера Воронежского полка Бронислава Вржеща, поручика, 33 лет, в то время когда два однополчанина будущей жертвы и Кишинский разыгрывали в штосе рубль за карты. Карточная игра не обошлась без выпивки и появления двух прекрасных дам...

Кишинский был переведен из Пажеского корпуса, вследствие болезни (сильного травматического повреждения головы при падении с трапеции), в Орловский кадетский корпус, но не кончил его и служил затем какое-то время юнкером на Кавказе. После чего вернулся в родные места.

Профессор Сикорский, в часовой своей речи, высказал свой взгляд на Кишинского и содеянное им преступление: даже и без данных о психических болезнях сестры и дяди его (скорбные листы) объективное исследование прямо свидетельствует о наследственности психо-патологической, серьезная же травма головы имела последствия несомненные, сказавшиеся, между прочим, резким изменением характера, чем обыкновенно характеризуются все контузии головы, даже по прошествии значительного периода времени. Отравление алкоголем на такой почве, как наследственность и травма головы, должны были повергать Кишинского в состояние беспамятства и умоисступления.

Вдаваясь в детали, профессор находил в поведении Кишинского до момента преступления и после него все характерные черты психозо-автоматичности движений, частичное запамятование и сон после пролития крови. Однако 27 октября 1893 года «Новое время» опубликовало телеграмму за 26 октября из Харькова, которая сообщала о повторном слушании дела, в рамках кассации.

На этот раз присяжные признали Кишинского виновным, но заслуживающим снисхождения. Подсудимый был лишен всех прав состояния и сослан на постоянное жительство в Томскую губернию.

Наконец, автор сих биографических очерков совершенно случайно, но все-таки благодаря упомянутому сплошному просмотру ряда рубрик, обнаружил следующие телеграммы Северного Телеграфного Агентства, публиковавшиеся в «Новом времени» в 1890 году:

Батум, 27-го июня. Среди дня на Мариинском проспекте, самой людной улице, туземец убил из револьвера двух лиц; убийца арестован.

Батум, 27-го июня, вечером. Убитым оказался служащий на [железнодорожной] станции Батум Ф.В. Яковлев, раненым – кассир той же станции П.И. Покатилов. Убийца – татарин. После убитого осталось четверо детей и жена.

Батум, 2-го июля. Следствием открыто, что убийца Яковлева, Мотовилов – отставной офицер; при нем найдено облигаций и ценных бумаг на сумму до 15 тыс. Причину нападения Мотовилов объяснить отказался.

Итак, место действия в нашей кровавой драме – Батум, время – конец июня 1890 года. Но более подробных публикаций в «Новом времени» затем почему-то не последовало. Тем не менее, эти реперы резко сузили зону поиска, и автор тут же заказал подшивки местных газет: «Батум» (выходил 2 раза в неделю), ежедневные «Кавказ» (выходил в Тифлисе) и «Тифлисский листок».

Первая газета состояла в основном из рекламных объявлений, хотя публиковала и телеграммы Северного телеграфного агентства (преимущественно из Петербурга, официозные), но не чуралась и зарубежных новостей, типа: «Вена. Здесь распространился слух, что молодая болгарка совершила покушение на жизнь Стамбулова, выстрелом из револьвера (из телеграмм, полученных с 27 на 29 июня 1890 г.)» или: «Париж. Сегодня утром, перед статуей Страсбурга, прошла процессия многочисленных патриотических обществ. Буланжистский депутат хотел произнести речь, но был арестован полицией (из телеграмм, полученных с 30 июня на 4 июля 1890 г.)».

Выходит, «Гондурас в огне»* был важнее реального смертоубийства здесь же под боком, в Батуме? Как мы видели, Северное телеграфное агентство об этом все же сообщило. В частных объявлениях самым примечательным, из местных новостей, было: «4 июля идя по Мариинскому проспекту мной утерян национальный паспорт, а так же билет, выданный Одесским Градоначальником. Нашедшего прошу доставить <туда-то>».

Зато в «Батуме» можно было узнать о том, что по Закавказской казенной ж.д. существовало регулярное сообщение между Батумом, Тифлисом, Баку, Поти и Кутаисом. А в 6-местном омнибусе удалось бы добраться из Батума по Военно-Грузинскому тракту за 27 час. до Владикавказа (без ночлега) или же в 5-местной карете – туда же за 36 час. (но с ночлегом на станции Млеты).

Лишь в 1890 году в Батуме наметилось издание местной газеты, но оно по разным причинам сильно затянулось. 5 февраля 1891 г. тифлисское «Новое обозрение» (на которое автор вышел позже всех других газет) опубликовало письмо адмирала Греве, в котором он в том числе объяснял эти причины, одной из которых была необоснованная жадность потенциального сотрудника будущей газеты, потребовавшего себе 15% с ее выгод, за все время возможного существования газеты!

По самому же проекту издания газеты госп. Греве сообщил: «Заявляю печатно, что я с большим удовольствием принял на себя редакторство, считая не только нужным, но и крайне необходимым иметь для портового города свой печатный орган, который служил бы общим русским интересам на всем черноморском побережье».

* *Гондурас, Гондурас, / Мы с тобой в тревожный час! / Гондурас, Гондурас, / В сердце каждого из нас! / Гондурас, Гондурас, / Где же твой рабочий класс? / Гондурас, Гондурас, / Еще много-много раз. – Из современной пародии Аркадия Арканова*

Лишь 3 июля 1895 года «С.-Петербургские ведомости» опубликовало сообщение Российского телеграфного агентства:

Батум, 1 июля, суббота, вечером. Сегодня вышел первый номер ежедневной газеты «Черноморский Вестник».

«Кавказ», который автор получил на микрофильме, вообще проигнорировал эксцесс в Батуме, хотя на его страницах изредка и появлялись публикации из этого города. А вот третья газета опубликовала последовательно два материала из Батума:

Батум. 27-го июня, около 12 часов дня, на самом бойком месте города, на Мариинском проспекте, совершено каким-то татаринoм весьма загадочное по своим мотивам преступление, жертвами которого сделались двое железнодорожных служащих: кассир П. и конторщик Я.

Первый отделался сравнительно легко, последний же был убит наповал. В мотивах преступления трудно разобраться среди массы разноречивых слухов, но, как надо полагать, совершивший преступление татарин, проходя мимо квартиры одного из потерпевших, госп. П., стоявшего в то время с Як. во дворе, попросил у них огня закурить. П. и Я. отказали и вдобавок, как слышно, не то выбрали, не то избили, словом, сильно обидели его.

Тогда татарин ушел, но вскоре вернулся и уже с револьвером в руках. Конторщика Я., убежавшего через двор, он уложил на месте, нанеся ему рану прямо в позвоночный столб, а П. успел забежать в комнату и оттуда выпрыгнул чрез окно на улицу, но так неудачно, что сломал себе ногу. Тем временем сбегавшаяся на выстрел публика быстро обезоружила преступника и, до прибытия полиции, сильно избила его.

«Тифлисский листок», 1 июля 1890 г.

Загадочное убийство в Батуме

В последнем номере нашей газеты мы поместили корреспонденцию из Батума об убийстве служащего на Закав. жел. дороге Яковлева. На первых порах убийцу все называли неизвестным татаринoм, но в настоящее время установлено, что убийца – состоящий в запасе армии Матовилов, приехавший в Батум из Динабурга [ныне Даугавпилс – МК] чрез Новороссийск на пароходе «Дмитрий» 25-го июня. Матовилов, как на пароходе, так и в Батуме, где он остановился вблизи железнодорожной станции, в духане «Гурия», выдавал себя за рабочего из казанских татар; одет он был в щегольский русский костюм и обут в лакированные походные сапоги.

В день приезда и на другой день он был у кассира железной дороги П., с которым, как говорят, имел какой-то крупный разговор.

По совершении им убийства Матовилов упорно отказывался открыть свое звание и фамилию, и лишь по предъявлении ему его вида [на жительство], который был послан содержателем духана в полицию для прописки, сознался, что он не казанский татарин, а Матовилов, что убил Яковлева совершенно случайно, о чем сожалеет; на все остальные вопросы Матовилов отказывается пока дать ответ.

При обыске чемодана Матовилова в нем, кроме платья и белья, найдено около 8 000 руб. наличными деньгами и более чем на 13 000 руб. переводных векселей на разные банки в России, на Кавказе и за границей.

«Тифлисский листок», 3 июля 1890 г.

Еще одна местная газета, бакинский «Каспий», в своем сюжете добавила новые подробности, хотя корреспонденция ее журналиста из Батума и выглядела, в части «грубого поведения» косившего под простого рабочего Мотовилова, весьма субъективной (была написана, в основном, со слов «отважного» служащего железной дороги Покатилова и его супруги?):

Батум. 27 июня, в первом часу дня, на углу Мариинского проспекта и Шереметевской ул., в доме Медиль оглы, в квартире бухгалтера батумской станции железной дороги, госп. Покатилова, совершено было в высшей степени возмутительное убийство при следующих обстоятельствах.

Госп. Покатилов с товарищем своим, конторщиком Яковлевым, пришел домой обедать и только что сели за стол и успели выпить по рюмке водки, как на террасу квартиры Покатилова [со стороны Мариинского проспекта] взошел незнакомый им человек, на вид лет 25-ти, одетый в русскую поддевку, плисовые шаровары, лакированные сапоги и русский суконный картуз и довольно грубо спросил спичку – закурить папиросу.

На это требование жена Покатилова сказала незнакомцу: «здесь живут семейные люди, и если вам нужно закурить папиросу, то идите на кухню». В это время Покатилов встал из-за стола, подошел к незнакомцу и сказал ему: «любезнейший, ты наверно ошибся и не туда вошел, куда следовало, а потому прошу убраться отсюда». Но незнакомец стал упираться, тогда Покатилов взял его за плечо, вытолкнул со двора, запер калитку, а сам вернулся в комнату и стал продолжать обедать [со своим товарищем].

Не прошло с этого момента и десяти минут, как Покатилов увидел в окно, что незнакомец опять взошел во двор [несмотря на запертую калитку? – МК] и идет к крыльцу, тогда Покатилов взял со стола свой карманный револьвер и хотел выйти к нему навстречу, но заметя, что у незнакомца тоже в руках револьвер, Покатилов выскочил в окно на Шереметевскую улицу, чтоб позвать городского. При падении Покатилов сломал себе правую ногу. Яковлев тоже выбежал во двор, чтобы позвать соседей на помощь, но в это время незнакомец выстрелил из револьвера и ранил его в ногу, второй выстрел направлен был прямо в живот, и от этого Яковлев пал мертвым.

На выстрелы и крик детей и жены Покатилова сбегался народ, убийца был задержан и сильно избит народом и отправлен в тюрьму, где убийца отказался от дачи показаний и не объявил свое звание и фамилию. 28 июня судебной власти удалось добиться, что убийца прибыл в Батум 22 июня и остановился в грязном духане «Гурия», где товарищем [кутаисского] прокурора был произведен обыск и найден небольшой чемодан с грязным бельем, разными бумагами, банковыми билетами на сумму 10 700 руб. и деньгами 20 руб. и указ об отставке на имя отставного поручика из дворян Симбирской губ., Матевилова. У убитого Яковлева осталась жена и трое малолетних детей.

«Каспий», 4 июля 1890 г.

Таким образом, А.И. Мотовилов убил человека «за грубое слово» и, возможно, «за грубое насилие над личностью» не на дуэли (с ее пресловутым «кодексом чести»), а в состоянии сильного психического возбуждения, но не в рамках необходимой самообороны, а с вынужденно отложенной по времени реакцией («оскорбленный татарин ушел, но вскоре вернулся и уже с револьвером в руках»).

Продолжая перелистывать страницы «Нового времени», автор обратил внимание на публикацию какого-то материала из Батума, со ссылкой на некую газету «Новое обозрение». Справившись в каталоге, обнаружил, что эта газета издавалась в Тифлисе, помимо официального «Кавказа»!

Заказав тут же подшивки за июнь и июль и получив оные, автор с нетерпением стал перелистывать страницы «Нового обозрения», отметив заодно вполне удобную подачу материалов, которые были структурированы; в том числе и в подборке публикаций под рубрикой «Местное обозрение». И вот что обнаружил:

Местное обозрение

Из Батума нам пишут: «Вчера, 27-го июня, среди бела дня, на самом людном месте на Мариинском проспекте, совершилась возмутительная история. Заслышав выстрелы, я поторопился выйти на улицу, где увидел толпу быстро сбегавшегося народа. Тут кого-то били, видимо, возбуждаясь все более и более. В толпе часто показывался городской, вцепившись в какого-то парня с окровавленным лицом и дико блуждающими глазами. – Подлый убийца! – кричали в толпе. Городовой тащил убийцу к фаэтону, фаэтоны отъезжали [пустыми], убийца вырывался, а народ продолжал его бить...

По наведенной справке оказалось вот что. Семья железнодорожного служащего Покатилова и несколько человек гостей, преимущественно железнодорожников же, сидела за обедом. В это время в комнату врывается какой-то неизвестный субъект и просит закурить папиросу. Хозяин выпроваживает нахала, последний врывается вновь, его вторично выталкивают.

Незнакомец вскоре появляется уже с револьвером и производит в доме страшную суматоху: мать с детьми бежит куда попало, сам Покатилов выскакивает в окно и ломает ногу, его сослуживец Яковлев выбрасывается тоже в окно и, желая удержаться во дворе ворвавшегося бешеного субъекта, кидается к калитке, но... падает, а над ним миг появляется этот бешеный и в упор стреляет уже в лежащего. Я видел распростертый на земле бездыханный труп несчастного и ни в чем неповинного Яковлева».

По сведениям, полученным нами от другого корреспондента, убитый – не железнодорожный служащий, а 17-летний юноша, гимназист, племянник начальника депо, приехавший в Батум погостить на лето.

«Следователь, – пишет этот другой корреспондент, – явившийся немедленно, вместе с доктором и полицией, не мог добиться никаких положительных сведений от убийцы, который отказался сообщить свое имя и причины, побудившие совершить преступление, мотивируя свой отказ тем, во-первых, что не знает де, с кем имеет дело, так как следователь не в форменной одежде, и что, во-вторых, ему необходимо 24 часа времени для того, чтоб обдумать свои ответы.

Этот загадочный субъект до сих пор еще никем не узнан. Полагают, что он был не один, а имел с собою товарищей, и все они собирались ограбить Покатилова и его соседа по квартире, тоже железнодорожного служащего, который имеет на руках много казенных денег».

«Новое обозрение», 1 июля 1890 г.

Через пару дней в этой газете появляется «расширенный и углубленный» материал на ту же тему с таким предувещанием: «В дополнение к помещенным у нас сообщениям печатаем подробности этого странного преступления, доставленные нам нашим постоянным батумским корреспондентом и заслуживающие полного доверия». Постоянный корреспондент шифровался под аббревиатурой «А. Щ.», однако по более поздним корреспонденциям из Батума можно было предположить, что это – полковник А. Щербаков.

Итак:

Фельетон

Загадочное убийство в Батуме

Батум, 29-го июня. 27-го июня кассир закавказской железной дороги Покатилов и конторщик этой же дороги Яковлев, окончив свои утренние занятия, вышли из вокзала около 12 часов дня. Покатилов пригласил Яковлева к себе отобедать, так как жена последнего с тремя малолетними детьми выехала из Батума на дачу, и он остался один. Приняв приглашение, Яковлев оговорился, что сначала он зайдет к себе на квартиру, для каких-то распоряжений, и через полчаса явится к обеду.

Покатилов, придя домой, передал жене своей, что он пригласил к обеду Яковлева, и потому надо немного повременить с обедом. Вслед за этим в комнату Покатиловых является какая-то, совершенно не известная им личность – молодой человек лет 25-ти, в красной кумачовой рубашке, в черных плисовых шароварах, запущенных [(заправленных)] в длинные сапоги с раструбами. Не сделав никакого обычного приветствия хозяевам, он обратился прямо к жене Покатилова с требованием дать ему спичку закурить папироску.

Та, озадаченная таким нахальным требованием, отвечает, что спичек у ней под рукою нет. Незнакомец возражает, что если нет у нее спичек, то наверно есть огонь в кухне, откуда она и может принести горячий уголь. Дерзость эта возмутила мужа, сначала тоже озадаченного всем происходившим. Он, в свою очередь, обратился с угрозой к вошедшему нахалу и потребовал немедленно удалиться, иначе де он примет другие меры. Но тот, не обращая на все это никакого внимания, начал опять требовать или спичек или огня. Покатилову ничего другого не оставалось делать, как наброситься на непрошеного гостя, схватить его за шиворот, дать несколько подзатыльников и вышвырнуть его из комнаты в дверь.

Через полчаса пришел Яковлев, которому Покатиловы рассказали обо всем происшедшем. Весь обед прошел, конечно, в догадках: кто такой мог быть этот неизвестный господин? Когда обед был уже окончен, и приятели сидели еще за столом, жена Покатилова, взглянув в окошко, увидела, что приходивший давеча за огнем вошел опять во двор, одетый уже в поддевку [чтобы оружие не заметили на многолюдной улице? – МК] и держа в руке револьвер.

Испуганная, она едва успела выкрикнуть: «опять идет!» и бросилась в соседнюю комнату [спасти детей], а муж ее побежал к окну и выпрыгнул на улицу; Яковлев же споткнулся и упал на пол. В этот момент неизвестный человек вбегает в комнату, дает два выстрела из револьвера в лежащего на полу Яковлева и всаживает в него две пули – одна прошла через живот, а другая осталась в спине.

Сам Покатилов, выскакивая из окна, переламывает себе ногу выше колена; однако в первый момент, не чувствуя боли, он бросается на первого попавшегося извозчика и приказывает ехать в полицию. Но, отъехав несколько сажень, он теряет сознание. Извозчик, видя его в таком положении, возвращается обратно и привозит его на квартиру. Ближайшие соседи Покатилова и случайные прохожие, видя какую-то суматоху в квартире его, бросились туда и застали убийцу возле почти бездыханного трупа Яковлева. Между тем, один из людей Покатилова бросился бежать в полицию, поднял на ноги дежуривших там городских, которые в ту же минуту дали знать о происшествии полицеймейстеру Егорову и товарищу прокурора Кутаисского окружного суда Джевице-Ковач*.

* Высочайшим повелением, опубликованным в «Правительственном вестнике», товарищу прокурора Кутаисского окружного суда, имеющему местопребывания в г. Батуме, с 1-го января 1891 г. назначено дополнительное денежное содержание в размере 600 руб. в год. // «Новое обозрение», 10 января 1891 г.

Когда они явились в квартиру Покатилова, то застали такую сцену: в комнате лежит раненый Яковлев, а во дворе – довольно-таки помятый вбежавшим народом убийца. По распоряжению представителей власти убийца тотчас был отведен в тюремный замок, а раненый Яковлев, по осмотре прибывшим доктором, отправлен в госпиталь, где через полчаса и скончался, не приходя в сознание.

Прибывшие, вслед за преступником, в тюремный замок товарищ прокурора и судебный следователь до вечера 27-го числа и до другого утра не могли открыть самоличность убийцы, так как на все их вопросы он не отвечал, выговоривши только такую фразу: «По закону, я в течение суток не обязан давать никаких показаний».

28-го числа было открыто, что убийца 25-го июня прибыл из Новороссийска на пароходе в Батум и остановился в гостинице «Колхида», занявши грязную какую-то конурку в 50 коп. за сутки; что он – отставной поручик 89-го резервного батальона, бывший воспитанник Константиновского военного училища Александр Иванов Мотовилов, от роду 25-ти лет.

В небольшом чемодане его, между незатейливым гардеробом, найдено: билет Казанского коммерческого банка (6 500 руб.), несколько билетов 1-го и 2-го Восточного займов, сохранная книжка для вклада в тот же банк и вексель одного из землевладельцев Казанской губернии на 4 500 руб., всего на сумму 15 тыс. руб.*

В найденной записной книжке открыт записанным адрес следующего содержания: «Батум, Лорис-Меликовская улица, дом №66-й». Под этим № значится квартира Покатилова. До настоящего дня убийца Мотовилов не сделал никаких признаний. Супруги Покатиловы показали, что они нигде и никогда не встречали этого человека. Яковлев, быть может, и дал бы какое-либо показание, но он с момента раны [(ранения)] был уже до самой смерти вне всякого сознания. Что откроет дальше следствие, что за личность этот Мотовилов, что побудило его ни с того ни с сего сделаться убийцей человека – быть может ему совершенно не знакомого – это остается загадкой.

А. Щ.

«Новое обозрение», 3 июля 1890 г.

Здесь мы приведем чуть более позднюю публикацию из «Кавказа», которая позволяет в какой-то мере понять достаточно пренебрежительное отношение местного «третьего сословия» к заглянувшему к ним во двор «пришлому, рабочему человеку», попросившему огня:

Батум (от собственного корреспондента). Приезжающие время от времени в Батум, хотя бы даже после короткого промежутка, по всей вероятности удивляются чрезвычайно быстрому росту этого сравнительно юного города.

* Для покрытия расходов на русско-турецкую войну (1877-78 гг.) были выпущены в т.ч. три 5-процентных Восточных займа на 800 млн руб. (1877-79 гг.). Куда делись облигации и другие ценные бумаги после ареста А.И. Мотовилова, остается только гадать (забрала сестра Софья Ивановна?)... В марте 1891 г. публиковались такие объявления Государственного банка:

Государственный Банк имеет честь объявить владельцам облигаций восточных займов: 1) что в 1891 г. впервые произведены тиражи означенных облигаций: 3-го займа – 28-го января и 1-го займа – 23-го февраля; 2) что тираж облигаций 2-го восточного займа будет произведен в марте 1891 г.; 3) что течение процентов по вышедшим в тираж облигациям будет прекращено и капитал по ним будет выплачиваем с следующих сроков: по 3-му займу – с 1-го мая, 1-му – с 1-го июня и 2-му с 2-го июля 1891 г.

А в апреле того же года и такое:

Высочайшим указом, 5-го апреля сего 1891 г., на имя госп. Министра Финансов данным, повелено провозвести выкуп всех не вошедших в тираж 5%-ных облигаций 1-го Восточного займа выпуска 1877 г. всего на сумму нарицательного капитала 180 401 550 руб., выпустив для сей цели новые 4%-ные облигации на нарицательный капитал 190 000 000 руб. <...>

И действительно: там, где года два тому назад ютились маленькие, грязные лачуги, теперь высятся красивые двух- и трехэтажные дома с светлыми большими окнами, с широкими тротуарами... На прежних пустырях, поросших крапивой и бурьяном, появились прямые линии домов и магазинов, и все еще строятся и строятся различные новые здания. Это нечто вроде роста дитяти, которое со временем обещает сделаться богатырем.

Куда ни глянешь – везде камень, кирпич, цемент, известь и другие строительные материалы, везде роют землю для фундаментов или выводят стены... Строится мол, строятся гостиницы, магазины и другие частные дома, строится новый вокзал и т.п. Для такой массы построек, разумеется, потребно и весьма значительное число рабочих, которые, по-настоящему бы, должны иметь в Батуме хороший заработок и вообще жить в нашем городе припеваючи. Однако, на самом деле выходит далеко не так.

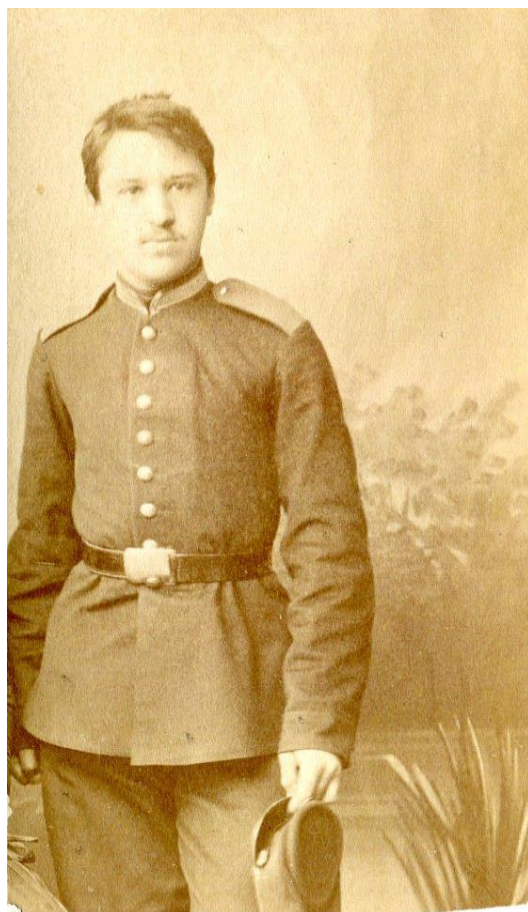
Поговорка совершенно справедливо отмечает, что «слухом земля полнится». Вот и слух о батумских постройках прошел, по-видимому, далеко, потому что целая масса голодного люда разом набросилась на наш город. Рабочие наехали морем на пароходах, по железной дороге, приехали на арбах, на телегах и, наконец, из недалеких местностей пришли пешком. Вследствие этого предложение не замедлило превысить спрос, и образовалось нечто вроде, как теперь любят выражаться, рабочего «кризиса». Цена на рабочие руки упала до минимума, а тут еще, к довершению всего, на заводы требовались, большею частью, различные специалисты или, по крайней мере, люди, умеющие обращаться с машинами, которых большинство рабочих, разумеется, никогда и в глаза не видали. <...> Тут же, на пристани, можно встретить и русских рабочих, которых в Батуме весьма много, и большинство которых так же сидит без работы. Почти все они переселенцы. <...>

«Кавказ», 16 января 1891 г.

Логично было бы ожидать, что дворянина Симбирской губернии, состоявшего в запасе армии, за это преступление должны были судить. Однако перелистывание «Кавказа», «Тифлисского листка», «Каспия» и «Нового обозрения» до конца 1890 года (и даже за несколько месяцев 1891-го) не позволило обнаружить упоминаний о данном процессе в рамках владикавказского окружного или же кавказского военно-окружного суда, или же выездной сессии уголовного отделения какого-либо окружного суда. Хотя сии газеты более или менее регулярно публиковали подобные материалы.

Между подобными преступлениями и судебными процессами над обвиняемыми проходило не более полугода, а то и трех месяцев. Например, 15 апреля 1891 г. уголовное отделение кутаисского окружного суда, согласно публикации «Кавказа» от 27 апреля того же года, рассматривало «Дело по обвинению Михаила Церетели в покушении на убийство с целью похищения незначительной суммы». Преступление произошло в Кутаиси 14 января, тремя месяцами ранее. А 15 января Михаил Церетели, сын отставного подполковника Сардиона Церетели, ученик VI класса кутаисской гимназии, сознался в оном. Оказывается, он давно задолжал 10 рублей разносчику телеграмм Ломинадзе, который, в случае неуплаты долга к 15 января, грозил пожаловаться директору гимназии.

Поэтому Михаил Церетели задумал ограбить мелочную бакалейную лавку Давида Вардасанидзе, что и осуществил вечером 14 января, прихватив из дома топор и ударив им по голове 14-летнего приказчика в лавке Николая Дутуева Дудучаву. Мальчика нашли утром следующего дня в почти бессознательном состоянии. Злоумышленник признался, что после первого удара обухом топора вид обливающегося кровью Дудучавы заставил его пожалеть оно, он бросил топор и убежал из лавки, даже не взяв 10 рублей... Суд приговорил Михаила Церетели к тюремному заключению на 3 года, но отец тут же выхлопотал взятие сына на поруки.



Александр Мотовилов, воспитанник Симбирского кадетского корпуса

Более кровавая драма разыгралась 31 декабря 1890 года в Баку. Как сообщал 17 апреля 1891 года «Каспий», двумя днями ранее в бакинском окружном суде слушалось дело об убийстве местным жителем Кафаром Мешади Наджафом оглы шести человек, в процессе ссоры между ним и его соседями (т.е. суд состоялся чуть более чем через 3 месяца после преступления). Обвиняемый был приговорен к каторжным работам на 15 лет.

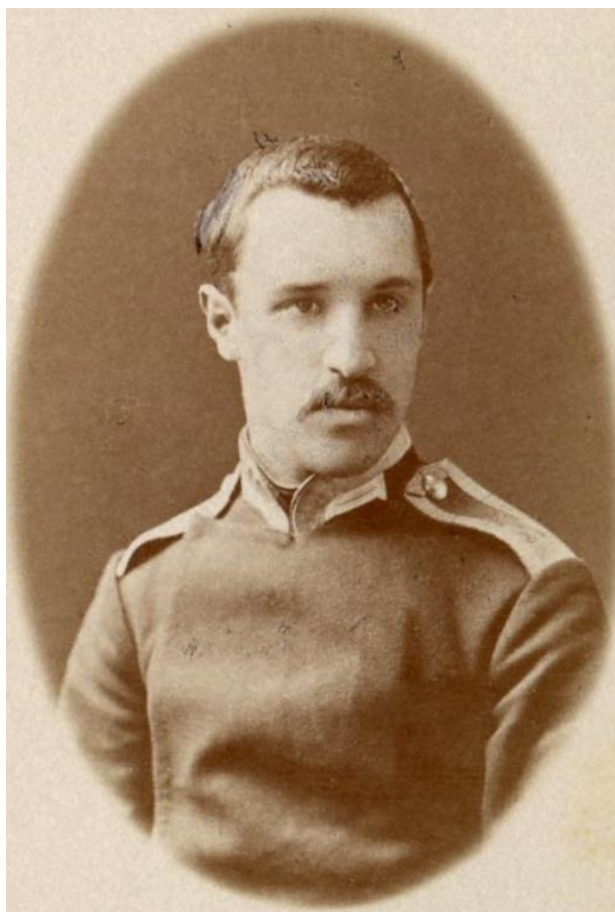
Выходит, в судьбу младшего брата вмешалась Софья Ивановна Мотовилова, которая по-видимому примчалась на Кавказ из Петербурга, бросив там на какое-то время своего любимого Роберта? Скорее всего, она привлекла за немалые деньги и какого-нибудь известного профессора, знатока в области психических помешательств, а также дорогих адвокатов (присяжных поверенных, по тогдашней терминологии).

А кроме того, скорее всего, обещала выплачивать вдове Яковлева и сиротам ежегодное солидное пособие. В общем, уголовное дело, похоже, было спущено на тормозах, а С.И. Мотовилова забрала брата под свое поручительство и устроила его в дорогой лечебнице для душевнобольных в Петербурге.

К сожалению, каких-либо письменных свидетельств этому не имеется, кроме итогового показания Р.Э. Классона на допросе в жандармском управлении, через несколько лет после данной трагедии:

В письме от 9 Мая 1893 г. буквы «А.И.» обозначают брата моей жены Александра Ивановича Мотовилова, психически больного, содержащегося в больнице доктора Фрея. Один из братьев моей жены, Павел, показывал мне его письмо, по содержанию видимо писанное человеком, одержимым манией преследования.

Вряд ли сохранились и архивы бывшей больницы доктора Фрея, после двух революций, гражданской войны и блокады Ленинграда...



Александр Мотовилов, в форме юнкера Константиновского училища?

Здесь мы приведем лишь сохранившиеся фотографии младшего брата С.И. Мотовиловой, а за подробностями его «линии жизни» отсылаем читателя к Приложению «Действующие лица».

Можно лишь догадываться, сколько «денежной смазки» выпустила Софья Ивановна в судебные шестеренки Батумских и закавказских следовательских и судебных инстанций. Интересные наблюдения о местном правосудии были опубликованы в тифлисском «Новом обозрении»:

Из заметок юриста (Тифлис, 30-го ноября)

Только пожив несколько лет сряду в закавказских трущобах и приглядевшись к отправлению местного уголовного правосудия, можно окончательно убедиться в том, что писания изобличителей суда присяжных и принципа несменяемости – то есть независимости судей и следователей – абсолютно лишены почвы.

Здесь, в Закавказьи, суда присяжных не существует даже и в предположении; несменяемость судей если и существует, то разве именно в предположении, а не на деле; что же касается до следователей, то их заменяют «кандидаты на судебные должности», тасуемые, сменяемые и увольняемые без всяких препятствий. Следовательно, здесь не имеется ни одного из тех «источников зла», которыми противники судебной реформы склонны объяснять все наши недочеты и несчастья. Суд у нас коронный, дисциплинированный, ни в какие пререкания и препирательства ни с кем не вступающий.

Напротив того, общеизвестно, что три года тому назад ревизовавшее его начальство сочло необходимым – в интересах правильного отправления здесь правосудия – наказать несколько судей уже не за строптивость и неповиновение, как бывало лет двадцать тому назад, а, наоборот, «за непрекословие злоупотреблениям», «за непротивление злу».

Между тем, несмотря на столь прекрасную обстановку здесь дела, несмотря на полное и сердечное «единение» наших судейских с чинами всех прочих ведомств, явления, замеченные и изобличенные известною частью русской печати, приключаются и в Закавказьи, притом несравненно чаще и резче, чем в остальных частях России.

Если русский суд присяжных, в кои-то веки расчувствовавшись, и выносит оправдательный приговор какой-нибудь хилой крестьяночке, хватившей обухом своего свекора, или отказывается признать за преступление «проживание по чужому паспорту», то об этом на Руси святой вопят благим матом все сорок сороков наших ретроградных газет. В Закавказьи о таких невинных преступлениях не слышать почти вовсе. Зато здесь и следственная власть, и суды, и [судебные] палаты отпускают на вольную волюшку почти всех подсудимых сколько-нибудь старающихся уйти от наказания: а не стараются уйти от него только «несчастненькие», учинившие правонарушение потому только, что «невозможу было»... Таким образом, здешний суд, выходит, наказывает тех, которых милует суд присяжных [в центральной России], и пускает на все четыре стороны тех, кого ожесточенно карают [те же самые] присяжные...

Почему это? Мои многолетние наблюдения приводят меня к убеждению, что иначе и быть не может, ибо суд наш должен мотивировать свои приговоры, а судьями у нас, большею частью, люди из городов, из-под охраны никуда не уезжавшие, словом, не знающие потребностей, нужд и болячек массы населения края. О жизни этой массы, об ее нравах и воззрениях им приходится судить по продажным речам «защитников», готовых молоть всякий вздор и выдумывать всевозможные небылицы, лишь бы достигнуть оправдания своего имени, т.е. получения от него двух-трех лишних «катенок» [(сто-рублевки)]. Эти Балалайкины уверяют суд, а последний верит, будто убийство в здешних краях такая обычная и заурядная вещь, что население свыклось с ним, как с касторкой, и никакого внимания не обращает на смертные случаи. <...>

«Новое обозрение», 1 декабря 1890 г.

Справедливости ради надо отметить, что в нашем случае не местный туземец, а русский и даже дворянин убил русского же чиновника, служившего на железной дороге...

Здесь стоит охарактеризовать, хотя бы вкратце, в какое «гуманное заведение» попал в Питере А.И. Мотовилов:

Больница для душевнобольных на 5-й линии Васильевского острова, в которой в настоящее время размещается часть отделений «Городской наркологической больницы», имеет длительную и богатую историю. Она была открыта как частная лечебница А.В. Шульцем – одним из основателей Психиатрического отделения союза Петербургских врачей, секретарем Петербургского психиатрического общества.

Первый больной поступил в больницу 14 февраля 1867 года и поэтому это число можно считать днем основания лечебницы.

По отзывам современников, Александр Васильевич Шульц был человеком талантливым, всесторонне образованным, с широким кругозором и выдающимся психиатром, пользовавшимся заслуженной известностью не только в России, но и за границей, что являлось большой редкостью в то время. Основанная им лечебница сразу получила широкую известность и привлекла пациентов. В его больнице изначально было 12 мужских мест, но уже через год это количество увеличилось вдвое.



Лечебница доктора А.Я. Фрея на 5-й линии Васильевского острова, деревянный корпус (кирпичные дома были построены лишь в 1900-е)

Жизнь в этой небольшой лечебнице носила семейный характер, жена доктора Шульца сама разливала чай и раздавала больным еду. Отношение к пациентам было самым гуманным, использовались передовые методы лечения, в том числе занятия несложным трудом и физические упражнения. Однако через несколько лет доктор Шульц надолго уехал за границу и оставил управление лечебницей.

После отъезда А.В. Шульца больница перешла в ведение врача А.Я. Фрея, ученика и верного последователя первого русского профессора-психиатра И.М. Балинского, под руководством которого формировалась русская психиатрическая школа и с именем которого связана организация и традиции большинства психиатрических заведений Петербурга и всей России. Александр Яковлевич Фрей в 1868 году поступил ординатором в лечебницу доктора Шульца, а уже в 1871 году стал ее директором. За время своего руководства доктор Фрей значительно расширил лечебницу (количество мест увеличилось до 90), открыл женское отделение.

<...> Как клиницист, администратор и эксперт Александр Яковлевич Фрей заслужил широкую известность. Из всех, в том числе дальних, областей России к нему поступали больные, с которыми он поддерживал связь и после их выздоровления.

По отзыву многолетнего сотрудника клиники П.П. Офросимова: «Больные чувствовали в нем (д-ре Фрее) не простого формалиста, но человека, близкого к ним, способного понять их душевное состояние и внушить им безусловное доверие».

Ординаторы больницы под руководством доктора А.Я. Фрея поддерживали и развивали гуманный подход и новые научные традиции в лечении больных, многие из них являлись членами Санкт-Петербургского Общества Психиатров, некоторые впоследствии сами стали организаторами и директорами больших психиатрических заведений по всей России. <...> А.Я. Фрей руководил больницей 27 лет. 4 ноября 1898 года вследствие болезни он должен был уйти на покой. После него непродолжительное время лечебницей руководили последовательно ординаторы М.П. Литвинов и П.П. Офросимов.

С 1900 года лечебницу возглавил А.Э. Бари – ученик В.М. Бехтерева, учредитель «Общества попечения душевнобольных». Он расширил больницу, пристроив к ней несколько корпусов, при этом стараясь создать для пациентов атмосферу, максимально приближенную к домашней. В клинике А.Э. Бари проходили лечение, в основном, состоятельные пациенты, но выделялись места и для бесплатного лечения неимущих. <...>

Коечный фонд лечебницы непрерывно возрастал, и к 1912 году в больнице проходили лечение 118 больных (64 мужчины и 54 женщины), что составляло 3% всех психиатрических больных, пролеченных в городе, и 47% всех психиатрических больных, проходивших стационарное лечение в частных лечебницах Петрограда.

По сохранившимся до наших дней данным доктора А.Э. Бари, 63,4% больных из лечившихся за 35 лет существования лечебницы были помещиками, купцами, чиновниками и офицерами, 17,4% – юристами и врачами, 9% – представителями духовенства и 10% – лицами неизвестных профессий. Спокойных больных в лечебнице было 72% и только 18% – беспокойных, а 35% пролеченных больных страдали прогрессивным параличом.

В лечебнице помимо медикаментозных методов лечения, фитотерапии и диеты активно использовалась трудотерапия и культуротерапия. (с сайта Городской наркологической больницы nhosp.ru)

Продолжая перелистывать страницы местных газет того времени, автор сих строк с удивлением обнаружил еще один сюжет, который на его взгляд весьма тесно переплетался с вышеописанным. Действительно, по какой такой нужде отставного поручика А.И. Мотовилова занесло из Симбирской губернии в далекий, провинциальный Батум? Мы по этому поводу выдвинем весьма смелую версию.

Но сначала процитируем тифлисскую газету «Кавказ». Итак:

Тифлисская жизнь

Еще в прошлом месяце, в гостинице «Кавказ» в Тифлисе у приезжей из Петербурга М-овой совершена была крупная кража на сумму в 10 000 руб. До сих пор виновник этой кражи, несмотря на старания чинов полиции, не был отыскан.

На днях из Батума получена телеграмма от одного из тамошних полицейских чинов, который сообщает о задержании подозреваемого в краже лица. Субъект этот с потерпевшей выехал из Петербурга и был с ней хорошо знаком; доехав до Одессы он расстался с ней, но затем, узнав о приезде ее в Тифлис, очутился в нашем городе и бывал у нее. После того он уехал в Батум. При обыске у него найдены образец потерпевшей М-овой и 300 руб. деньгами.

«Кавказ», 20 июля 1890 г.

22 июля «Кавказ» опубликовал небольшое дополнение к сему сюжету:

По поводу известной нашим читателям кражи у г-жи М-овой в гостинице «Кавказ» 10 000 руб. нам сообщают, что в четверг, 19-го июля, в Тифлис был доставлен подозреваемый в этой краже осетин. Пока еще в означенной краже он не сознался.

Больше публикаций в процитированной газете, которая мнила себя официальным рупором всего Кавказа и Закавказья, ни по убийце А.И. Мотовиллову, ни по обокраденной г-же М-овой (не говоря уже о «злоумышленнике-осетине») не последовало, по крайней мере до конца 1890 года (и даже до весны 1891-го).

Зато бакинский «Каспий» опубликовал сюжет, где «подозреваемый в краже осетин» был назван по имени и фамилии!

Итак, приводим корреспонденцию из Батума:

По делу о краже 10 тыс. руб., у 2-жи Мот[-]вой в Тифлисе в гостинице «Кавказ», был в Батум пристав Свимонов, который объяснил госп. полицеймейстеру приметы разыскиваемого лица; вследствие чего, для розыска в Батуме и окрестностях, командирован был околоточный надзиратель Гагуа, которому 14 июля в 5-м часу пополудни удалось задержать разыскиваемого, в районе 4-го [полицейского] участка в турецкой кофейне Шашык-оглы.

Задержанный объяснил, что он кабардинец, Султан Мосестов, 30-ти лет, прибыл из Тифлиса в Батум 8-го июля. При нем оказалось деньгами 156 руб., золотые часы с массивной золотой цепочкой, серебряно-вызолоченный пояс и кинжал, белая черкеска с такими же газырями. Мосестов, как надо полагать, намеревался выехать в Турцию и ожидал какие-то вещи из Тифлиса.

«Каспий», 21 июля 1890 г.

Примерно о том же писало и тифлисское «Новое обозрение»:

На днях в гостинице Кавказ обнаружена пропажа денег, более 10 000 рублей, у 2-жи Ма[-]товой, приехавшей в Тифлис 29-го июня. Приставу 1-го участка госп. Свимонову поручено произвести самое строгое расследование.

«Новое обозрение», 10 июля 1890 г.

В дополнение к вчерашней заметке о краже 10 000 руб. у 2-жи Ма[-]товой в гостинице «Кавказ» можем сообщить, что пострадавшая остановилась в №36 и в ночь совершения кражи заперла на ключ дверь, а ридикюль, в котором было 1 200 руб. и 8½ тыс. [руб.] процентных бумаг, положила за подушку к стене.

Несмотря на то, что 2-жа Ма[-]това спала в той же комнате, она не слыхала ничего и не знает, как исчезли деньги. Билеты были именные и №№ их известны, так что пропали бесследно только деньги. Пока еще вор не обнаружен.

«Новое обозрение», 11 июля 1890 г.

У нас уже сообщалось о пропаже 10 000 руб. в гостинице «Кавказ» у приезжей из Петербурга М-овой. На днях из Батума, по сообщению газеты «Кавказ»,

получена телеграмма от одного из тамошних полицейских чинов, который сообщает о задержании подозреваемого в краже лица. Субъект этот с потерпевшей выехал из Петербурга и был с ней хорошо знаком; доехав до Одессы он расстался с ней, но затем, узнав о приезде ее в Тифлис, очутился в нашем городе и бывал у нее. После того он уехал в Батум. При обыске у него найдены образок потерпевшей М-овой и 300 руб. деньгами.

По доставленным нам сведениям, по подозрению в той же краже арестован какой-то кабардинец, приехавший в тот же день, когда прибыла и 2-жа М-ова, и хотя денег у него не нашлось, но следствием установлено, что он прибыл с чужим паспортом из Калужской губернии, куда был сослан два года тому назад административным порядком и, как поселенец, не имел права отлучаться с места ссылки.

«Новое обозрение», 21 июля 1890 г.

Значит, госпожа Мот-ова (М-ова) выехала из Петербурга, чтобы отвезти зачем-то в Тифлис огромные по тем временам деньги – 10 000 рублей. И сопровождал ее начиная с самого Петербурга «хорошо знакомый ей» кабардинец Султан Мосестов (или это ненастоящее имя, по подложному, чужому паспорту?). Зачем?

Если предположить, что в июне из Петербурга в Тифлис с такой суммой отправилась г-жа Софья Ивановна Мотовилова, которую затем обокрал ее «хороший знакомый», прихватив не только 10 000 рублей, но и ее образок, и почти синхронно (не 29-го, а еще 25 июня) в Батум приехал брат Александр Иванович, примерно с такой же суммой, то оба сюжета сплетаются в весьма распространенную по тем временам историю – эти деньги предназначались революционерам (в данном случае, кавказским)!!!

Собраны 10-20 тысяч рублей были, скорее всего, среди сочувствующей «революционному движению» столичной интеллигентной публики (большей частью) и студенческой молодежи (меньшей частью). И Р.Э. Классон наверняка был в курсе всех этих противоположительных дел (а вполне возможно, и участвовал в них), но никогда и никому не проболтался!

Ну а далее С.И. Мотовилова приняла горячее участие в судьбе своего младшего брата, еще не успев уехать с Кавказа? Но самым поразительным во всей этой кровавой истории было обозначение адреса госп. Покатилова в записной книжке А.И. Мотовилова. Значит, последний ехал к лицу, проживающему вместе с ним, например, к его жене, по какому-то важному делу? Тогда становится вполне объяснимой завязка:

Не сделав никакого обычного приветствия хозяевам, он обратился прямо к жене Покатилова с требованием дать ему спичку закурить папироску. Та, озадаченная таким нахальным требованием, отвечает, что спичек у ней под рукою нет. Незнакомец возражает, что если нет у нее спичек, то наверно есть огонь в кухне, откуда она и может принести горячий уголь.

Вполне допустимо предположить, что это был пароль для установления связи между местными подпольщиками и приезжим курьером, до этого действительно не знакомыми между собой! Другое дело, что неопытный в подпольных делах Александр Иванович выполнял поручение столичных революционеров (через свою сестру Софью Ивановну?) весьма неуклюже (в присутствии «постороннего человека», хотя и хозяина квартиры, Покатилова?).

Ну а то весьма странное обстоятельство, что уголовное дело на А.И. Мотовилова было спущено на тормозах, опять же вполне объяснимо в рамках выдвинутой нами версии.

Жена железнодорожного служащего Покатилова-подпольщица «валяла дурочку» (интересно, задавали ли следователи ей и мужу вопрос, а по каким-таким обстоятельствам у приехавшего в Батум А.И. Мотовилова оказался ваш адрес?); а С.И. Мотовилова вызволяла из тифлисского тюремного замка младшего своего брата, в рамках затеянной ею и так позорно проваленной операции.

В Батуме бывали и выездные сессии, на которых могли судить А.И. Мотовилова, так сказать «в домашнем режиме». Так 5 октября 1891 г. прибыло из Кутаиса отделение окружного суда для рассмотрения назначенных на разные сроки, по 20 октября, гражданских уголовных дел. «Почти все дела представляли интерес для того или другого класса нашего общества и потому зал заседания всегда посещался публикой», – сообщал 17 октября корреспондент «Нового обозрения».

В общем, весьма занятная история для исследователей революционного движения на Кавказе, в конце 1880-х – начале 1890-х...

Закончим ее выдержками из книги И.С. Чулка «Очерки истории Батумской коммунистической организации» (Батуми, 1970):

<...> От общероссийского забастовочного движения и развития социал-демократической работы не отставал и Кавказ. Конец 1880-х и 1890-е годы ознаменовались серьезным усилением стачечного движения, образованием рабочих кружков и началом социал-демократической деятельности в Закавказье.

В октябре 1889 года состоялось крупное выступление рабочих Тифлиссских Главных железнодорожных мастерских и депо Закавказской железной дороги. Стачки охватывали рабочих Баку. В то же время в Закавказье возникли первые рабочие кружки. Одним из первых был кружок на фабрике Зетцера в Тифлисе.

В 1887 году в Тифлисе возник «Рабочий Союз». Активными участниками кружков были М.З. Бочоридзе, А.Г. Окуашвили, И.Ф. Стуруа, М.И. Чодришвили и другие. В 1890-х годах в Тифлисе по инициативе Э. Ниношвили, М. Цхакая, М. Бочоридзе, В. Цабадзе, Ф. Афанасьева, Ф. Майорова и других возникают социал-демократические кружки и организации.

Наряду с Тифлисом рабочее движение начинается и в Батуме. Первая забастовка в Батуме состоялась в июле 1890 года на заводе Ротшильда. О ней была послана корреспонденция в [тифлисскую] газету «Новое обозрение». Но она не была опубликована из-за запрещения цензуры.

Кроме того, об этой забастовке и о других забастовках 1890-х годов имеются сведения в воспоминаниях старых батумских рабочих – участников батумского рабочего движения: Ноя Букучава, Ивана Мгеладзе, Порфирия Куридзе, Теофила Гогиберидзе, Ираклия Котрикадзе, Владимира Салакая. В первой забастовке в Батуме рабочие, жившие на Барцхане, в городке (рабочие предместья Батума) и в самом городе, не вышли на работу и выдвинули ряд требований экономического характера: ограничить хотя бы в какой-то мере рабочий день, ликвидировать сверхурочные работы, давать отдых в праздничные дни.

Эта забастовка продолжалась всего один день. Администрация вызвала полицейского пристава и уволила с завода двух рабочих, видимо, застрельщиков забастовки (Дмитрия и Естате Хундадзе), «навсегда», и нескольких рабочих (Алексея Хундадзе, Сильвестра Ломджария, Самсона Хоштария и др.) на срок от 3 до 6 месяцев. Однако забастовочное движение не прекратилось. <...>

В 1888 г. тифлисский «Рабочий Союз» предпринял попытку организации в Батуме рабочего кружка. Эта попытка, хотя и была кратковременной, дала известный стимул росту революционной сознательности рабочих.

Первое упоминание о начале появления кружков рабочих в Батуме связано с именем прогрессивного грузинского писателя, инициатора создания социал-демократической группы «Месаме-Даси» Эгнате Ниношвили. Он приехал в Батум в 1889 году. За время своего пребывания в городе он связался с передовыми рабочими, вел с ними беседы на политические темы, познакомил с рядом революционных идей и основал рабочий кружок самообразования. Э. Ниношвили был убежден в близкой революции, считал, что могильщиком русского царизма будут рабочие при помощи крестьян. <...>

В 1890 г. в Батум приехал М. Цхакая. Он поступил на завод Ротшильда чернорабочим: заколачивал ящики с бидонами керосина. М. Цхакая организовал кружок, состоящий из 5 рабочих и трех мелких служащих. В кружке изучались вопросы положения рабочего класса. Этот кружок организовал в 1891 г. первую в Батуме маевку (это была первая маевка не только в Грузии, но и в Закавказье, и одна из первых в России). <...>

<...> Есть основания предполагать, что имелась преемственная связь между кружком, основанным в Батуме Э. Ниношвили, и первыми марксистской группой, начавшей формироваться в 1895 году. Рабочий Н. Габуня был членом кружка Э. Ниношвили. Он пишет в своем воспоминании, что к этому кружку примкнули рабочие Иван Мгеладзе, Порфирий Куридзе, Спиридон Дондуа и интеллигенты Григорий и Евгения Согорашвили [(приехали в Батум в 1896 г.)], Николай Чхеидзе, Георгий Франчески [(приехал в Батум в 1895 г.)] и Максим Цуладзе.

Таков был первоначальный состав марксистской группы в Батуме, развившейся из кружков самообразования, основанных Э. Ниношвили и М. Цхакая.

Вот в такую среду приехали с «большими деньгами» Софья Ивановна и Александр Иванович Мотовиловы, чтобы разжечь ими революционное пламя... Слава Богу, что они не везли с собой еще и противоположительственную литературу, а то бы отправились в «места не столь отдаленные» на несколько лет. Кстати, завышенное выражение изредка употреблялось в текстах официальных приговоров преступникам и означало Западную Сибирь, соответственно Восточная Сибирь считалась местом отдаленным для ссыльных, ну а Сахалин – совсем уже отдаленным местом.

В связи с ремаркой И.Р. Классона в одном из писем С.Н. Мотовиловой – «вы здравомыслящий человек» последняя резонно возражала:

Да, бог с Вами! Разве у нас в семье Ивана Егоровича и Луизы Францевны были «здравомыслящие» люди? Нет, конечно. Были талантливые, интересные люди, очень гордые, но здравомыслящих не было. Вы знаете, как бабушка Луиза Францевна неизвестно для чего продала родовое имение [Русскую] Цыльну, где прошло детство ее детей, где был чудесный дом, сад, река, и неизвестно для чего стала строиться в [Мокрой] Бугурне? Из благоустроенной усадьбы переехали на голое место и ютились все в одной избе! Я это помню.

Потом из четырех изб построили флигель, а большой дом все строился и строился, и никогда не был достроен. Мы обедали во флигеле, в доме стены были из бревен с паклей между ними, а громоздкая мебель в гостиной – обита материей для матрацев: желтые и красные полосы! Керосина бабушка Луиза Францевна не признавала, до 1895 года [т.е. до самой своей смерти – МК] все комнаты освещались свечами, и это в громадных комнатах дома! Из-за продажи Цыльны папа [Николай Иванович] поссорился с бабушкой. Он хотел ее купить, продал свой хутор, чтоб достать денег, а бабушка потихоньку от него Цыльну продала какому-то Мотовилону. Зачем?

Предположим, что часть земель в Русской Цыльне «наши» Мотовиловы не продали «какому-то [другому] Мотовилону», а вынуждены были уступить крестьянам при их освобождении из-под крепостного права в 1861-м и в последующие годы.

Так, П. Мартынов указывает, что из 1668 десятин, принадлежавших корнету Ивану Егоровичу Мотовилону, было отмежевано 682 десятины – на 170 ревизских душ крестьян. Но тот же П. Мартынов указывал, что в 1903 г. «наших помещиков Мотовиловых» в этом селе уже не было. Таким образом, «растворилось» неизвестно в каком направлении около 1 тысячи десятин земли... А «каким-то Мотовиловым» вполне мог быть Александр Николаевич, «Серафимов служба». Выходит, вместе с имением Луиза Францевна все же продала означенные земли в Русской Цыльне?!

В то же время подпоручик Николай Иванович Мотовилов продолжал числиться помещиком Симбирского уезда, согласно тому же П. Мартынову, в «исторический период» за 1648-1903 годы. И непростые отношения между Луизой Францевной и ее сыном Николаем регулярно проскальзывали в письмах последнего к жене:

Милая моя, дорогая Алина, сегодня вернулся в Тулу после своих сумасшедших метаний и спешу тебе написать. Чувствую себя опять нормально...

<...> Мои милые дорогие девочки, неужели не сумею я устроить их жизнь по-людски? Мои бедные дурочки. Спасибо Софье Ивановне большое передай от меня. Я не умею достаточно оценить ее дружбы. Истинные друзья познаются в горе. Она вполне друг, и я от чистого сердца крепко целую и благодарю ее за готовность жертвовать собой, какую она показала и при этом без рисовки, игры в благодетельницу.

<...> Если увидишь папашу или будет случай ему писать, передай, что я очень ценю, что он не хочет нас забывать один из всей семьи. Для меня в их семье (кроме Сони, конечно) он только и остается». (из письма за июль 1886 г. из Тулы)

А вот совсем уж откровенная неприязнь к матери:

Мамаша дуется на меня и папашу. На последнего за то, что он не поругал [сына] Сашу. На меня по следующему поводу. По приезде своем она произвела следствие о побитии шлюхи Елизаветы. С свойственными ей приемами она делала внушения Саше, не позволила ему обедать вместе с другими и прочее. Кричала направо и налево о том, что он эдакий и эдакий!

<...> Вообразила, что он хотел ее пырнуть ножом. Это потому, что во время возобновления выговариваний у Саши был в руках столовый нож, которым он разрезывал книгу (он читал купленного [моею сестрою] Сонею Купера). Прибежала из сада, где у них был разговор, объявила папаше, что Саша хотел кинуться на нее с ножом. Сама отлично ведь знает, что выдумывает все это. Требовала наказаний для Саши. Я заметил очень спокойно, что она все это не так делает. Она сказала, чтобы я своих детей по-своему воспитывал. Она, видишь ли, воспитывает своих. (из письма без даты, но до 1888-го)

Правда, и в новой, не очень обустроенной усадьбе Мокрая Бугурна летом встречалось, как вспоминала С.Н. Мотовилова, большинство родственников:

Вся семья бабушки Луизы Францевны собиралась на лето в Бугурну. После смерти моего отца, который поссорился с бабушкой, и мы тоже каждое лето туда ездили, а иногда ездили к бабушке Валерии Францевне в Малороссию, как тогда называлась Украина.

В Бугурне собирались кроме дедушек и бабушек все их дети. Тут жила мама с нами тремя, тетя Анюта, тетя Соня, тетя Лида с четырьмя детьми, дядя Саша, дядя Паша, тетя Маня и тетя Вера с их гувернанткой-француженкой, наши бонны (в одну из них был слегка влюблен дядя Саша) и подолгу гостил Борис Александрович Витмер, сосед по имению тети Лиды*, студент-естественник. Он тоже был слегка влюблен в тетю Соню, хотя был моложе ее, но она, по-моему, относилась к нему иронически.

Последний «ухажер» С.И. Мотовиловой-Классон будет также упомянут в очерке «Марксистский дух еще не выветрился», он станет доцентом Петербургского университета и женится на подруге Софьи Ивановны – Ольге Константиновне Григорьевой.

А вот «любвеобильный след» Р.Э. Классона:

От Маши Володиной я знаю (а она – от тети Анюты), что тетя Соня страшно ревновала Классона к Зине. Я тогда уже жила летом в Веймаре и не знала, что там у Вас в Бугурне происходило. Оказывается, [уже женатому] Классону очень нравилась Зина, и она сама созналась теперь, что была тогда в него влюблена. Как только он начал играть в крикет, тетя Соня отзывала его и заставляла сидеть с ней и Соничкой. Ты помнишь, Зина ведь тогда была молода и очаровательна, и все наши «мальчики» были в нее влюблены <...>?

Один год, когда ты с мамой и тетей Соней жили еще в Бугурне, Классон к нам приходил [в Москве] ежедневно к вечернему чаю, я думала: «Скучает без семьи». Ну, очевидно, и его привлекала Зина. Ты не помнишь, как Лозаннские студенты преподнесли Зине цветы с запиской «A la plus charmante des étudiantes russes»[(«Самой очаровательной из русских студенток»)]. Это мама мне рассказывала.

* В селе Протопопове. Как мы уже упоминали, оно располагалось в «медвежьем углу» Симбирской губернии.



*Ольга Мотовилова в детстве,
закончившая свою жизнь в лечебнице душевнобольных в Казани*

В ноябре 1893-го С.И. Мотовилова-Классон привлекалась к дознанию в качестве обвиняемой по делу “О рассылке из С.Петербурга прокламаций, озаглавленных «15 Апреля 91 г.» по поводу демонстрации при похоронах писателя Шелгунова” и дала такие показания:

Братья: Владимир 41 года, живущий в своем имении в Симбирской губернии, Александр 28 лет, находящийся в лечебнице доктора Фрея в С.Петербурге [и страдающий манией преследования], и Алексей 23 лет, местонахождение которого неизвестно; сестры: Ольга 32 лет, находящаяся в лечебнице душевнобольных в г. Казани, Анна 26 лет, Мария 19 лет и Вера 18 лет, живущие при родителях.

Похоже, брат Павел, которому должно было исполниться к этому времени двадцать четыре, уже застрелился...

В еще одном письме С.Н. Мотовилова опять вспоминала о печальном:

Вы же знаете, в нашей мотовиловской семье не все благополучно. Дядя Володя, дядя Алеша и дядя Саша были психически ненормальны. Дядя Паша покончил самоубийством в двадцать с чем-то лет [(кажется, в 1892 году)]. Это ведь тоже ненормально. Тетя Лёля страдала эпилепсией, а тетя Маня и тетя Вера тоже были со странностями.



Павел Мотовилов-гимназист, застрелившийся молодым

А «странности» оказались, например, такими:

Тетя Маня и тетя Вера были страшно дружны с детства, но у них был потом «разрыв отношений» на всю жизнь. Тетя Маня послала тете Вере свою бонну, т.е. бонну своей воспитанницы, крестьянской девочки Дашеньки. Тетя Вера родила тогда Нину и задержала бонну несколько дольше, чем они условились. Ну и разрыв отношений на всю жизнь, и обе были страшно одиноки.

И такими: “Никакой шутки они не понимали и вечно были надутые. Зина и Надя Пятницкие их называли – «дутые бусы»”.

В мартовских номерах «Волжского вестника» за 1887 год печаталась лекция приват-доцента Казанского университета А.М. Дохмана «О наследственных нервных болезнях». В ней, в частности, отмечалось:

Теперь перейдем к вопросу о наследственности душевных болезней. Здесь существует разнообразная статистика наследственности. В то время как Jarvis, Griesinger принимали наследственное помешательство лишь в 4-6% всех случаев, по статистике Howe, Virrovs'a, Моро, Тиггеса, Гольджи оказывается 84-90% всех помешанных наследственными. Однако, это противоречие в цифрах – мнимое: все дело в том, как смотрят авторы на наследственность. Если мы наследственными будем считать только душевные болезни, которые непосредственно и по сходству переходят от родителей к детям, как это имел в виду Гризингер, то процент будет невелик.



Алексей Мотовилов-гимназист, пропавший без вести в зрелом возрасте

Но если мы возьмем в расчет передачу наследственного предрасположения, если мы допустим наследственность гетерологичной (по превращению), то от новейшей статистики Тёрнгема и Греншер-Стюарта, признающих наследственность помешательства в половине всех случаев, мы можем прийти к заключению Vall'я. Есть общее правило, говорит он, которое не следует забывать никогда: без особенной (специальной) причины, которая подготавливает почву, различные внешние болезнетворные явления сами по себе никогда не могли бы нарушить целостность умственной деятельности... Сумасшествие есть болезнь, где наследственность составляет правило.

Прежде чем представить примеры унаследования умопомешательства, мы несколько остановимся на передаче аномалий душевной деятельности – чувствований и страстей. Путем наследственности передаются те аффективные состояния органической чувствительности, которые, составляя основу сознания и всякой мысли, выражаются в форме склонностей, инстинктов, идиосинкразий и т.д.

<...> Переходя отсюда в область патологии, мы упомянем, что наследственная страсть к пьянству, обжорству, половым вожделениям – в физической сфере, наследственность ненормальных влечений к игре, наживе, краже, убийству – в сфере психической представляют доказанные в медицине и юриспруденции факты. [<следуют примеры передающихся по наследству сумасшествий из зарубежной истории>](#)

Вдумываясь в подобные примеры наследственности, мы не можем не заметить сходства, которое существует между страстью и помешательством.

Общее мнение, говорит Рибо, охотно допускает, что страсть и помешательство одинаково затемняют разум и парализуют волю, но оно бы с отвращением отвергло мысль, что сильная страсть по ее предрасполагающим причинам тождественна с помешательством. Тем не менее встречаются случаи, в которых страсть предков превращается в помешательство у потомков и, наоборот, помешательство первых – в страсть у вторых.

Всякое преступление неизбежно является продуктом одного из трех факторов: наследственности, индивидуальности и среды, соответственно чему и преступниками являются или помешанные, полумумные люди или руководимые страстью, или, наконец, совершающие злые деяния случайно или под влиянием привычки. В отношении наказуемости весь вопрос заключается в том, какой из этих трех факторов играет в основе всякого преступления наиболее выдающуюся роль.

Мы не утверждаем, говорит Рибо, чтобы всякая сильная страсть и всякое преступление представляли лишь разновидность помешательства; мы хотим лишь сказать, что во многих случаях оба явления порождаются тождественными условиями.

Порок, преступление и помешательство, замечает Fééré, отделены друг от друга лишь общественными условиями, они связаны друг с другом характером неизбежности. Между преступлением и болезнью, говорит Маудсли, существует средняя черта: по одну ее сторону мы замечаем незначительную долю душевного расстройства и избыток нравственной испорченности, по другую, наоборот, лишь следы испорченности и слишком много помешательства.

Какое однако благодатное поле для научных изысканий – симбирские дворяне Мотовиловы и другие не менее примечательные персонажи – находилось под боком у приват-доцента Казанского университета, но он всю свою лекцию построил на умозаключениях иностранных ученых и на зарубежных же примерах наследственных помешательств. Следом А.М. Дохман издал и почти одноименную брошюру – «Наследственность в нервных болезнях», которая рекламировалась на страницах «Волжского вестника»...

С.Н. Мотовилова свидетельствовала также:

Наши с Вами предки не привыкли, чтобы с ними были нахальны и грубы. Когда дядя Саша сошел с ума, у него уже не было сдерживающих центров: он убил человека, который ему грубо ответил. Кстати, всю эту историю (мы ее прочли в газете, мы читали тогда у тети Лиды в Протопопове) взяла на себя тетя Соня. Она была самая энергичная в семье и всегда на себя брала все семейные истории. Она взяла из [Смольного] института Маню и Веру, перевела их в гимназию Стоюниной, кажется.

<...> Я не знаю, почему тетя Соня так заботливо и нежно относилась к тете Мане и к тете Вере. Они учились в Смольном институте. Но однажды на уроке истории тетя Вера вместо «драгонады» сказала «драгунады». Учитель засмеялся и сказал: «Это вы верно о драгунах думаете». Тетя Вера была дико обидчива, она не перенесла этого оскорбления. Тетя Соня сейчас же взяла их из института и отдала в частную гимназию, и они обе жили у тети Сони.

Поясним здесь, что драгонады – это преследования, которым в царствование Людовика XIV с 1681 г. во Франции подвергались протестанты, или гугеноты, со стороны драгун, размещенных в их домах и всячески притеснявших хозяев, так что Вера Ивановна не сильно ошиблась – по-французски dragon это и есть драгун.

В письме сестре Вере в Лозанну С.Н. Мотовилова добавила такие психологические подробности:

Я всякий раз ему [(Ване Классону)] писала, что у нас в семье Мотовиловых есть два типа. Одни очень скрытные: дядя Саша, наша Зина, Вика. А другие невероятно болтливые: тетя Лида, Надя Пятницкая, Надя Гельшерт (ее ты не знаешь), ну и, конечно, я. Особенно теперь [в письмах], при моем полном одиночестве. Тетя Лида «любезно» называла маму [Алину Антоновну] своей «помойной ямой», Она рассказывала маме все, вплоть до того как у нее происходила ее первая брачная ночь. <...> Надя [Пятницкая] умоляла ее выслушивать все ее рассказы о какой-то гимназистке ее класса, в которую она была влюблена. О нашей любви к Борьке [Витмеру] – Нади, которой было десять лет, и моей (мне было восемь лет) все знали.*

А вот еще непростые впечатления С.Н. Мотовиловой о своих дядях (действие происходило в 1889-м):

А какой [племянник Вика] хороший ребенок был. А теперь он мне чем-то дядю Сашу напоминает, перед тем как дядя Саша сошел с ума. Ты его не помнишь?

Они жили во флигеле, в большой комнате рядом с гостиной. Мне было восемь лет, когда я зашла к ним. Дядя Саша заявил: «Соня, уходи!» Я в ответ: «Я не к тебе, а к дяде Паше» и принимаю независимый вид. Он как закричит: «Пошла вон!» Я скорее смылась. Потом он переехал в избу. Помнишь, в Бугурне «изба» около «застольной» была? Там дядя Саша жил один, ни с кем не разговаривал. Зина помнит, как еще когда он жил во флигеле, дядя Саша подрался с дядей Пашей. Я этого не помню.

В другом письме Софья Николаевна сделала вынужденное обобщение:

Да, родственных чувств что-то в нашей семье нет <...>. Вы знаете, когда пропал дядя Алеша (Вы должны это знать из моих воспоминаний), никто, ни его отец, ни мать, никто из братьев и сестер не сделал никакой попытки найти его, узнать что с ним. У Маши (тети Анютиной дочери) во время войны пропали брат и сестра, и она тоже не сделала никакой попытки их найти.

В то же время С.Н. Мотовилова весьма прочувствованно вспоминала о своем дяде (полностью «Воспоминания» размещены в Приложении):

Когда мне было пять лет, на нашем детском горизонте появилось новое лицо – дядя Алеша. Он приехал из Петербурга, где учился в Александровском лицее – одном из самых аристократических учебных заведений того времени. В то время самокритика в стенгазетах была не в моде, а дядя мой склонен был рисовать карикатуры на начальство. Не то его из-за этого попросили уйти из лицея, не то он сам ушел...

Во всяком случае он свалился к нам как снег на голову среди зимы – высокий, долговязый, лет девятнадцати от роду и бунтарь до мозга костей. В нашу жизнь он внес оживление, разнообразие, молодость, фантазию, и благодаря ему впервые раскрылся передо мной необычно прекрасный мир русской литературы. С тех пор я полюбила этот мир, и это было лучшее в моей жизни.

<...> Почти все время в эту зиму дядя Алеша проводил у нас, атмосфера дома моей бабушки была ему невыносима, а скоро он и совсем поссорился. Мы узнали, что у дяди Алеши произошла крупная стычка с бабушкой, и что, придя в бешенство, он содрал с нее шиньон, тогда носили шиньоны. Мне тогда это казалось ужасно жутким и неприятным, так как мы все испытывали трепет перед бабушкой, властной Луизой Францевной.

* Далее следовала история о локонах Витмера, которые на самом деле оказались собачьими! Но эту историю о первой и последней (!) любви 8-летней девочки мы прибережем для очерка «Софья Мотовилова – «семейная связь»».

Через несколько времени дядя Алеша поссорился и с папой. Из-за чего не знаю, мы сидели в детской, и когда начались крики в столовой, поспешили закрыть дверь, дети мы были благовоспитанные. Но все же я не выдержала и заглянула в щелочку и увидела папу и дядю Алешу против него, потрясающего в воздухе стулом. Это последний раз, что я видела дядю Алешу. Его сестра, тетя Анюта, которой самой-то тогда было что-то около двадцати лет, потребовала, чтобы ей выдали сейчас же «ее часть». Уехала с дядей Алешей, кажется, в Пензенскую губернию, где купила себе имение. Но и тут дядя Алеша не ужился и ушел работать на какую-то фабрику или завод. <...>

О дяде Алеше мы услышали еще раз. Оказалось, что он был у Толстого. Толстой долго с ним беседовал и советовал заняться книгоношеством. Но вот деталь этого визита, страшно оскорблявшая меня в детстве. Толстого позвали обедать, он пошел, а дяде Алеше обед принесли в кабинет Толстого, нельзя же было простого рабочего приглашать за господский стол. Таковы были понятия того времени. Больше никто никогда не слышал о дяде Алеше.

Умер ли он, был ли арестован, что с ним стало – неизвестно. Исчез – и все тут. Но для меня он остался одним из самых ярких образов моего детства, этот лицеист, ушедший в рабочие. (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Отметим попутно, что последний эпизод с «баринством Толстым» редакторы «Нового мира» при публикации «Минувшего» в 1963-м купировали – нельзя же очернять «светлый образ» великого русского писателя. Вот с такими весьма неоднозначными персонажами Р.Э. Класону приходилось теперь пересекаться, как с родственниками своей жены.

А теперь более подробно о Софье Ивановне, опять же в изложении ее племянницы С.Н. Мотовиловой.

Детство свое Софья провела в родовом имении отца И.Е. Мотовилова – Цыльне. Когда ей исполнилось столько лет, когда девицам полагается выезжать в свет, прежде всего на балы, она заявила, что выезжать не хочет, а желает уехать из Симбирска учиться в столицах. В то же время в ее альбоме сохранилось фото местного священника с напутственной подписью за март 1877 г.: «*Духовным детям-младенцам верою на память Духовный Отец Протоиерей П. Никольский 11 марта – пятница 5-я неделя великого поста – 1877 года. Симбирск*». * То есть девочкой Софья, по-видимому, исправно посещала церковь и выполняла все религиозные обряды.

* По-видимому, речь идет о следующем священнослужителе:

Никольский Павел Прокофьевич (1823-1898, † Симбирск, Покровский монастырь), протоиерей кафедрального собора, член Губернского Статистического Комитета, член Губернского Училищного Совета, член Симбирской Духовной Консистории, член Епархиального Училищного Совета.

Правда, приводится и другой год его кончины, но в те же 75 лет:

Никольский Павел (-1899, † Симбирск, Покровский монастырь), протоиерей 75 л. [Чулков Н.П. Русский провинциальный некрополь. М., 1996].



Софья Мотовилова в детстве



*Отец П. Никольский, фотография Фельзер в Симбирске
(из альбома С.И. Мотовиловой-Классон)*

Здесь мы прервем повествование, чтобы вполне предметно показать, каким глубоко провинциальным городом был в то время Симбирск и как мудро поступила Софья Ивановна, уехав из него:

Внутренние известия

Симбирск (корреспонденция «Нового Времени»)

Судьба некоторых наших городов похожа на судьбу людей, некогда известных, но потом позабытых, о которых при редких случаях вспоминают как о живых покойниках и опять погребают их на кладбище своей памяти. К числу таких «мертвых уголков» принадлежит и Симбирск, это всеми забытое, полуразрушенное барское гнездо, живущее только воспоминаниями о добром, старом времени.

Ныне об этом городе почти не говорят, не пишут, а летом равнодушно проезжают на пароходе мимо живописной местности, на высоте которой тонет среди садов городок – родина Карамзина, И. Языкова, И. Гончарова и многих других «известностей».

Когда в начале осени я ехал на пароходе вниз по Волге, то капитан парохода, мой старый знакомый, между прочим, спросил меня:

– Куда вы теперь едете?

– В Симбирск.

– Ну, вы пассажир редкий, – усмехнулся капитан и на мое: «почему?» отвечал мне, махнув рукой, – Да, помилуйте, кого нелегкая понесет в такой захудалый город! Право, в этот Симбирск никто нынче не ездит, сколько мне известно. Давно он заснул и, кажется, на веки вечные.

Эта небрежная, но совершенно верная характеристика, не новая для меня, к сожалению, вероятно была неизвестна бывшему директору петербургской консерватории К.Ю. Давыдову, который в своей артистической экскурсии по России рискнул заехать в Симбирск, чтобы дать в нем концерт. По-видимому, наш талантливый виртуоз не имел никакого понятия о нравах этого загипнотизированного и непробудно спящего города, за что и потерпел афронт обидный и неизвинительный.*

Так как в Симбирске нет никакой местной газеты, то обо всех общественных новостях и увеселениях город узнает по первобытному способу «уличной журналистики», т.е. читает на стенах домов и на заборах расклеенные афиши и объявления о спектаклях, о продаже огорода, о приезде известных артистов, о привозе русских вин, о дешевых товарах и пр.

Среди такого же рода печатных объявлений, в разных концах города появилась около 18-го сентября афиша, извещавшая гипнотизированную публику города, что в Симбирске, в зале дворянского собрания, 22-го числа того же месяца К.Ю. Давыдов, с одним известным пианистом, даст единственный концерт.

Для глухой провинции, по-видимому, новость очень пикантная, если только общая мерка приложима к обитателям города Симбирска.

Вот что случилось. Когда за несколько часов до назначенного концерта в Симбирск приехал концертант, избалованный успехом и в Петербурге, и за границей, то узнал, что билеты на его концерт, за исключением какой-нибудь дюжины билетов, неприкосновенны и совсем не разобраны чуткими симбирскими меломанами. Факт такой упорной общественной закаменелости, конечно, так удивил и, по всей вероятности, возмутил К.Ю. Давыдова, что он, распорядившись чтобы за немногие проданные билеты были возвращены деньги, тотчас же отправился на пароходную пристань и уехал из Симбирска.

* Карл Юльевич Давыдов (1838-1889), русский композитор и виолончелист, директор С.-Петербургской консерватории в 1876-1887 гг. П.И. Чайковский называл Давыдова «царем всех виолончелистов нашего века», Карл Юльевич играл на инструменте великого итальянского мастера Страдивари!

После этого: что такое слава? Если она – дым, то даже дым славы не долетает до пределов той Обломовки, которая стоит между берегами Волги и Свяги.

Что такое слава? Так как с этим вопросом мне не к кому было обратиться в Симбирске, то я вчера, в лунную ночь, предложил его задумчивой Клио, которая со склоненной головою возвышается на пьедестале памятника Карамзину, но безмолвная муза истории, как показалось мне, вместо ответа только еще ниже склонила свою голову, словно ей стало мучительно стыдно за те места, где некогда качалась колыбель знаменитого русского историографа. («Новое время», 3 октября 1887 года)

Через четыре года впечатления заезжего корреспондента от провинциального Симбирска практически не изменились:

С Волги

Симбирск, 24-25 сентября (корреспонденция «Нового Времени»)

Странное, хотя я не скажу, чтобы неприятное (а для художника, пожалуй, и драгоценное), ощущение испытывает путник, после Москвы, Петербурга, даже Нижнего и Казани, высадившийся в Симбирске и сразу из привычной «европейской» обстановки попавший в бытовые условия начала царствования императора Николая [1].

Припомните описание губернского города у Гоголя, где Чичиков совершал свои акты на покупку мертвых душ – вот вам живой Симбирск.

Обширные, не мощные площади с собором и присутственными местами, около которых растет травка. Отсутствие всякого движенья и жизни и какая-то сонно-торжественная тишина. Редкие пешеходы-чиновники и еще более редкие дамы, совсем чуждые погони за модами. «Нумера» вместо гостиниц, где вам говорят: «есть комната, да дорогая – полтора рубля!» и угощают обедом «суп – лапша, жаркое – гусь».

Театральная афиша, печатанная в губернской типографии, на которой фигурируют г-жи Розова, Ренева и госп. Багрянцев и прочие лица, «еще менее того замечательные». Будочники в серой амуниции, только без алебард. Пешеход, на ваш вопрос: «как пройти на Московскую улицу?» идущий вас провожать и спрашивающий, к кому вы и зачем? Деревянные мостки вместо тротуаров. Стук редкой извозчичьей пролетки, заставляющий обывателя оборачиваться и смотреть, кто проехал, п... петербургские газеты в навигацию на пятый день, а «сухой» почтой – на девятый день!

Вот вам и Симбирск, когда-то «дворянский» город, гордый центр особенного «столового дворянства» (с изменения Екатериною губернского герба), а теперь запустевший, оставшийся в стороне от всякого движения, «ничей» город, не имеющий ни торговли, ни промышленности, ничего кроме губернатора (кстати и губернатор [К.Н. Терпин] – местный землевладелец), архиерея, земства, да полного комплекта губернских административных, судебных и общественных учреждений, делающий свое привычное дело по-будничному, без шума и суеты.

Тихо растеряв свое «первое» сословие, Симбирск не обзавелся ни «третьим», ни тем паче «четвертым». Он не перетянул в себя никаких соков из провинции, а остался попросту ее административным центром. Всякие веяния, вместе со всякими «грюндерами» и иными эксплуататорами, плыли мимо по Волге, не взбираясь на высокие симбирские кручи, не внося смуты в умы, не опустошая карманов гарантиями и субсидиями.

Несмотря на падение дворянского элемента Симбирск все же сохранил физиономию дворянского города по преимуществу «бедного, но благородного», и гордится не без основания, что первая мысль о воскрешении совсем было угасшего «благородного сословия», ставшая в последние годы государственной программой, вышла отсюда – из Алатыря да из Сызрани. <...>

<...> Дороги [(42 тыс. руб. расхода)] поглощают наибольшую статью [губернской] сметы [в 200 тыс. руб. в год]. Но ведь Симбирская губерния, кроме уголка Сызранского уезда, совершенно лишена железных дорог, а затем земские губернские дороги находятся, по общим отзывам, в блестящем состоянии. Все гати и топкие места вымощены камнем и т.д. Большой расход на ветеринаров [(19 тыс. руб.)] объясняется постоянной борьбой с сибирской язвой, рассадником которой служит река Сура, идущая вдоль губернии, а из 16 тыс. руб., расходуемых на медицину, целых 14,6 тыс. руб. тратятся на лечение сифилитиков.

Затем, никаких посторонних расходов не делается, никаких субсидий никому не выдается. В журналах [губернских совещаний] есть любопытные указания на борьбу с разными интеллигентными добровольцами, подъезжающими от времени до времени под земский сундук. <...>

С. Шарапов

«Новое время», 3-4 октября 1891 г.

Объективности ради стоит отметить, что в Симбирске все же имелась кое-какая «культурная жизнь», например, выступала местная труппа драматических артистов, а 22 февраля 1886 года благотворительный концерт в пользу недостаточных студентов-симбирян Казанского университета даже собрал полную залу дворянского собрания. Правда, в этом концерте исполнялись в основном романсы и некоторые арии из опер, а не серьезная музыка. Кстати, в последнем концерте отличилась и некая А.П. Гельшерт:

Все исполнители приветствуемы публикой неумолкаемыми аплодисментами. В особенности щедро были награждены ими Е.И. Григоровская, хорошо исполнившая арию из оперы «Руслан» – «Любви роскошная звезда», и баронесса С.В. Пфейлицер-фон-Франк. Ария из оперы «Фауст» (с ожерельем) благодаря обработанному, хотя и не очень сильному ее голосу, была пропета артистически. А.П. Гельшерт пела необыкновенно хорошо и особенно имела успех в хорах из оперы «Аида». Хор состоял из местных любительниц и исполнил все вещи отлично. По окончании концерта состоялся весьма оживленный танцевальный вечер. («Волжский вестник, 1 марта 1886 г.)



Снимок сей дамы в альбоме С.И. Классон-Мотовиловой имеет карандашную подпись (сделанную Соней Классон?): «Александра Федоровна Гельшерт», по-видимому, это Александра Павловна – жена Александра Федоровича Гельшерта

Сейчас можно лишь предполагать, кем была А.П. Гельшерт, «певшая необыкновенно хорошо». В Интернете имеется лапидарный список дворян Гельшертов, в коем упоминается Александра Павловна, жена Александра Федоровича (сына Федора Федоровича), последнему было в это время под 50 лет. Некоторые подробности «провинциальной жизни» в Симбирске конца XIX века приведены из публикаций казанской газеты «Волжский вестник», в дополнение к воспоминаниям племянницы Софьи Ивановны (см. Приложение «Литературные труды С.Н. Мотовиловой»).

Жуткий конец ожидал Александра Федоровича в марте 1917 года (супруга, по видимому, успела умереть раньше). Из публикации Владимира Миронова «Страшный конец буржуя» от 15 марта 2012 года на сайте Улпресса (ulpressa.ru/2012/03/15/strashnaya-smert-burzhuya/):

Около шести вечера 28 марта 1917 года к судебному следователю третьего участка Карсунского уезда Смоленскому прибежал служащий железнодорожной станции Инза и сообщил: только что на перроне убит местный помещик Александр Федорович Гельшерт. Смоленский тотчас отправился к месту происшествия. На пассажирской платформе он увидел труп, с которого предприимчивые защитники свободного Отечества стаскивали верхнюю одежду. На попытку пресечь мародерство солдатская масса угрожающе загудела: «Лучше сам уйди, а то худо будет».

Убедившись, что в одиночку не справится, следователь отправился за помощью. Начальник станционного караула, 29-летний прапорщик 158-го запасного пехотного полка, житель Карсуна, Михаил Иванович Шаров выделил несколько вооруженных солдат и милиционеров. Когда минут через пятнадцать они вернулись к месту происшествия, убитый был уже в одном нижнем белье. Намерение начать дознание толпа встретила негодующим гулом и стала угрожающе смыкаться. Вооруженная поддержка немедленно исчезла. Бегло осмотрев труп, Смоленский покинул перрон. Более или менее полноценное расследование удалось начать лишь на следующий день.

Александр Федоровичу Гельшерту было 79 лет. Он жил в своем имении в с. Сюксюм (ныне это Инзенский район, а в 1917-м – Карсунский уезд). На реке Вязовка находились две его усадьбы и мельница. Младший сын – Николай – был морским офицером и служил на Дальнем Востоке, старший – Федор – жил в Симбирске на ул. Московской (ныне ул. Ленина). Дочь Александра, в замужестве Филимонович, тоже жила в Симбирске в собственном доме на углу улиц Гончаровской и Лисиной (современная К. Либкнехта).

Однако в тот роковой день, 27 марта, она была у отца в Озимках, когда около полудня туда нагрянул вооруженный отряд человек в 10-12 во главе с начальником милиции Троицкой волости Тимофеем Федоровым – крестьянином с. Пазухино. Кроме милиционеров в числе прибывших оказался и член Троицкого исполкома некто Чиняев. Запомним эту фамилию.

Официальная цель экспедиции: выполнение «народного требования» об изъятии у Гельшерта земского телефона – аппарат отодрали от стены и погрузили в сани, а потом объявили об аресте отца. На вопрос, за что и по чьему распоряжению, Федоров ответил, что арест он производит под свою ответственность. И тут вдруг возник вопрос об оружии: Федоров спросил, есть ли оно в доме, а Гельшерт велел дочери отдать все, что у них имеется. В доме отыскались два старинных кинжала и шашка, зато в так называемой «охотничьей избе», куда женщина проводила милиционеров, было обнаружено восемь винтовок и ружей разных систем, пять револьверов, патроны, а также две шашки и три тесака. По словам Александры Филимонович, все обнаруженное принадлежало ее брату – морскому офицеру и прислано им из Владивостока.

Сегодня наличие в хозяйстве такого арсенала выглядит подозрительно. Однако в те времена подобное было делом вполне обычным. Достаточно упомянуть об охотничьем вечере, который в феврале 1912 г. устроило Симбирское общество охотников в залах дворянского собрания (ныне – старый корпус областного Дворца книги). Стены помещения были украшены оружейными коллекциями симбирских охотников. Одна из них, принадлежавшая городскому голове Леониду Ивановичу Афанасьеву, состояла из 15 охотничьих ружей разных систем и калибров, 6 пистолетов, 5 охотничьих ножей и кинжалов, патронташей и пр. Так что подобные коллекции были делом вполне обычным.

Тем не менее оружие изъяли, а Гельшерта арестовали. В протоколе допроса его сына Федора, в частности, сказано: «Члены комитета заключили его в жарко натопленную арестантскую и запрещали ему даже пить». А утром арестованного повезли на вокзал, чтобы поездом доставить в Симбирск.

Уже упоминавшийся начальник станционного караула прапорщик Шаров рассказывал: «28 марта я узнал, что на Москву следует эшелон солдат, которые на станциях ведут себя безобразно... Я принял меры к тому, чтобы они не имели повода «бунтовать». <...>

Но вернемся к Софье Ивановне Мотовиловой.

Итак, Луиза Францевна вынуждена была согласиться с настоятельным желанием своей повзрослевшей дочери Софьи – уехать учиться в столицах. Провожать ее послала старосту. Очевидно, это случилось зимой, когда Волга была покрыта льдом. А железной дороги из Симбирска в Москву тогда не было. Поэтому пришлось долго ехать на лошадях. До Петербурга Софья успела поучиться в московской гимназии Констан. К сожалению, каких-либо документов, подтверждающих это, не сохранилось.

Остались лишь воспоминания сына Ивана (который, правда, не поясняет, с кем из родных жила Софья Ивановна в Первопрестольной):

Наша мать всегда хорошо училась: одно время самостоятельно в Симбирске, потом в частном пансионе Констан в Москве. Об этом периоде она рассказывала, что ученицы старших классов приходили смотреть ее отметки – только пятерки. Потом она училась на педагогических курсах в Петербурге на звание домашней наставницы (у меня сохранился диплом №90 этих курсов, на которые она поступила в 1885-м, в дипломе проставлены оценки по пройденным предметам – большей частью «отлично», но по недоразумению в дипломе не проставлен год окончания «полного курса!»**) и на курсах физического образования Петра Лесгафта.*

<...> [Сестре] Соне на Пречистенке было 11 лет [(зимой 1903/1904 года)]. Мне помнится, что мама сняла квартиру именно на Пречистенке, так как сама в юности училась в последних классах пансиона мадам Констан и, кажется, хотела отдать туда одиннадцатилетнюю Соню. Но я не помню, состоялось ли это.

Зато в альбоме С.И. Классон-Мотовиловой имеется немало фотографий, сделанных в Москве. Некоторые из них относятся, по-видимому, к начальству частного пансиона Констан, а некоторые – к соученицам Софьи Ивановны.

* Частный пансион-гимназия Екатерины Евгеньевны Констан располагался, по кр. мере в 1895 г., на Гончарной ул. в доме Степановой. Впоследствии сие учебное заведение переезжало в другие дома.

** Теперь хранится в ф. 9508 РГАЭ.



Софья Мотовилова в молодости, еще в корсете



Большая французская фотография в Москве на Арбате, владелица частного пансиона-гимназии Екатерина Евгеньевна Констан?, начало 1880-х



*Фотографы Е.И.В. Шерер, Набгольц и К^о, в Москве, в Газетном пер.,
надзирательница частного пансиона-гимназии Е.Е. Констан?, начало 1880-х*



*Фотоателье И. Дьяговченко в Москве, Кузнецкий мост,
соученица С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х*



Славянская фотография К. Шимановского в Москве, у Петровских ворот, соученицы С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х



Фотография Булгак и Овчаренко в Москве, Тверская, дом Олсуфьева, соученица С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х



Славянская фотография К. Шимановского в Москве, у Петровских ворот, соученица С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х



Фотография Булгак и Овчаренко в Москве, Тверская, дом Андреевой



Фотография Булгак и Овчаренко в Москве, Тверская, дом Олсуфьева

соученица С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х



Фотография Булгак и Овчаренко в Москве, Тверская, дом Андреевой, соученица С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х



Фотоателье И. Дьяговченко в Москве, Кузнецкий мост, соученица С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х



Фотография Булгак и Овчаренко в Москве, Тверская, дом Андреевой, соученица С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х



Фотография Булгак и Овчаренко в Москве, Тверская, дом Андреевой, соученица или же учительница С.И. Мотовиловой по гимназии-пансиону Констан?, начало 1880-х



*Фотография И. Страхова на Тверской ул.,
бывш. «хорошая знакомая» С.И. Мотовиловой (на обороте затерто посвящение)?*

Есть еще одно, косвенное свидетельство более раннего, чем 1885 год, отъезда Софьи из Симбирска в столицы: в альбоме С.И. Мотовиловой имеется фото И.С. Тургенева (из парижского ателье Legé & Bergeron), с его автографом-клише. По какой схеме оно могло туда попасть? Предположим, что 17-летняя Софья в июне 1880-го пересеклась с Иваном Сергеевичем на торжествах по случаю открытия памятника А.С. Пушкину в Москве и выпросила у него желанную фотку.

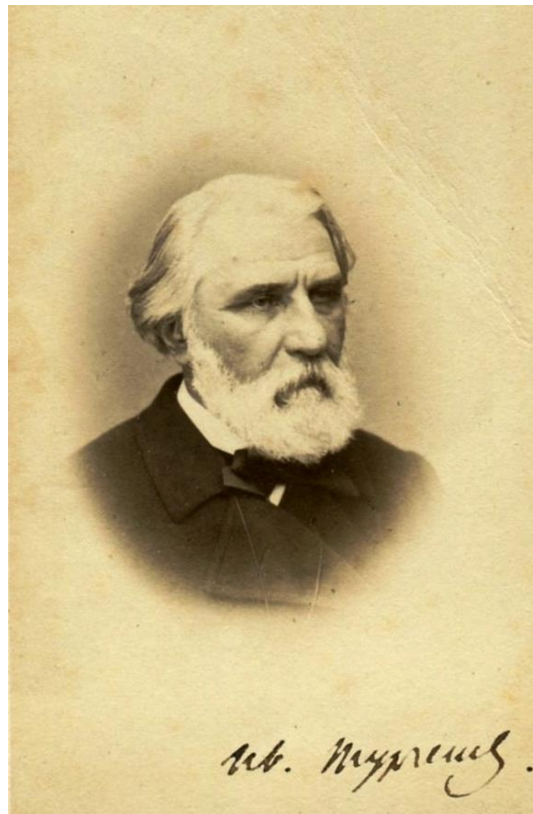


Фото из альбома С.И. Классон

Действительно, проф. Московского университета Максим Максимович Ковалевский вспоминал (цитируется по – Тургенев без глянца. СПб., 2009):

Я никогда не видел Тургенева более умиленным, как в ту минуту, когда с памятника упала завеса и пред ним предстал Пушкин, приветствуемый громким «ура», тот самый Пушкин, которого Тургенев помнил живо – лежащим в гробу и локон которого он носил на себе. В то же утро [6/18 июня 1880 года] сам Иван Сергеевич сделался предметом самой неподготовленной, самой неожиданной для него одачи. Выстроенные в ряд ученики наших классических и реальных гимназий узнали проходившего мимо них Тургенева и разразились громовым «ура».

А вот что вспоминал будущий государственный чиновник, а тогда 19-летний Дмитрий Николаевич Любимов:

Это было 8 июня 1880 года, во время торжества по поводу открытия в Москве памятника Пушкину, на заседании московского Общества любителей российской словесности [в зале Благородного собрания], прославленного речью Достоевского <...>.

Громадная зала, уставленная бесконечными рядами стульев, представляла собою редкое зрелище: все места были заняты блестящею и нарядною публикою; стояли даже в проходах; а вокруг залы, точно живая волнующаяся кайма, целое море голов преимущественно учащейся молодежи, занимавшее все пространство между колоннами, а также обширные хоры.

Вход был по розданным даровым билетам; в самую же залу, по особо разосланным приглашениям, стекались приехавшие на торжества почетные гости, представители литературы, искусства и все, что было в Москве выдающегося, заметного, так называемая «вся Москва».

И.С. Тургенев тоже был на этих заседаниях – 7 и 8 июня. И в кулуарах 2-го заседания, 8 июня, Софья Мотовилова вполне могла попросить у него фото с автографом-клише.

Итак, в столице Софья поступила сначала на педагогические курсы (1885-88) при женских гимназиях, а затем, как утверждала С.Н. Мотовилова, перешла на курсы Петра Францевича Лесгафта, основоположника научной системы физического образования в России. Здесь, правда, имеется некоторая несообразность: курсы воспитательниц и руководителей физического образования (получившие потом название Высших курсов Лесгафта) были открыты в Петербурге лишь в 1896-м. Возможно, что до этого П.Ф. Лесгафт занимался со своими воспитанницами полуофициально.

И.Р. Классон оставил такое продолжение вышеприведенной записи в своей неоконченной главе «Мотовиловы – семья нашей матери» (здесь интересна не общая диспозиция, а некоторые неизвестные ранее нам подробности):

Из семей ее братьев и сестер наша мама была особенно дружна с семьей ее старшего брата Николая Ивановича, женатого на своей кузине Алине Антоновне – дочери сестры Луизы Францевны Валерии – двадцати с чем-то лет вышедшей замуж за 64-летнего русского генерала, шведа по происхождению, Антона фон Эрн.

Алина Антоновна была красива, но, главное, чувствовала себя уверенно в любом обществе всю жизнь. Она училась в привилегированном Смольном институте в Петербурге. На балу в этом институте Александр II пригласил ее на танец.

У Николая Ивановича и Алины Антоновны было три дочери: Зинаида (1878-1970), Софья (1881-1966) и Вера (1883-1967). Николай Иванович умер от туберкулеза горла около 1888 года. Наша мама, прервав свое учение, приехала к Алине Антоновне в Симбирск, чтобы она не чувствовала себя одинокой.*

* Еще одна дочь, Нина умерла в детстве, заразившись от сестры Софьи то ли дифтеритом, то ли еще какой детской болезнью (см. очерк “Софья Мотовилова – «семейная связь»”).

Алина Антоновна не могла найти в Симбирске хорошего учителя французского языка для дочерей, и Софья Ивановна посоветовала ей поехать всей семьей в Швейцарию на несколько лет, причем считала, что это будет не дороже, чем жить в Симбирске (у Алины Антоновны было некоторое состояние, унаследованное от отца), и ее золовка так и сделала.

С.Н. Мотовилова приводила весьма яркие подробности дружбы Софьи Ивановны с упомянутым выше замечательным персонажем:

Лесгафт очень любил тетю Соню, поэтому пригласил ее приехать погостить к нему летом. Тетя Соня тоже очень увлекалась Лесгафтом, сняла корсет и очень негодовала, что Зина его носит. Летом тетя Соня поехала, кажется, на месяц в имение к Лесгафту. Но, с моей теперешней точки зрения, поступила бесцеремонно – поехала к нему не одна (приглашали ее одну), а взяла с собой тетю Веру и тетю Маню (ужасных скучняшек) и свою очень безличную подругу Иванову. Лесгафт, сам яркий, терпеть не мог безличных людей, Иванову возненавидел и называл ее «бледноноской».

История «ликвидации корсета» выглядит замечательно, только П.Ф. Лесгафт был далеко не первопроходцем в пропаганде против этого «пережитка прошлого».

Занятия автора в отделе газет РГБ, по розыску материалов о деятельности Эдуарда Классона (его преждевременная смерть в 1875-м не дала ему возможности, как будущему свекру, познакомиться с Софьей Ивановной) в качестве лекаря в Киеве, попутно позволили обнаружить следующий жуткий сюжет в газете киевских врачей «Современная Медицина» за 1860 год:

*Новый поход против корсетов. В Венской газете от 25 августа известный анатом Энгель представляет новые анатомические ужасы, происходящие от употребления корсетов, как средства к улучшению женской красоты. Замаскировать стареющее тело, поднять висящие груди и придавить выдавшийся живот, по мнению анатомов, это были первоначальные показания к употреблению этого *chef d'oeuvre* [(шведвра)] женского туалетного искусства, который, если верить художникам – производителям, поддерживает только роскошные и нежные формы, *font valoir la taille* [(подчеркивает талию)], но отнюдь их не придавливает.*

Совершенно иначе рассуждает об этом уважаемый Венский анатом, которому, как известно, на этом поле предшествовал [почти полвека тому назад] знаменитый Земмеринг и некоторые Парижские ортопэdistы, восставшие в Парижской медицинской академии против требования корсетников – художников, желавших, чтоб академия своим высоким покровительством двигала бы успех их изделий.

Далее в упомянутой заметке «Современной Медицины» подробно пересказываются из венской газеты эти самые «анатомические ужасы» от употребления корсетов – деформация ребер, живота со всеми его внутренними органами (их мы все же опустим) и, наконец, детородных органов:

Очень замечательны изменения в малом тазу. Мочевой пузырь прижимается к сращению лобковых костей, очень тонок и растянут в ширину. Матка приросла к прямой кишке и, по большей части, в таком только случае не существует разной степени выпадения [наружу] влагалища и самой матки. <...> Впрочем, как кажется, Энгель описывает тела тех женщин, которым их средства не позволяли носить дорогие, высшие произведения корсетного искусства.

Так что будущая мать Софья весьма своевременно избавилась от корсета, возможно, только начавшего калечить ее внутренние органы. И впоследствии родила от Роберта пятерых вполне здоровых детей (в том числе и моего отца)!

В другом письме Софья Николаевна вспомнила вот что:

Я только теперь об этом подумала: тетя Соня ко всем относилась насмешливо иронически, даже к маме – своему ближайшему другу, ко всем, кроме Классона. <...> И в 1895 году, и в 1896-м, и 97-м, и 98-м тетя Соня летом жила в Бугурне. В 1898 году меня уже там не было, и тогда туда приезжали Классон и Коробко.

В Петербурге С.И. Мотовилова, как уже упоминалось, познакомилась в 1886-м с Р.Э. Классоном, т.е. когда ему было 18 лет, а ей 23 года. Николай Иванович Мотовилов, отец Софьи Николаевны, умер в июне 1888-го, и как вспоминала она:

Тетя Соня тогда бросила свое учение в Петербурге, бросила Классона, которого любила, и приехала на всю зиму в Симбирск, чтобы мама [Алина Антоновна] не так чувствовала свое одиночество после смерти моего отца. Живя у нас, тетя Соня давала нам уроки. Мне было тогда семь лет. Жили мы очень замкнуто, и потому на меня сильное впечатление произвело, когда однажды за тетей Соней приехал, чтоб сопроводить ее на какой-то вечер Леня Березников (сын нашей знакомой помещицы, он был потом городским головой в Симбирске). Он появился высокий, стройный, в блестящем студенческом мундире. Но это был не бал, так как тетя Соня оделась в простое, а не бальное платье.

В письме к сестре Вере в Лозанну сюжет как тетя Соня по уважительной причине, временно бросила своего жениха Р.Э. Классона, обрастал реминисценциями:

Ульянов пишет, что ты утверждаешь – тетя Соня была тяжелого характера. Я бы такого не сказала. Она гостила у нас при папе [на даче] в Ишеевке и затем целую зиму провела у нас в Симбирске, после папиной смерти, чтоб мама не оставалась одна. В молодости она была веселой, бодрой, остроумной. Конечно, самая выдающаяся из всех сестер Мотовиловых (семьи Ивана Егоровича), а папа – самый выдающийся из всех братьев.*

Я это раньше не понимала, а теперь понимаю: тетя Соня была всегда готова делать все для своих близких. Когда сошел с ума дядя Саша и убил кого-то, тетя Соня поехала распутывать всю эту историю. Когда вышла какая-то дурацкая история у тети Веры в [Смольном] институте, тетя Соня взяла оттуда и тетю Маню и тетю Веру, и они жили у нее в Петербурге до окончания гимназии.

Когда умер папа, она бросает свое учение, своего жениха Классона и целую зиму живет в Симбирске, чтоб маме не было одиноко. Нет, она была и умная и интеллигентная и очень хороший, благородный человек. Но когда она вышла замуж за Классона, она как-то вся погасла. Они не подходили друг к другу.

С.Н. Мотовилова вспоминала и такой сюжет о непростых отношениях Алины Антоновны и Софьи Ивановны:

Мама была очень близка с тетей Соней, ну а потом они поссорились. Мама подружилась с одной швейцарской докторшей [M-elle Broye], и эта дружба длилась до самой смерти. Тетя Соня ревновала маму, и они разошлись. Как же я могла к Вам придти, ведь наши семьи были в ссоре?! И, кроме того, Вы же знаете, я не люблю богатых родственников, и Классона я тоже не любила.

А тетя Соня у нас в семье была высшим авторитетом, она считалась самой умной и образованной. Это по совету тети Сони мама поехала с нами за границу. По-моему, кроме ревности тети Сони к M-elle Broye, была еще причина расхождения. Вы стали очень богаты (ведь Классон получал в Баку 18 000 в год!), и разность состояния как-то невольно влияла на взаимоотношения.

* Село Ишеевка располагалось при р. Свияга на почтовом тракте из Симбирска в Казань в 16 верстах от губернского города. Источник: Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. XXXIX, Симбирская губерния. СПб., 1863.



*Александр Андреевич Мотовилов, депутат Госдумы от Симбирской губ.
(фото из Интернета)*

Про Алину Антоновну Мотовилову и теток С.Н. Мотовилова рассказывала такое:

Мама любила вспоминать свое пребывание в Смольном . Мама провела там шесть лет, и моя бабушка Валерия Францевна за все шесть лет ни разу не брала маму на каникулы домой. А мама была ее единственная дочь! Для мамы дом – это был ее институт. В старших классах с мамой училась тетя Лида. Как странно, Мотовиловы-женщины – тетя Лида, тетя Соня, тетя Анюта была очень выдающимися, яркими до замужества, а после замужества превратились в каких-то самок, для которых существовала только семья, только дети.*

И такое:

Тетя Соня была с Короленко знакома. Познакомились на пароходе между Симбирском и Нижним и очень много говорили. До замужества тетя Соня и тетя Лида были очень яркими, своеобразными женщинами. Что с ними произошло после замужества, не понимаю. Вдруг сразу поблекли и превратились в обычных наседок, думающих только о своих детях.

С.Н. Мотовилова так вспоминала о своих более дальних родственниках:

*Все Мотовиловы, дети Ивана Егоровича, были люди передовые, плевали на свое дворянство б-й книги (это высшая степень, Пятницкие уже к 4-й относились). Но, кажется, Александр Андреевич был монархист, и интересовался своей родословной. Он был членом 3-й и 4-й Государственной думы и чуть ли не лидером монархической фракции (или как они там назывались?).***

* В XIX веке в Смольном размещался Институт благородных девиц, а не горком ВКП(б)-КПСС!

** Сын Андрея Егоровича и племянник Ивана Егоровича Мотовиловых Александр Андреевич Мотовилов в 1907 г. действительно был избран в Государственную Думу от Симбирской губ. Согласно адресной книге «Весь Петроград-1917» проживал по адресу Невский просп., д. 77. См., например, на ресурсе Википедии: (ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87).



«Шифр» Екатерины II

<...> Ну, так вот, прочтя эту родословную, он, Александр Андреевич, возгордился и, как говорят, положил этот том [словаря Брокгауза и Ефрона со статьей о Мотовиловых] в своей гостиной на стол». Вы не помните [его брата] Ивана Андреевича? Какой-то насупленный был и мрачный, а Александр Андреевич был веселый, разговорчивый, женат на итальянке. Когда они приезжали к нам из своего имения Скорлятка, он с женой пел у нас дуэты. В Симбирске среди дворянства его, очевидно, не любили и называли «маркиз Доврись-до-нельзя».

Отметим, что в этих воспоминаниях опять появилось имение Скорлятка, куда первоначально заехал старший сын Егора Николаевича Николай со своей семьей, а не средний сын Андрей или же его потомки. Значит, родственники потом произвели с сей собственностью какую-то обменную операцию... Но вполне возможно, что выросший в Скорлятке Георгий Николаевич поехал учиться в Петербург, в Училище правоведения, а затем стал делать юридическую карьеру в Северной Пальмире и Первопрестольной, и потому уступил свое имение дяде Андрею Егоровичу с его детьми (его отец Николай Егорович умер довольно таки рано – в 1841 году, когда ему было 37 лет, а могла ли его мать Анна Александровна, в девичестве Дувинг, претендовать на имение, требует дополнительных архивных исследований).

Поясим кроме того, что Пятницкие, занесенные в IV часть дворянской губернской книги, породнились с Мотовиловыми, когда дочь Ивана Егоровича Лидия вышла замуж за Николая Федоровича Пятницкого. Кстати, последняя перед этим, в 1874 году окончила Смольный институт, причем «с шифром». Исторические источники поясняют эту немаловажную деталь: 6 лучших выпускниц каждый год получали «шифр» – золотой вензель в виде инициала Екатерины II с двумя бантами, имеющими по три золоченые полоски.*

И, как вскользь упоминала С.Н. Мотовилова, Лидия Мотовилова училась вместе с Алиной Эрн, да и выпущены они были в одном году – в 1874-м. Так что все семейные воспоминания, приводившиеся советским писателем Виктором Некрасовым в своих произведениях о времени учебы бабушки Алины Антоновны в Смольном и о выпускном бале, в той же мере относятся и к Лидии Ивановне.

* Н.П. Черепнин. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764-1914). В 3-х томах. Петроград, 1914-15.

Из третьего тома:

Выпуск 42 (1874 год). <...> 37. Мотовилова, Лидия Ивановна, дочь корнета Ивана Егоровича, окончила с шифром; была замужем за Мотовиловым [за Н.Ф. Пятницким! – МК]. <...> 60. Эрн, Алина Антоновна, дочь ген.-майора Антона Эрн и Валерии Францевны, замужем за [Н.И.] Мотовиловым.



Выпускница Смольного «с шифром»
Лидия Мотовилова-Пятницкая

В 1862-м Смольный институт был преобразован, и Л.И. Мотовилова и А.А. Эрн учились уже по-новому:

<...> Совет императорского воспитательного общества благородных девиц – заведение общеизвестное под названием «дворянской половины Смольного монастыря», объявляет, что заведение это в настоящее время преобразовано, а именно:

Бывшие девятилетние курсы, с выпусками чрез каждые три года, до 150 девиц в феврале и равночисленными приемами в августе, заменены курсами семилетними, с ежегодными выпусками в декабре и приемами в январе.

Вместо прежних трех классов – младшего или кофейного, среднего или голубого и высшего или белого, в которых воспитанницы [в соответствующих платьях] находились по три года, учреждены семь годовых классов, в которых будет всего 420 воспитанниц, в том числе 210 на казенном содержании и 210 пансионерок. По званию родителей прежде допускался прием дочерей только тех дворян, которые записаны в пятую или шестую часть дворянской родословной книги, а по чинам – не ниже полковника и статского советника. Ныне это изменено относительно своекоштных.

Такими принимаются дочери всех потомственных дворян, в какую бы часть книги они ни были записаны, а также дочери лиц не ниже штабс-капитана и штабс-ротмистра гвардии, майора армии и надворного советника.

Так всюду проникает дух преобразований! («Наши домашние дела, современные заметки» // журнал «Время», 1862 г., т. VII)

Лидия Ивановна Мотовилова была, конечно, своекоштной воспитанницей, поскольку ее состоятельный отец мог оплачивать учебу. А вот насчет Алины Антоновны Эрн, отец которой, в чине генерал-майора в отставке, умер еще в 1861-м, мы можем лишь предположить, что она была вправе получить и казенное содержание.

Продолжим тему – о племянниках Ивана Егоровича Мотовилова и их семьях:

Вся семья Ивана Андреевича была ужасно мещанственна. О [его сыне] Георгии Ивановиче ничего сказать не могу, он молчал. Зато брат его [Андрей Иванович], очень красивый, говорил, говорил, говорил без конца, и все ходил и ловил мух, даже когда их не было. Но кто был безнадежно мещанствен и вульгарен – это обе дочери: [Маня и Надя](#)*. Причем Маня была невестой, они жили в их имении. В это время заболел Иван Андреевич. Маня поехала в Москву, и Надя отбила ее жениха и вышла за него замуж.

У Мани после революции был какой-то не муж, а так, какой-то возлюбленный. Ее брат сочинял про него песенки и распевал их, помню только припев: «Комбат, комбат, комбат!». По-моему, он вовсе не был бывший полковник, а чисто советский военный.

Семья Александра Андреевича была еще хуже, невероятно вульгарна. Они приезжали к нам с родителями [в [Симбирск](#)] из Скорлятки, их имения под Симбирском. Однажды заразили нас, детей, всех коклюшем. Сперва приехали к бабушке, Луизе Францевне, та, узнав, что у них был коклюш, скорее прислугу послала к нам, чтоб сказала, что у них коклюш, и мы сказали, что нас нет дома. Но горничная заговорила на кухне, тем временем они к нам приехали, и мы все переболели коклюшем.

Одну из них я встретила после революции с ее мужем Николаем Александровичем Мотовиловым** (у Надежды Кронидовны [уже вдовы умершего Ивана Андреевича – [МК](#)]). Он говорил, что он «старший в роду», написал мне всю родословную (увы, она сгорела), а жена его, какая-то крашенная и вульгарная, в детстве была лет на пять старше меня, а после революции стала на пять лет моложе. У этого Мотовилова был свой конный завод [в [Пензенской губернии](#)].

После революции он, как и многие другие богатые помещики, работал на государственном конном заводе, не знаю, как это называется. И с юмором рассказывал, как какой-то малограмотный комиссар выходил и кричал: «Ну, мои конюхи, идите сюда!». И все эти бывшие богатые помещики почтительно мчались к нему!

<...> Однажды вечером у нас были в гостях в Москве Иван Андреевич Мотовилов и его жена Надежда Кронидовна. Вы их помните (родители Гомочки [([Георгия Ивановича](#))]?) Нам она казалась старой, хотя, я думаю, ей было тогда не больше тридцати лет, а может быть и двадцать с чем-то, но она уже родила четверых детей! Мы сидели у нас в столовой, когда пришли Классон и Коробко.

И тут произошло нечто необыкновенное, Надежда Кронидовна вдруг оживилась. Она была очень хорошенькая, гладко причесанная, лицо мадонны. Это мы тут только заметили. Она начала невероятно кокетничать. Мы вообще не видели раньше, чтоб люди так кокетничали, это даже считалось неприличным, но она ведь была из купеческого общества. Мы сидели и глаза таращили от изумления. Думали: «такая старая и так кривляется». Возраст между двадцатью-тридцатью годами нам казался старым.

* По свидетельству И.Р. Классона, [Маня и Лиза](#) (см. ниже).

** Имеется в виду одна из дочерей Александра Андреевича Мотовилова. Ее муж Николай Александрович, будучи внуком Николая Егоровича Мотовилова, получается, приходился ей троюродным братом! В адресной книге «Вся Москва-1923» управляющими отдела Коннозаводства Центрального управления коннозаводства и животноводства Наркомата земледелия значились В.О. Витт и И.А. Мотовилов. Значит, это не «конюх» Николай Александрович, а бывший врач-ординатор Екатеринбургской больницы Иван Андреевич, проживавший в 1917-м на Петровке, 29, а после революции вынужденный съехать в Дурновский пер., 6? Хотя И.А. Мотовилов, по воспоминаниям Софьи Николаевны, умер вскоре после революции... В то же время в адресной книге «Вся Москва-1927» имелся Николай Александрович Мотовилов, проживавший все в том же Дурновском пер., 6 и продолжавший служить в Наркомземе, хотя уже на рядовой должности (в перечень ответствующих не попал). Значит, в первом справочнике была досадная опечатка!



Г.И. Мотовилов – военный врач (в Империалистическую войну)

Гомочка был влюблен в Вашу сестру Соню, но мне кажется, что и Надежда Кронидовна была неравнодушна к Роберту Эдуардовичу. Она дружила потом с Вашей нянькой, которая рассказывала ей все Ваши семейные дела, и будто бы нянька говорила, как было бы хорошо, если бы Классон был женат не на тете Соне, а на ней, Надежде Кронидовне.

И.Р. Классон в своих черновых записях заочно дополнял киевского корреспондента:

*О семье Ивана Андреевича Мотовилова я знаю главным образом из того, что слышал от мамы и от няни, которая гораздо раньше была у них кормилицей (я слышал, как [Маня и Лиза](#) Мотовилова, бывая у нас, называли няню «кормилкой»), ее в 1899-м Мотовиловы рекомендовали маме, когда я должен был родиться. Иван Андреевич работал хирургом в Ново-Екатерининской больнице** в Москве и был, по-видимому, хорошим хирургом. Он владел имением в Симбирской губернии. Главными его недостатками были скупость, строгость в семье и реакционность.*

Я помню, как приблизительно в 1905 г. в воскресенье днем к нам приехала Надежда Кронидовна и просила маму спрятать куда-нибудь [[моих сестер](#)] Соню и Таню на случай, если вдруг придет Иван Андреевич: она потихоньку от него взяла для детей на тот день билеты в Художественный театр, причем на дневной спектакль «На дне». Выбор такой пьесы еще усугубил бы ее вину.

* Эта больница на Страстном бульваре была открыта еще в 1833 г. в бывшем дворце князей Гагариных. В 1846 г. стала клинической больницей Московского университета, в советское время – городской клинической больницей №24.

Опасаясь, что у нас появится Иван Андреевич, она просила сказать ему, что его дети с Соней и Таней пошли гулять. Но он мог увидеть Соню и Таню, поэтому Надежда Кронидовна и просила их спрятать. Иван Андреевич, против ее ожидания остался дома и спросил, где дети. Надежда Кронидовна ответила, что они поехали к Классонам (а на самом деле отправились на спектакль).

<...> Семья Ивана Андреевича вообще была старомодной. Позже [(после 1905-го)] Соня виделась иногда с Андреем и Гомой. Они оба учились в 7-й (дворянской) гимназии [в Москве], а потом – на медицинском факультете. Гома еще гимназистом стал заниматься скульптурой, его учителем был [скульптор Николай Андреевич] Андреев. В гимназии его кто-то из товарищей толкнул, и он сломал правую ключицу. Андреев говорил по этому случаю, что Гома разовьет себя как скульптор, работая левой рукой. А обеих дочерей, Маню и Лизу, провожала в гимназию и обратно горничная, до последнего класса.

Однажды Соня была с Гомой на катке и удивилась, что он принес коньки, завернутые в салфетку. Прогрессивными они были по отношению к спорту (кажется, занимались, главным образом, гимнастикой с гирями). Андрей и Гома служили врачами в действующей армии в Первую мировую войну.

После революции к нам заезжала старшая из сестер Маня, но наиболее интересные вещи она рассказывала не нам, а няне, а мы уже от нее слышали. Иван Андреевич после февральской революции [1917-го], предугадывая инфляцию, взял в банке – еще царскими деньгами – все свои сбережения, но вскоре умер.

Впрочем, сыновья тоже не растерялись. Например, когда рядом с их квартирой оказался покинутым деревянный дом, они первыми из соседей выламывали в нем паркет, чтобы топить у себя. В начале НЭПа короткое время оба брата варили на продажу хозяйственное мыло. Вскоре Андрей вернулся к своей профессии врача, а Гома стал профессиональным скульптором. В начале 1930-х я видел в Третьяковской галерее его скульптуры, в том числе бюст Тухачевского. В конце 1930-х ему этот бюст, а также то обстоятельство, что жена [расстрелянного врага народа] Тухачевского училась у него скульптуре, припомнили.

С.Н. Мотовилова тоже вспоминала интересные подробности судьбы родственника-скульптора и сталинской эпохи:

На первой же выставке, где была выставлена наша скульптура в Париже (в 1937 году), он получил золотую медаль. У нас его затирали. Причин две: во-первых, он не подхалим, а очень независим, во-вторых, одно время давал уроки ваяния жене Тухачевского. Это был какой-то важный военный у нас, которого арестовали, расстреляли, ну и пострадали все его близкие, и родственники и знакомые.

Тем не менее, немалое число выполненных Г.И. Мотовиловым работ, а также присвоение ему в 1950-м Сталинской премии позволяет предположить, что «затирали» его не очень радикально, хотя и продолжительно.

Он в 1918-1921 гг. учился в Свободных художественных мастерских (затем Вхутемас и Вхутеин) у С.Т. Коненкова. Выполнил массу образцов монументально-декоративной скульптуры. Кроме того, Г.И. Мотовилов преподавал в 1945-63 гг. в Московском высшем художественно-промышленном училище, а в 1953-м даже стал профессором.

«Линия жизни» замечательного скульптора до сих пор ждет внимательного, профессионального биографа. В 2001-м в интернет-журнале «Наше наследие» появилась весьма комплиментарная статья Сергея Попова «Возвращение Мастера» (см. Приложение «Воспоминания о скульпторе Г.И. Мотовилове»).

Из «Воспоминаний» С.Н. Мотовиловой можно узнать, как разнообразно проводило время до революции «молодое поколение». Например, в главке «О В.Я. Брюсове» рассказывалось о написании в 1896 году поэту Валерию Брюсову резкого, нравоучительного письма сестрой Зинаидой, кузиной Надеждой Пятницкой и при участии Софьи, тягостном ожидании ответа и получении долгожданного письма со стихотворением:

И вот однажды вечером я услышала, что моя кузина и сестра сочиняют письмо Брюсову. <...> Письмо было резкое, нравоучительное. С особенной радостью я, тогда пятнадцатилетняя девочка, вставила фразу: «Принимая во внимание ваш молодой возраст...» – и следовали поучения. Письмо было написано, но ведь главное – получить на него ответ, и мы приписали: «Если Вы имеете что-нибудь возразить на это, то потрудитесь ответить по следующему адресу: До востребования, [почтовое отделение] Кудрино, З. Н. С.»

Стали ждать. Было маловероятно, чтобы поэт ответил на такое резкое, скучно-поучительное письмо. Надя стала ежедневно заходить в Кудринское почтовое отделение – письма не было. Почтовые чиновники уже подсмеивались над ней. Но наконец настал счастливый день: Надя вошла, и почтовые чиновники закричали ей: «Он Вам ответил!» Задыхаясь от радости, она помчалась домой с драгоценным письмом.

Помню матовый свет китайского фонарика в нашей маленькой передней и дикий крик радости, который испустила кузина. Выбегают взрослые, выбегает маленькая моя сестра, а мы, комкая письмо, мчимся наверх, в розовую комнату в мезонине. Запираемся. Взрослые и маленькая сестра Вера стучатся к нам.

Но мы должны сами прочесть письмо. Открываем конверт: лист чистой бумаги, в нем другой лист и на нем стихотворение. Вот оно:

*Есть одно, о чем плачу я горько –
Это прошлые дни,
Это дни опьяняющих оргий –
И безумной любви.
Есть одно, что мне горестно вспомнить –
Это прошлые дни,
Аромат опьяняющих комнат
И приветы любви.
Есть одно, что я проклял, что проклял –
Это прошлые дни,
Это дни, озаренные в строфах,
Это строфы мои.*

Валерий Брюсов.

В этот день мы были счастливы. Поэт не возражал нам, а соглашался с нами. На радостях мы разрезали стихотворение на три части и разыграли его. Кузине моей повезло, она выиграла последние строки с подписью и конверт. Вечером мы устроили «пир» – купили лимонаду, пряников, конфет, пили за здоровье Брюсова и торжествовали. О нашем письме и ответе Брюсова от Павловской мы скрыли.*

Кстати С.Н. Мотовилова как-то прислала И.Р. Классону «коллективное детское творчество», объяснив историю его создания:

* Влюбленная в поэта Евгения Ильинична Павловская служила тогда гувернанткой в семье купцов Брюсовых – у сестры Валерия, студента двадцати с чем-то лет. Умерла от чахотки в 1897-м.

Для кого мы его писали? – не знаю. Очевидно, для самих себя, ибо ни [Р.Э.] Классону, ни Павловской мы это стихотворение не показали. <...> Мы с Зиной в этот год поссорились с бабушкой Валерией Францевной. Гостили мы в ее имении Солонoviцкино на Украине. Собака Рябка родила щенят. Бабушка хотела их всех потопить. Но мы их вырастили и раздали крестьянам на хутор. Те даже приношения нам в благодарность принесли. И вдруг приходит бабушкин кучер и жалуется, что мы отдали какому-то мужику шестипалого щенка. Бабушка вознегодовала и потребовала, чтоб мужик сейчас же щенка ей вернул. Нравы были крепостнические. Мы с Зиной обиделись, мужику отнесли рубль (он был вполне доволен) и потребовали, чтоб нам дали лошадей, так как мы сейчас же уезжаем. Поэтому мы и очутились в конце августа одни без мамы в Москве, ну и Классон тоже один, приходил к нам почти каждый вечер. А Павловскую он встретил у нас весной. Когда она в следующий раз пришла к нам, [сестра] Зина ей сказала: «Какой чудный день!», а она ответила: «Какой чудный Классон!». Поэтому наше стихотворение и называется «Чудному Классону».

Чудному Классону (от лица Павловской)

О ты, которому внимала
В разгаре споров и речей!
О ты, которого узнала
Среди постылых мне людей!
О ты, который точно маслом
По сердцу мне мазнул тогда,
Когда в унынии ужасном
Я к Мотовиловым пришла!
Классон, Классон! внемли моления
Души измученной моей,
Дай мне послушать с увлеченьем
Хотя на миг твоих речей!
Ты, пред которым я сидела,
Порыв души своей тая,
Чей взор не раз привлечь хотела,
Светилась в нем душа твоя.
Нас окружала пошлой прозой
Людей презренная толпа,
Мой взор сверкал немой угрозой,
Их речь была пошла, глупа.
И все они к тебе стремились,
Их привлекал твой светлый ум,
Вокруг тебя они толпились,
Как раздражал меня сей шум.
Ты понял, что одна могу я
Своим умом твой ум обнять,
И на профанов негодую,
Весь блеск речей твоих понять.
О чудный мой Классон, прекрасный,
Мне светлым гением ты будь,
Подобно солнцу в день ненастный
Мой мрачный озари ты путь.

Сочинение 1896 г. З. Мотовиловой, Н. Пятницкой и С. Мотовиловой

В «Воспоминаниях» С.Н. Мотовиловой имеется также эпизод о заочном знакомстве в том же 1896-м с известным писателем Владимиром Короленко:

Я уже говорила о том, что у нас жила тогда моя кузина Надя – девушка экспансивная, увлекающаяся. И когда мы собрались ехать в деревню, Надя решила – летом надо устроить чтение для крестьян. Идея эта нам показалась блестящей, мы с сестрой ухватились за нее. Но что читать? Как читать?

Я решила спокойно: Короленко много имел дела с народом, я ему напишу, и он посоветует. Сестра Зина и кузина возмутились моей наглостью: «Ты напишешь Короленко? Ты только хвастаешь». Сестра предложила пари, что я никогда не напишу.

Пари держали на шоколадные бомбы – были тогда такие конфеты. «Но как это ты напишешь, ты даже не знаешь его адреса», – говорила кузина. Я всегда была склонна думать, что объективные условия не должны служить помехой, было бы желание, и ответила: «Пошлю на адрес «Русского богатства». И письмо пошло с таким фантастическим адресом: Нижний Новгород. Редакция «Русского богатства». В.Г. Короленко.

Боюсь также, что письмо было очень безграмотно, ибо, получив воспитание за границей, русской грамотой я тогда не очень-то владела. Мы уехали в деревню Бугурну, в имение бабушки Луизы Францевны, самой бабушки уже не было в живых.

Жизнь в Бугурне была не очень приятной: наши тетки нас почему-то невзлюбили. Мы приехали из Швейцарии полные наших заграничных впечатлений, рассказов о прогулках в горах, о нашей школе, о новом для нас мире знакомых революционеров, мы были веселы, по тогдашним русским понятиям не воспитаны, пожимали руки горничным и кухаркам, как с равными, говорили с кучерами. И тетки страшно оскорблялись. Мы не знали, куда уйти от этого мира кислой обиды.

Ни о каких чтениях для народа и речи быть не могло. Однажды мы решили пойти пешком в соседнюю деревню – мы привыкли в Швейцарии ходить пешком. Для теток это было невероятное событие – дело в том, что на прогулку собрались не только мы сами, но и подбили на нее кузин. После трагических объяснений согласие было дано, но следом за нами ехала телега с прислугой и теплыми вещами – и это в июле месяце!

Какие уж тут чтения для народа! Увы, мы бродили по большому саду – двенадцать десятин – и читали сами. В это время, в июле, пришло письмо от Короленко. Оно было получено в Симбирске, моя тетка его вскрыла и, передавая моей матери, иронически заметила: «Ваша Сонечка уже переписывается с писателями, ей письмо от Короленко». Письмо, конечно, сперва обошло всех моих тетушек и наконец дошло до меня.

Теперь, перечитывая это письмо, я нахожу его очень милым, деликатным и по-короленковски добросовестным, но тогда оно меня почему-то огорчило. Переписываю его: «<...> Милостивая государыня София Николаевна. К сожалению, не могу дать Вам сколько-нибудь точных указаний по вопросу, Вас интересующему, но Вы легко можете получить их прежде всего из книги Алчевской «Что читать народу» <...>. Затем, думаю, Вам не откажется помочь советом Александра Михайловна Калмыкова <...>.

Очень жалею, что ответ этот является столько запоздалым. Если письмо попадет Вам уже в деревне – то пока Вы получите более точные указания, могу посоветовать читать то, что есть лучшего в нашей литературе из Пушкина, Лермонтова (например, «О купце Калашникове», нравится всем), Гоголя <...>, Тургенева и т.д. Затем желаю всего хорошего, с совершенным уважением В. Короленко».

С живым Короленко мне пришлось встретиться много позже, должно быть, в 1909 году, когда мы проводили лето в Хатках, где у Короленко была своя дача, но и здесь я его видела очень мало и сама с ним никогда не говорила...

Вернемся к непростым судьбам прямых потомков Ивана Егоровича и Луизы Францевны Мотовиловых после октябрьского переворота 1917 года.



*Анна Мотовилова-Гельшерт,
родившая сына Мишу, который «во время обеда всех лупил по спинам»*

И расскажем для начала о детях и внуках Анны Ивановны Мотовиловой:

Тетя Анюта вышла замуж за [Михаила Дмитриевича] Гельшерта. Он служил [мировым судьей] в [Псковском] суде, а отец его был председателем Петербургского окружного суда, и живых детей у них было четверо (были ли еще умершие – не знаю). Назывались дети: Миша, Маша, Надя, Лена. Миша и Надя пропали во время [Великой Отечественной] войны (детей у них не было). Маша вышла замуж за Володина. У нее двое детей: сын Женя [(военный)] живет под Москвой и Стеллочка работает преподавателем [музыки] в Рассказове, недалеко от Тамбова.

Младшая дочь тети Анюты – Лена вышла замуж за [Александра Николаевича] Игнатовича. Умерла очень молодой, когда [ее дочери] Лене еще не было и двух лет. Отец ее Игнатович был сослан, ну и пропал. Когда, я не знаю. Это может сказать Маша [Володина]. Думаю, в 1937 году, тогда многих ссылали. Лена – их единственная дочь.

Наиболее ярким потомком по этой линии был Михаил Михайлович Гельшерт:

Во время обеда Миша бегал вокруг стола и лупил всех по спинам. Мне это рассказывали, я жила тогда в Веймаре. В первых классах гимназии Миша был первым учеником, потом средним, а потом едва-едва кончил гимназию. Писал очень забавные стихи на всех семейных. [Р.Э.] Классон его устроил [работать] где-то возле Ярославля*. Ему не понравилось. Никто ему не кланялся, а он привык, чтоб ему кланялись.

* В 1920-х это могли быть торфяные разработки «Гидроторфа» для обеспечения топливом Ярославских предприятий.

Он ушел, шел пешком всю ночь и пришел [в Москве] к Мотовиловым (Гомочкиным). Мотовиловы скуповаты, а там еще хуже [оказалось], денег ему на дорогу не дали. Он пошел к Верочке Пятницкой, которая ему дала [денег] доехать до Киева, т.е. до нас. Мотовиловы его уговаривали пойти еще раз к Классону. Но он поспешно уехал. У нас тоже денег было маловато – отдали ему, все, что были, чтоб доехать ему до Лубен*.

<...> Он два раза был женат. Со второй женой уехал куда-то вглубь России в деревню и стал сельским учителем [(в Калининской обл.)]. Было у него хозяйство, коровы, куры – все, что надо, и все мужики ему кланялись. <...> Он усиленно приглашал нас приехать к нему на лето. В это время стали приходиться отчаянные письма от Лениной тетки. Ужасная дрянь была. По мнению [его племянницы] Лены [Игнатович], это она донесла на ее отца [(т.е. на своего брата)]. За доносы, говорят, платили по 500 руб. Она мечтала донести и на Мишу [(но не знала его адреса)].

<...> Мы выслали ей деньги, а я написала Мише. У них не было детей, и он охотно согласился взять Лену к себе на воспитание**, но чтоб мы не давали его адреса – тетка Лены мечтает на него донести. Деньги он выслал, я их сейчас же отправила Лениной тетке, но она месяц или два Лену не присылала. Когда Лена приехала, начались уже каникулы, и я не знала, у себя ли в деревне Миша, написала ему. Ответа я тогда не получила. А тут разразилась война 1941 года и ужасы немецкой оккупации. И на 10 месяцев Лена у нас [застряла]. Мы все худели и худели, а она развивалась – толстела и хороше-ла. Зина мне простить не может, что я не отослала Лену сразу к Мише. Что случилось с Мишей и Надей? Не знаю.

Из письма застрявшей в Киеве перед приходом немца Елены Александровны Игнатович Виктору Конецкому, который перед этим опубликовал очерк «Париж без праздника» о встречах с В.П. Некрасовым: «Окончив 7 классов в 1941 г., я должна была ехать [из небольшого города в Полтавской обл.] к маминому родному брату в Калининскую область. Но был договор, что я вначале погощу в Киеве. Со дня на день должен был приехать в Киев Вика из Ростова в отпуск. Но началась война. И я так и осталась в Киеве. Затем оккупация. Три с половиной года в Германии» (из Интернета).

Надежда Михайловна Гельшерт тоже была своего рода «яркой личностью»:

Знаете, в семье Мотовиловых было два типа людей. Одни очень экспансивные, а другие невероятно скрытные. К первым относились тетя Лида, ее дочь Надя, тети Анюты дочери Надя и Лена и очевидно я. Надя Гельшерт во время войны пропала без вести. Ей исполнилось уже сорок лет. У нее было какое-то безумное количество романов. Законно замужем она не была, но в нее буквально все влюблялись, на моих глазах.

Например, какой-то тип приходил чинить радио, его спросили, долго ли он будет к ним ходить, он сказал: пока она будет у вас гостить. Мама уговаривала ее остаться у нас жить. Профессор ботаники, для которого я переводила, упрасивал ее остаться у него работать, он сделает из нее научного работника. Но где бы она у нас принимала своих кавалеров?

Она уехала, в одном вагоне с ней ехал один наш знакомый. Мама [Алина Антоновна] поручила ему Надю. Но в вагоне оказались какие-то летчики, они всю ночь кутили с Надей. Потом один из них довез ее до другого вокзала, тут ехали плотники в Казахстан, с ними она тоже веселилась всю дорогу. Приехала в неизвестный город, никого не зная, без гроша и сейчас же познакомилась на вокзале и вышла замуж за редактора какой-то газеты. Она его презирала, ему было уже пятьдесят лет. Он ее ко всем ревновал – чем кончилась ее жизнь – не знаю. Пропала и все.

* Лубны находятся в двух сотнях километров от Киева, в Полтавской обл.

** Т.е. свою племянницу Елену Игнатович, дочь Елены Михайловны Гельшерт и Александра Николаевича Игнатовича.

И, наконец, походы по родственникам внучки Анны Ивановны Мотовиловой-Гельшерт – Елены Александровны Игнатович (опять же из писем С.Н. Мотовиловой):

<...> Я не хочу больше иметь дело с Леной Игнатович! Хватит этих двадцати лет! Она ведь приехала к нам [в Киев] перед войной в 1941-м. Те десять месяцев, которые она у нас провела, были сплошным ужасом. Она говорит, что ненавидит всех Мотовиловых, что я «сплетница, клеветница и пустота».

А вот Ваша сестра Екатерина Робертовна – «человек с большой буквы». А ее сын так умен, что она таких умных людей никогда не видела.

<...> Ведь помогают люди как-то свои родным? Даже Гома Мотовилов довольно долго держал Лену Игнатович у себя, давал ей деньги и прочее. Ну, она их потом всех разругала. <...> Я написала ей, что у нас, конечно, тяжелая психическая наследственность.

И со стороны Мотовиловых, и со стороны Гельшерта Михаила Дмитриевича (у него была ненормальная сестра, тетя Соня ее называла «Анютка»), ну и как Машенька пишет, и со стороны ее [(Лены)] отца, Игнатовича, т.е. главное – ее теток. Одна из них будто бы донесла на ее отца, и он был арестован. Затем она хотела непременно донести на Мишу Гельшерта, и он просил его адреса ей не давать, ну а другая ее тетка будто бы ненормальна потому, что ее обезьяна укусила в голову в детстве (?!). Кажется, обе умерли.

<...> А Лена Игнатович жила у нас в самые ужасные годы голода и немецкой оккупации, обманывала нас, обжуливала и на нас же кричала: «Паразиты, гады, заразы, «жрэтэ», если мы начинали обедать до ее прихода. А затем она всем рассказывала, что мы ее эксплуатировали! Она ненавидела всех Мотовиловых. Вы скажете, что это является подтверждением того, что говорил [Р.Э.] Классон о помощи другим людям.

<...> Вы не можете себе представить, сколько и мы и все наши знакомые возились с Леной (и делали для нее), а она затвердила одно: ей никогда не хотели добра, все ей хотели зла. <...> Маша, тети Анютина дочка, сама приглашала Лену в Тамбов. Все время, месяца два-три, когда Лена жила у них (а у них была большая нужда), Зина на Лену присылала деньги. Но они были счастливы, когда от Лены избавились. И Маша теперь о ней слышать не может и все боится, как бы Лена к ней не приехала [опять]. Ну и я тоже боюсь, хоть она ко мне никогда не заходила, когда бывала в Киеве. Даже когда мы вместе с Зиной жили.

<...> Мне все говорят: «Не пишите Лене, она может наделать Вам массу неприятностей». Уехав от Георгия Ивановича Мотовилова и жены, которые ей давали и вещи, и деньги, и держали ее у себя, она швырнула дверь и написала Георгию Ивановичу на службу ругательное письмо. Ей хотелось перессорить всех людей. О Мотовиловых она говорит, что она их всех ненавидит. Это она мне писала.

А мужу Маши [Володиной] она рассказывала, как она нас обманывала, обдуряла, а мы ей верили; что она нас всех ненавидит, еще нам отомстит. Вот буквально, что я ей написала, когда она просила меня сказать Вам, чтоб Вы прислали ей старые вещи Ваших сыновей. Что я уже Вас об этом просила, но Вы отказались и «даже осуждаете Катю, которая дает ей деньги.

<...> Лена приехала в Тамбов, это было давно, по приглашению Маши. Машин муж был слепой, последние годы преподавал грамоту в музыкальной школе, нет – училище. Маша очевидно думала, что Лена сможет ему читать вслух, а он будет ей преподавать те предметы, которые ей нужны, у нее тогда еще не было аттестата десятилетки. Приехав туда, Лена пришла в ужас от их невероятной нужды, написала нам, что нужда такая, что ей неудобно у них жить.

<...> Мы [с Зиной] стали посылать Маше на ее имя деньги на содержание Лены. Оказалось потом, никакой службы Лена в Тамбове не нашла, ничего не делала, ни разу ни одной строчки не прочла слепому Машиному мужу, а лежала весь день на кровати. Читала и писала дневники. В дневнике она описывала, как она выйдет замуж за генерала, у нее будет свой автомобиль. Перед Володиными она невероятно хвасталась, рассказывала, как, получив от нас много вещей и деньги на полет во Львов, где у нее было будто бы назначено свидание с каким-то кавалером, она сейчас же все продала и покупала себе персики по 50 руб. кило и ела их.

Машенькиной девочке, Эллочке, она говорила: «Что ты из себя представляешь? Дочь простого рабочего, а мой отец был дворянин». Это, кажется, больше всего удивило Машиного мужа, он писал [Зине]: «Какой же он, Игнатович, [настоящий] дворянин[*когда он*] колокольный». И я узнала, что лиц духовного звания называют «колокольными дворянами». Эти странные разговоры происходили при советской власти, после войны.

<...> Что Вы скажете о Лене? Она прислала Зине письмо. Положение ее ужасно, она отбила своего пьяницу от его второй жены (первую он бросил и женился на лучше зарабатывающей. Типик!). Лену будто бы сняли с работы за разрушение чужой семьи. В Кимовске ей службы не найти. И кроме того у нее четвертый месяц беременности, и аборта уже делать нельзя. Явно ненормальная. Виноват, кажется – по ее словам, во всем Вика [Некрасов]. Не устроил ее пьяницу на какую-то службу, а вот если бы устроил, он бы в третий раз женился на Лене. Так она пишет. А, может быть, она все врет?

Ведь я Вам, кажется, писала, как она нам прислала фальшивое письмо от «рабочкома», что она ослепла и что немедленно ей надо выслать 700 руб., а то она продала казенные вещи, и попадет в тюрьму. Викина знакомая позвонила тогда корреспонденту Кимовской газеты: ни в какой больнице она не лежала и не думала слепнуть, а «письмо из рабочкома» писала ее подруга. Может и теперь все вранье: она и не уволена, и беременности нет? (июнь 1960-го, т.е. до денежной реформы января 1961-го)

К ужасу Марьи Михайловны Володиной Е.А. Игнатович с сыном (и в животе – с дочкой, как потом оказалось) в декабре 1960-го опять пожаловала к ней в Тамбов:

Лена к ней приехала с ребенком, кажется, хотела ей его оставить. Но Маша и слышать об этом не захотела, и 30-го отправила их обоих в Кимовск. Мальчик, говорит, несносный, так дубасил по роялю (а он старый), что кусок дерева отскочил. В феврале Лена должна родить второго ребенка.

Ленин мальчик, когда Маша говорила ему, чтоб он не играл на рояле, отвечал ей: «Бабка – жабуля». Лена Зине жаловалась, что Маша не позволяет ее сыну на рояле играть, и что ее кошка на него шипит.

<...> Зашла Зина, принесла Ленино письмо, уже из Кимовска. Пишет, что очень [хорошо] отдохнула у Маши (а Маша за это время похудела!), а ребенку так понравилось в Тамбове, особенно – дочка Маши Эллочка, «которая подарила ему игрушки». Уезжая, он сказал: «Здесь хорошо. Мы еще приедем». Нужно было бы этого ребенка устроить в какой-нибудь интернат, а то он вырастет хулиганом.

<...> Зина получила письмо от Лены. Она со своим сыном едет к Зине в Киев. Подумайте: 3 раза ее Вика выгонял. Сказал, чтоб на порог их квартиры ее не пускали! Дальше передней ее в последний раз не пустил, вынес ей деньги (500 руб. тогда) и сказал ей, чтоб шла с ребенком ночевать на вокзале в комнату матери и ребенка и ехала обратно. И она опять едет к ним! Ну и самолюбие!

<...> Лена развивает сверхъестественную энергию. Написала в Ленинскую библиотеку (отдел рукописей), в Министерство [социального обеспечения] Украины (в отдел персональных пенсий). Требуется, чтобы я прислала заявление, что надо для ухода «за мной» (собственно говоря, для моего ухода за ее детьми). Чтобы ее с детьми прописали на моей площади.

Я пока отмалчиваюсь. Ведь уже в 1954 году она писала Вике: «Тетя Зина и тетя Соня – люди XIX века и ничего не понимают. Отчего Вы тетю Соню, когда она была в больнице, не перевели сразу в сумасшедший дом?» Это она хотела к нему подлизаться, да.

Походы «сверхъестественно энергичной» Е.А. Игнатович по «богатым московским родственникам» будут описаны в очерке «Классонята».

А теперь проследим судьбу Веры Ивановны Мотовиловой и ее потомков (опять же в пересказе нашей «семейной связи»):

Тетя Вера сошлась с каким-то евреем*. Пожениться они не могли. Он вскоре умер. У нее от него дочка Нина. При царской власти она не могла называться Мотовиловой, так как была незаконной, а при советской власти она стала Мотовиловой. Она тоже с кем-то сошлась**, и у нее сын Коля Мотовилов. Они живут в Ленинграде.

Муж Нины нелегальный, кажется, был сослан, затем убит немцами. И она, и сын – оба преподаватели средней школы. Она – русской литературы, а он – немецкого языка. В университете учился лучше всех <...>. Тетя Вера умерла в эвакуации в Ульяновске в конце войны, кажется в 1945 году. Во время войны они жили у Пятницких в Симбирске. Ну, те-то вполне обеспечены.

<...> В 1924 году (у нас это были голодные годы, и жилось очень тяжело) тетя Вера написала маме, что они с Ниной в Крыму умирают с голода. Мама сейчас же ей выслала денег, посылку с одеждой и пригласила их приехать к нам. Вещи они, кажется, сразу же продали. <...> Я сейчас же отвезла их на дачу к маме, и за месяц Нина прибавила на пуд. После голодания человек быстро толстеет. Мы делали для них все что могли, отдали им наши вещи.

И затем мама написала [Р.Э.] Классону, что тетя Вера с дочкой живет у нас, прокормить мы их можем, но на одежду их у нас не хватает. И Ваша сестра, Таня, сейчас же выслала тете Вере посылку с очень хорошими вещами: платьями, башмаками и т.д. Прожила тетя Вера с Ниной у нас полгода, и так же как Лена [Игнатович] возненавидела нас и больше всех меня, хотя я ей устроила на железной дороге очень хорошую службу и отдавала все свои вещи для переделки Нине.

Но тетя Вера обижалась, что Нине не покупают новое и (в годы голода!) что у Нины плохое питание. Она должна «пить сливки».

<...> Тетя Вера – такая же и моя тяжесть, как и Ваша. Закончу о ней. Когда они в 1923 году приехали к нам, мы сейчас же отвезли их к маме на дачу. Они были истощены голодом, а тогда люди скоро поправляются при полноценном питании. За один месяц Нина прибавила на пуд. Тетя Вера вскоре приехала в город, мы считали, что ей надо поскорее достать себе службу. Все нормальные люди так бы считали, но она, кажется, обижалась.

Сперва Зина ей нашла временную службу, потом я – на железной дороге. Тетя Вера не получила медицинского образования, кончила Рождественские курсы и была фельдшерницей. Многие фельдшерницы зарабатывали тогда больше врачей. Зимой 1924-го Нина заболела коклюшем. Зина говорила, что она не должна ходить в школу, чтобы не заражать других детей. Тетя Вера, сама фельдшерница, говорит: «Я знаю мою девочку. У нее не может быть коклюша».

* С Соломоном Львовичем Камаем (1886-1910), моложе ее на одиннадцать лет.

** С Николаем Ивановичем Гоголевым (1905-1941), сын Николай родился в 1937 г.



Вера Ивановна Мотовилова, которая «сошлась с каким-то евреем»

Воскресенье. Я убираю кухню. Тетя Вера с Ниной, обнявшись, возлежат на диване в столовой и очевидно, чтоб уязвить меня, тетя Вера говорит Нине: «Бедная, бедная моя девочка! У тебя от плохого питания развивается туберкулез».

Я не выдержала, вылетела в столовую: «Но какое же у Нины плохое питание?» Кроме всей нашей еды и она, и [мой племянник] Вика ежедневно ходили в столовые АРА, где им давали какао, белую булку и т.п. Нинина столовая была в двух шагах от нас, а Викина чуть ли не в противоположном конце города.*

<...> Тетя Вера достойно ответила мне: «Количественно питание достаточное, но Нина должна каждый день пить сливки». Вы поймите: голод, сыпной тиф, хлеба людям не хватает (нам-то хватало, я получала ежемесячно, кроме наших пайков, 3,5 пуда, 0,5 пуда давали рабочему за приход на работу). Когда-то после Зина видела тетю Веру в Ленинграде, и та Зине сказала, что она отлично знала, что у Нины коклюш, но Нине хотелось ходить в школу. <...> Я посоветовала маме, когда умирала с голода в Крыму тетя Вера, вызвать ее к нам. Мы послали ей вещи, деньги, она приехала в голодный 1923 год.

<...> Прожила она у нас полгода и все ненавидела нас, особенно меня. Мама тогда написала Роберту Эдуардовичу [Классону], что кормить мы тетю Веру и ее дочь Нину можем, но одеть – нет, и тогда Ваша сестра Таня прислала ей великолепную посылку. Видите, Р.Э. сейчас же откликнулся. Но Ваши сестры были маленького роста, и вещи их не приходились на тетю Веру и Нину. Мама предложила купить эти вещи для Зины, конечно за цену дороже, чем кто-либо дал.

* АРА – American Relief Administration, созданная для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в 1-й мировой войне. В 1921 г. в связи с голодом в Поволжье деятельность АРА была разрешена и в РСФСР.

Тетя Вера отказалась, пошла на базар, толкучку и продала за гроши. Пришла и злобно сказала: «Продала гораздо дешевле, чем вы давали, но бедной женщине» (т.е. спекулянтке). Одно платье, присланное Таней, тетя Вера сдала в комиссионный магазин за 100 000 и только через два месяца, когда его не удалось реализовать, она согласилась продать маме за те же 100 000!

И это, живя у нас с дочерью на всем готовом. Мы таскали плахи дров в квартиру (сараяв не было, центральное отопление не работало), мама их укладывала. Тетя Вера лежала на диване в столовой и говорила: «Ну и сердца у вас, я бы не могла». Однажды мама и я стояли долго в очереди за мукой, главным образом для тети Веры и Нины. Мы хлеба почти не ели. Мама сказала: «Пойди, попроси тетю Веру на несколько минут заменить меня, я пойду – обогреюсь». Я помню, тетя Вера отказалась, у нее – плохая обувь.

<...> И вот во время войны, когда был такой страшный голод в Ленинграде, тетя Вера с Ниной и ее сыном ([до этого] Нининою мужа и его мать убили немцы, она не хотела немцам отдавать свой рояль, ну, они ее ударили по голове, и она умерла) поехали в Симбирск и поселились у Петинной жены. <...> Прожили тетя Вера и Нина тут два года, а когда можно было вернуться в Ленинград, Нина с сыном получила пропуск и уехала, бросив свою мать (тетю Веру) в Симбирске.

Т. Вера тут умерла одна в больнице. Правда, Нина говорит, что ей прислали один только пропуск, а в Ленинграде она хлопотала и ничего добиться не могла.

А вот как описывала своих дальних родственников Алина Антоновна в 1936-м, в письме в Лозанну:

Через несколько времени, т.е. 6-го или 8-го [сентября? – МК], я не помню, приехала к нам и Верочка Пятницкая [из Москвы]. Я ее давно не видала и очень радовалась ее приезду. Она такая уютная, домашливая, так хорошо ко всем нам относится, близко принимает к сердцу все наши интересы, и не только наши, но и всех своих близких. Когда она служила, она и денежно помогала и тете Вере, и Гельшертам, и даже Любе [Пятницкой в Париже] изредка. Но теперь, получая [лишь] пенсию, не может уже этого делать и очень этим мучается, но изредка все-таки посылает [в Тамбов] Машенькиным детям то на платьице, то на уплату детского сада, а т. Вере и Ниночке – займы, когда они нуждались.

Теперь же все понемногу устроились. Нина вышла замуж и обожает своего мужа. К сожалению, должна была последовать за ним в Сибирь, где им довольно плохо живется, хотя они оба педагоги – Ниночка влюбилась в него, когда он был еще ее учителем в Твери. Она теперь тоже учительница, но зарабатывают они мало в своем медвежьем уголке. Т. Вера как фельдшерница стала теперь больше получать и помогает им. Но очень скучает без своей Нины и чтобы мочь помочь им остается в Питере, где ей самой очень плохо живется благодаря неприятным соседям, которые делают им и говорят всякие пакости, похуже еще чем мне соседи.

От брака Нины Соломоновны Мотовиловой-Камай и Николая Ивановича Гоголева (который, оказывается, был ее преподавателем – в Тверском педагогическом институте?) в 1937-м родится сын Николай.

И, наконец, приведем драматические истории, случившиеся с Любовью Николаевной Пятницкой (на некоторое время ставшей Пап, по третьему мужу):

Знаете, Люба имела трех мужей. Все – мерзавцы. Первый забрал все ее состояние, 10 000 руб. царских. Сказал, что на эти деньги устроит какой-то гараж, и Любе будет высылать по 100 руб. в месяц. Деньги забрал и исчез. Дальше Люба сошлась с талантливым молодым скульптором [Осколковым]. Он и поныне жив. Недавно праздновали его 70-летие. Восхваляли в газетах.

<...> В молодости ему покровительствовали разные меценатки. Он даже жил у них. К Любе он приезжал, когда меценатки его прогоняли. Это от него у Любы дочь Лена. Они <...> вскоре разошлись. За всю свою жизнь он на свою дочь Лену ни гроша не дал.

Одно время Люба жила у своей сестры Нади Пятницкой в Сибири. Она мечтала уехать из России, и тут к ней посватался венгерец, бывший после войны у нас в плену. Он выдавал себя за коммуниста. Очевидно, знал, что у Любы есть «связи», и она поможет ему уехать в Венгрию. Так и вышло. Сперва, было, объявилась еще одна жена. Был суд. Луначарский дал письмо судье (?!). Потом Луначарский же помог им уехать в Венгрию. Люба прислала нам открытку из Риги и подписалась фамилией мужа – «Пап».

Но когда они приехали в Венгрию, оказалось, что он вовсе не коммунист, а богатый фабрикант, и там [ждала] его семья – жена и взрослые дочери. Люба осталась одна с маленькой Леной, в чужой стране, языка она не знала. Но тут-таки устроились. Люба давала уроки языков, а Лена училась в немецкой школе. Получила хорошее образование, знает пять языков, музыку, окончила архитектурный факультет.*

А бедная Люба, переехав в Париж, не смогла найти [приличную] работу (иностранцам не давали) и все время работала как кухарка и уборщица. И теперь подрабатывает этим же.**

* Сей сюжет нуждается в некотором комментировании. Дело в том, что в 1917 г. на территории бывш. Российской империи находилось около 2,2 млн военнопленных, из которых 0,5 млн составляли венгры. Однако в связи с подписанием в 1918-м Брестского мира военнопленные стали отправляться на родину. Всего из России в Венгрию в 1918-22 гг. вернулось 150-200 тыс. человек, еще некоторые возвратились на места прежнего своего проживания в Австрию, Чехословакию и Югославию. Ну а остальные, выходит, по разным причинам возвращаться не пожелали, в том числе из-за того, что создали то ли впервые, то ли повторно семьи в России. Так поступил, как мы видим, и «коммунист Пап», ну а потом все же решил вернуться к первой семье... Однако необходимость обращаться к А.В. Луначарскому за содействием для выезда за границу бывш. военнопленному требует дополнительного и трудоемкого расследования.

15 июля 1921 г. берлинский «Руль» уточнял диспозицию:

Бывший премьер Гусар предложил Национальному собранию [Венгрии] обратиться ко всем парламентам мира с призывом оказать содействие освобождению из России задержанных там 60 тыс. военнопленных венгерцев. В призыве подчеркивается, что Венгрия в первые же недели после подписания перемирия освободила 310 тыс. русских военнопленных, советское же правительство задерживает венгерских военнопленных. Они томятся в тюрьмах и концлагерях и умирают тысячами вследствие истязаний, лишений и эпидемий. Венгерское правительство ведет с Россией переговоры об освобождении из России военнопленных и готово принять все условия, совместимые с интересами страны.

30 июля 1921 г. тот же «Руль» сообщил, что только что закончились переговоры между Венгрией и Советской Россией, последняя сторона выдаст первой всех военнопленных венгров. Выходит, «временный муж» Л.Н. Пятницкой Пап смог выбраться на родину раньше?

А вот трагический пример с однофамильцем «нашего Папа» – рядовым Яношем Папом. В конце июля 1919 г. в Красноярске восстали 3-й и 31-й стрелковые полки белых частей. К ним присоединились несколько десятков венгров-военнопленных, находившихся в Красноярском концлагере. Мятеж был подавлен, полсотни венгров – расстреляно, в т.ч. и Янош Пап (и потому он «попал в историю»).

Автор сих очерков должен с горечью признаться, что так и не заглянул в «Письма Л. Пятницкой Ульяновым» в фонде 786 отдела рукописей РГБ (картон 2, ед. хр. 19) – а вдруг в них упоминалось ФИО коварного мужа-венгра?

** Из статьи «Русские в Венгрии (Письмо из Будапешта)», опубликованной в берлинском «Руле» 20 сентября 1921 г., о тяжелой жизни русских женщин в эмиграции:

Местным учреждениям приходится также иметь заботу о женщинах, приехавших в Венгрию из Совдепии со своими мужьями-мадярами. Некоторые из последних оказываются двоеженцами, а есть и такие, которые отказываются от дальнейшей совместной жизни с русскими женами. Местные русские [эмигрантские] учреждения берут их под свое покровительство, устраивают на работы, преимущественно в качестве домашних прислуг (о детях – особая забота), а некоторых, изъявивших на то согласие, отправляют в [концентрационный] лагерь, для дальнейшего следования в Совдепию. Удивительно, что все же находят желающие уезжать обратно в Совдепию, но, правда, это исключительно Сибиряки, где, по-видимому, голод еще не оказал всю силу своего разрушающего влияния.



*Мария Ивановна Мотовилова в молодости, оставшаяся старой девой**

Отметим здесь, что идентификация такого персонажа как «скульптор Осколков» (примерно 1889-90 года рождения) требует дополнительного, возможно даже трудоемкого исследования. Во всяком случае, в Российской государственной библиотеке отсутствует какая-либо персональная литература по нему, в отличие, например, от известного советского скульптора Г.И. Мотовилова (см. выше).

Возможно потому, что как зафиксировал И.Р. Классон в своих черновых записях:

Когда Любовь Николаевна [Пятницкая] получила от Марии Ивановны Мотовиловой 5 000 руб. и дала их в 1913-м Осколкову, он сбежал, но как узнала [сестра первой] Вера Николаевна, он потом работал в Москве в Музее изобразительных искусств под другой фамилией [как удалось позднее выяснить, под фамилией Мограчев – МК], короткое время давал Вере Николаевне небольшие деньги для Любви Николаевны. (ф. 9508 РГАЭ)

Через некоторое время от С.Н. Мотовиловой последовали новые подробности (с реминисценциями в «сливки» русской интеллигенции):

<...> Люба была дико влюблена в своего второго мужа Осколкова, и все ждала от него писем. Он не писал. Он был талантливый скульптор на самом деле, вечно жил у каких-то меценатов, а когда у них жить было нельзя – жил у Любы. Беременная Люба поехала на Капри, где он [тогда] жил. Он делал вид, что ее не знает. Одним словом: пролез к «сливкам», а тут появляется какая-то несчастная, бедная женщина, беременная от него! Здесь, на Капри, он вошел в милость к Марии Андреевой, тогда жене Горького.

* Информация по М.И. Мотовиловой весьма скудна. В 1893-м, как упоминал Р.Э. Классон на допросе в Департаменте полиции, 19-летняя Мария жила с родителями, т.е. в Симбирске и в одноименном уезде. Но через некоторое время, по-видимому, переехала в семью старшей сестры Софьи Ивановны – на Охту, под Петербург. После отъезда в 1897-м четы Классонов с маленькой Сонечкой в Москву осталась, скорее всего, в Северной Пальмире. В 1906 г. получила приличное по тем временам наследство (около 50 тыс. руб.), после продажи принадлежавшего ее матери Л.Ф. Флориани-Мотовиловой имения. К 1910 г. обзавелась приемной дочерью Дашенькой и бонной. Дальнейшая судьба воспитанницы Дарьи Михайловны Скворцовой типична для жизни «под большевиками». Из письма С.Н. Мотовиловой В.Н. Ульяновой в Лозанну: *«Да вот еще тебе о тете Мане. Это из письма Машеньки [Володиной из Тамбова]: «Тетя Маня жила последние годы в Курске, там и умерла под ножом хирурга [~ в 1922-м], ей вырезали кисту. [Приемная дочь] Даша стала коммунисткой. Тетя Маня обижалась на нее, что она уделяла ей мало внимания.»* По-видимому, М.И. Мотовилова оказалась в Курске вслед за своей приемной дочерью-коммунисткой Д.М. Скворцовой. В Интернете, к сожалению, следов последней нет...

Это ему было очень полезно впоследствии, он был директором музея Морозова, в почете у большевиков. Года три назад праздновали его 70-летие. Я послала Любе статью [(напечатанную по этому поводу)].

В 1912 году Люба гостила у мамы в Хатках [под Сорочинцами], ссорилась с Зиной, рвала и метала, что нет писем из Франции от Осколкова, проклинала Хатки и почту. А между тем доставка писем в Сорочинцы была очень хорошо организована.

<...> Впервые попав в Сорочинцах на почту, я была изумлена необычайной любезностью начальника почты и всего персонала. А вот чем это объяснялось. Короленко, человек абсолютно честный, морально чистый, однако понимал существующие тогда порядки. Ему, редактору тогда «Русского богатства», очень важно было получать своевременно все письма. И вот ежегодно он давал какую-то сумму начальнику Сорочинской почты от всех дачников Хаток. Кто сколько должен заплатить, распределял сам Короленко, в зависимости от того, кто сколько получал писем. Больше всех платил он сам. Это было разумно, вполне справедливо, но ... взятка все-таки есть взятка.

Из дачников, живших тогда в Хатках, не важничали только двое – сам Короленко и его жена. Я, кажется, ее видела всего два раза. Ее сестра была ярой террористкой при царской власти. При советской власти ей хотели дать пенсию, она отказалась.

<...> Другим летом Люба Пятницкая жила с мамой и Зиной на берегу моря во Франции. Это перед войной [1914-18 годов]. Там была вся русская школа, где учился Зинин старший сын Коля, и много других русских. Был там и Луначарский с женой и сыном Викиного возраста. Люба и тут была очень недовольна.

Но их общая фотокарточка – Тотоши Луначарского, Вики и Лены и дочери консьержки послужила ей потом, когда она хотела пройти в Кремль к Луначарским, хлопотать о своем третьем муже – венгерце. Луначарский сделал все [возможное] для ее мужа*, и они благополучно уехали в Венгрию. Но тут (это я уже Вам писала) муж оказался вовсе не коммунистом, а богатым буржуем. Бросил Любу и вернулся к своей богатой семье.

В общем, эти драматические истории в очередной раз подтвердили известную женскую сентенцию: «все мужики – сво....!», ну, а Л.Н. Пятницкой-Осколковой (Маграчевой?)-Пап пришлось во Франции работать уборщицей (это при ее-то знании иностранных языков!):

Бедная Люба очень бедствует теперь в Париже, и, так обидно, ничего ей переслать нельзя, у нас такой теперь закон. На почте мне так сказали. Посылать можно только книги. Я ей написала, не прислать ли ей книг? Может быть, она могла бы их продать, как мы продавали когда-то присылаемые тобой чулки. Но Люба ответила, что из этого ничего не выйдет, Советских книг у них в Париже сколько угодно, из всех отделов знания, а русских эмигрантов в Париже уже очень мало, зато русское кладбище там уже заполнено.

Лишь в 2013-м автор сих строк, повторно прорабатывая письма С.Н. Мотовиловой, уцепился за такой сюжет (из письма за ноябрь 1961 г. в Москву):

Ленин муж (немец из ГДР) опять безработный. Все трое они живут на заработки Лены, которая должна готовить, стирать и зарабатывать на всех троих. Рисует миниатюры и продает в магазины. Ее отец ведь талантливый скульптор [Осколков], одно время заведовал музеями Морозова у нас. Его очень восхваляли в день его 70-летия в «Советской культуре». Я тогда послала Любе [Пятницкой в Париж] газеты о нем. В Париже он жил или на счет своих меценатов или на Любин счет!

* По-видимому, ходатайствовал перед ЧК-ГПУ и, возможно, поручился за них.

До этого я безуспешно листал подшивки «Литературной газеты» за 1956-58 годы, ознакомился с примечаниями к письмам А.М. Пешкова-Горького (в надежде найти упоминание о «талантливом скульпторе» Осколкове, который втирался в окружение «сливок общества» на Капри). И вот, листая «Советскую культуру» за 1957-58 годы, наткнулся на публикацию, которая все разъяснила, после чего поискал еще в Интернете.

В итоге удалось накопать кое-что существенное. В номере «Совкультуры» за 7 сентября 1957 г. была помещена заметка «Редкое мастерство», в ней как раз и рассказывалось о нашем «мистере Х» (естественно, с его слов), который уже давно не «талантливый скульптор», а лишь «барельефщик», то есть ваятель барельефов для мемориальных досок партийных и государственных совчиновников:

Итак, 9 юношей были осуждены в Екатеринбурге, выездной сессией Казанской судебной палаты, «за участие в революции 1905 г.». Из них самого юного, 18-летнего Анатолия Осколкова – к пожизненной ссылке (?) в северные районы Тобольской губернии. После нескольких недель пребывания в ссылке он сбежал, в конце лета 1907 г. [нелегально] эмигрировал во Францию, сменил фамилию Осколкова на Маграчев, а имя Анатолия – на Сергея. «У меня с детства было влечение к геологии, – сообщил он корреспондентам «Совкультуры». – Очень любил я и рисование, лепку. Нужно было выбирать что-нибудь одно. И я поступил на естественное отделение Парижского университета. Денег, которые присылали родные, не хватало [здесь Осколков-Маграчев умалчивает о том, что ему уже надо было содержать жену Любовь Николаевну Пятницкую и дочь Лену, родившуюся в 1910-м, а не играть роль «бедного студента» – МК]. Приходилось подрабатывать небольшими акварельными рисунками. Парижане, надо сказать, покупали их довольно охотно». В апреле 1910 г. Сергей Захарович Осколков-Маграчев, через связи с художницей Марией Сергеевной Боткиной и далее с гражданской женой М. Горького Марией Федоровной Андреевой, оказался на Капри, у известного писателя.

Этот сюжет у С.Н. Мотовиловой, как мы уже могли прочесть, выглядел гораздо ярче:

Люба была дико влюблена в своего второго мужа Осколкова, и все ждала от него писем. Он не писал. Он был талантливый скульптор на самом деле, вечно жил у каких-то меценатов, а когда у них жить было нельзя – жил у Любы. Беременная Люба поехала на Капри, где он тогда жил. Он делал вид, что ее не знает. Одним словом: пролез к «сливкам общества», а тут появляется какая-то несчастная, бедная женщина, беременная от него! Здесь, на Капри, он вошел в милость к М. Андреевой, тогда жене Горького. Это ему было очень полезно впоследствии, он был директором музея кустарных изделий Сергея Тимофеевича Морозова, в почете у большевиков. <...> Они вернулись в Россию все трое после революции в 1917 году. Ну и вскоре разошлись. За всю свою жизнь он на свою дочь Лену ни гроша не дал.

Продолжим изложение биографических деталей из «Совкультуры»:

Алексей Максимович сказал Анатолию-Сергею, после некоторого знакомства: «И чего вы колобродите? Оставьте камни в покое. Мой совет вам – целиком посвятить себя искусству». В 1912 г. С.З. Осколков-Маграчев участвовал в парижской выставке международного «Союза независимых» художников (с картинами и этюдами).

Дальше в биографии «талантливого скульптора» зияет значительная лакуна, в которой пропали в том числе сюжеты с одалживанием 5 000 царских руб. (весьма значительная для того времени сумма!) у матери его ребенка Л.Н. Пятницкой и побегом от нее, возвращение в Советскую Россию, якобы работа в музее кустарных изделий С.Т. Морозова.

Между прочим, в справочнике «Вся Москва-1927» значится: «Отдел Керамики [Объединенного музея декоративного искусства] (Музей Фарфора) – зав. Мограчев Серг. Зах.». Музей фарфора в 1920-х располагался во Введенском переулке в бывш. особняке Алексея Викуловича Морозова, коллекционировавшего до революции фарфор, гравюры и иконы. Значит, С.З. Мограчев/Маграчев заведовал коллекцией не Саввы Тимофеевича (1862-1905), а предметами искусства, принадлежавшими ранее его троюродному брату – Алексею Викуловичу (1857-1934). Итак, после значительной лакуны:

В итоге С.З. Маграчев переквалифицировался на ваяние барельефов на мемориальных досках (размещались на домах, где ранее жили видные партийные и государственные совчиновники), стал членом Союза советских художников с момента его основания. В 1957 г. С.З. Маграчеву исполнилось 70 лет, но он был полон «творческих замыслов» (насчет мемориальных досок)...

Интернет несколько дополнил «линию жизни» С.З. Маграчева:

Уроженец Екатеринбурга. Учился на естественном факультете Парижского университета (1907-1912) и одновременно занимался скульптурой в свободных академиях Парижа, Флоренции и Рима, в мастерских О. Родена и Э.-А. Бурделя.

Жил в Москве (с 1917 г.), работал в станковой, монументальной и мемориальной скульптуре, исполнял скульптурные миниатюры и медали. Автор портретов и композиций. Исполнил бюст писателя Д.А. Фурманова (гипс, ГТГ, 1927), барельефы поэта А.С. Пушкина (медальон, 1937), художника И.Е. Репина (медаль, 1944). Член АХРР и общества «Жарцвет», участник выставок (с 1926 г.). Преподавал в МИПиДИ (1944–1952), доцент. В 1925 г. С.Г. Маграчев участвовал в конкурсе на памятник революционеру Н.Э. Бауману, в итоге был реализован проект скульптора Б.Д. Королева. В 1946 г. художник Маграчев участвовал в конкурсе наград для советских ученых, изготовил эскиз одного из вариантов ордена «Д.И. Менделеев» (сии знаки отличия в советскую наградную систему по каким-то причинам не были допущены).

Выходит, у «талантливого скульптора» С.З. Осколкова-Маграчева в активе лишь один гипсовый бюст Д.А. Фурманова? Негусто...



Бронзовая медаль «В.И. Ленин (65 лет со дня рождения)». Работа С.З. Маграчева, 1935 г.

А в заключение этого очерка приведем самокритичные воспоминания В.П. Некрасова (из эмигрантской уже повести «По обе стороны Стены»):

Молодость беспечна. Интересуется больше настоящим и будущим. К прошлому более или менее равнодушна. Равнодушен был и я. Теперь локти кусаю. С кислым видом выполнял я в юные годы бабушкино поручение посетить в Москве ее подругу Елизавету Николаевну. Господи, тратить еще на каких-то старушек драгоценное московское время.

А старушка эта была старой революционеркой, Е.Н. Ковальской, народоволкой, политкаторжанкой, хорошо знала Веру Засулич. Бог ты мой, сколько интересного она могла бы мне рассказать, прояви я малейшее любопытство. А я думал только о том, как бы повежливее отказаться от второй чашки чая.

А дедушки, прадедушки? Один сидит на фотографии в каком-то теплом халате, в кресле, в саду, бородатый, скучный. Другой в генеральском мундире, с Анной на шее (уплыла в Торгсин) и уланской, что ли, каской в правой руке. Антон фон Эрн, бабушкин отец, швед по национальности (очевидно, из Финляндии), генерал-майор.

Смотрю сейчас на него, такого солидного, важного, и думаю – а с кем ты воевал, прадедушка, как и кому проигрывал в карты? – а тогда, в детстве, только стеснялся, что у меня такой предок, царский генерал.

Прабабушки? Луиза и Валерия Францевны Флориани. Обе итальянки. Из Венеции. Каким ветром их занесло в Россию? Обе красивые, в черных кружевах – ну и Бог с ними. И еще много, много было в альбомах разных господ в стоячих воротничках и дам в турнюрах и всяческих наколках.

Альбомы показывались друзьям, те с интересом расспрашивали, кто да кто, мне же это было, как теперь говорят, «до лампочки». Пробел по части родословной заполнил все тот же дядя Коля. Сообщил даже, что род Мотовиловых ведет свое начало от каких-то Кобыл, от которых другой ветвью пошли и Романовы.*

В предисловии мы приводили полемические слова И.А. Бунина о духовной роли дворянства в развитии России. А здесь, совсем уже «под дворянский занавес», дадим высказаться В.Г. Короленко, который заочно полемизирует со своим коллегой-писателем (и попадает в резонанс с гневными филиппиками князя П.В. Долгорукова):

<...> Вашей диктатуре предшествовала диктатура дворянства. Она покоилась на огромной лжи, долго тяготевшей над Россией. Отчего у нас после крестьянской реформы богатство страны не растет, а идет на убыль, и страна впадает во все растущие голодовки? Дворянская диктатура отвечала: от мужицкой лени и пьянства. Голодовки растут не оттого, что у нас воцарился мертвящий застой, что наша главная сила, земледелие, скована дурными земельными порядками, а исключительно от недостатка опеки над народом лентяев и пьяниц.

Мне с товарищами в голодные годы приходилось много бороться в литературе и собраниях с этой чудовищной ложью. Что у нас пьянства было много, это была правда, но правда только частичная. Основная же сущность крестьянства, как класса, состояла не в пьянстве, а в труде, и притом труде, плохо вознаграждаемом и не дававшем надежды на прочное улучшение положения. Вся политика последних десятилетий царизма была основана на этой лжи.

* Николай Алексеевич Ульянов (еще с дореволюционных времен проживавший в Лозанне), муж тетки В.П. Некрасова Веры Николаевны.



*«Бородатый, скучный, в каком-то теплом халате»
(И.Е. Мотовилов на склоне лет)*

Отсюда всевластие земского начальника и преобладание дворянства во всем гражданском строе и в земстве. Эта вопиющая ложь проникала всю нашу жизнь... Образованное общество пыталось с нею бороться, и в этой «оппозиции» участвовали даже лучшие элементы самого дворянства. Но народные массы верили только царям и помогали им подавлять всякое свободололюбивое движение. У самодержавного строя не было умных людей, которые поняли бы, как эта ложь, поддерживаемая слепой силой, самым реальным образом ведет строй к гибели.

<...> Вместо того чтобы внять истине и остановиться, оно только усиливало ложь, дойдя, наконец, до чудовищной нелепости «самодержавной конституции», т.е. до мечты обманом сохранить сущность абсолютизма в конституционной форме. И строй рухнул. Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь внушить народу? По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой же широкий, «классовый» характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия («буржуй») представляет только класс туенядцев, грабителей, стригущих купоны, и – ничего больше. Правда ли это? Можете ли вы искренне говорить это? В особенности можете ли это говорить вы – марксисты?



И.Е. Мотовилов в кругу родных и близких, с. Мокрая Бугурна, после 1897 года
(все же на снимке можно определенно идентифицировать
лишь дочь Марию Ивановну – сидит по левую руку Ивана Егоровича)

<...> Вообще сердце сжимается при мысли о судьбе того слоя русского общества, который принято называть интеллигенцией. Рассмотрите ставки ваших жалований и сравните их с ценами хотя бы на хлеб. Вы увидите, какое тут смешное, вернее трагическое, несоответствие. И все-таки живут... Да, живут, но чем? – продают остатки прежнего имущества: скатерти, платочки, кофты, пальто, пиджаки, брюки. Если перевести это на образный язык, то окажется, что они продают все, заготовленное при прежнем буржуазном строе, который приготовил некоторые излишки. Теперь не хватает необходимого, и это растет как лавина.

Вы убили буржуазную промышленность, ничего не создали взамен, и ваша коммуна является огромным паразитом, питающимся от этого трупа. Все разрушается: дома, отнятые у прежних владельцев и никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбираются на топливо, одним словом, идет общий развал. Ясно, что так дальше идти не может, и стране грозят неслыханные бедствия. Первой жертвой их явится интеллигенция, потом городские рабочие.

*Дольше всех будут держаться хорошо устроившиеся коммунисты и Красная Армия. Но уже и в этой среде среди добросовестных людей заметны признаки обнищания. (из писем А.В. Луначарскому, 1920 год)**

Все это, как метко диагностировал «инженер человеческих душ и социальных отношений» В.Г. Короленко, и, как мы уже видели, пришлось испытать «при самом справедливом строе», прежде всего, бывшим дворянам Мотовиловым и Пятницким, в меньшей степени – Классонам.

* Интересна история появления этих писем:

<...> Когда в начале 1920-го года Владимира Галактионовича посетил на дому [в Полтаве] А.В. Луначарский, между ними шел спор о возможности немедленно осуществить в России коммунизм. Луначарский предложил В.Г. писать ему об этом освещающие общие вопросы «письма», с тем что напечатает их со своими возражениями. Но в первом же письме В.Г. отступил от спора о коммунизме и от общих вопросов, т.е. от темы относительно которой Луначарский дал обещание вести печатную полемику, и написал страшной силы письмо о расстрелах без суда, в административном порядке. <...> Во всех остальных [(4-х)] письмах В.Г. подвергал критике возможность осуществления теперь же коммунизма в России. В это он совершенно не верил. Впрочем, в этом разочаровались к концу 1921 года и сами коммунисты – вожди и первый из них В.И. Ленин [(вынужденно введя нэп)].

Письма В.Г. к Луначарскому носят публицистический характер и полны ярких примеров. Всего их шесть. Они захватывают при чтении. Но в «Письмах к Луначарскому» нет ни злобы, ни ненависти. «Письма к Луначарскому» были переписаны по городу во многих экземплярах, их читала вся интеллигентная Полтава. Власти об этом знали, но не преследовали... Пока «Письма к Луначарскому» последним не напечатаны. <...> – Владимир Беренштам. В.Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу. Берлин, 1922

Стоит отметить, что письма В.Г. Короленко к наркому А.В. Луначарскому были напечатаны лишь в самом конце правления «Софьи Власьевны» – в 1988 г., в «Новом мире».